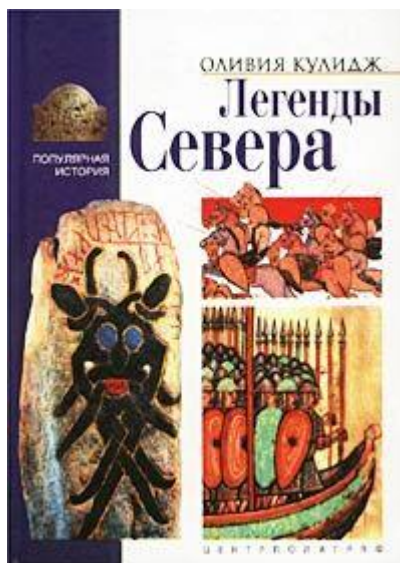

Оливия Кулидж Легенды Севера

Оливия Кулидж Легенды Севера

Предисловие

Легенды северных народов так же суровы и восхитительны, как тот край, где они возникли. Их боги поступали не всегда достойно. Высшей добродетелью считалась отвага, иногда в ущерб морали. Это объясняет нам причины, по которым христианство вытеснило древние верования скандинавов. Истина заключается в том, что истории этих богов едва ли более моральны, чем сказка о герое, жестоко обманывающем короля, с целью завладеть принцессой.

Такие легенды способствуют нашему пониманию духовной жизни этого времени, будят смелость и воображение, которое всегда было необходимо нации первопроходцев, исследователей и искателей приключений. Хотя герои саг и легенд далеки от совершенства, их истории очень увлекательны. Сам Шекспир, любивший страстные истории, позаимствовал сюжет «Гамлета» из древней скандинавской саги.

Интерес к этим легендам заключается в их схожести с легендами других стран. Замерзшие реки и ядовитый иней, созданные Имиром до создания Солнца и Земли, напоминают нам воды из Библии, над которыми витал во тьме Божий дух. Греческие боги в человеческом облике сражались с титанами, а греческие герои побеждали чудовищ.

Суровая история северных народов и условия их жизни сформировали глубоко индивидуальный дух мифов и легенд. Боги Асгарда, как и люди, в них верившие, находились в постоянной борьбе добра и зла, света и тьмы, тепла и холода. Их бурный темперамент противостоял темным силам, от которых Земле суждено было в конце концов погибнуть в Судный день. Мир наводняли великаны и удивительные монстры. Голодные «волки тьмы» преследовали на небесах Солнце и Луну.

Герой в легендах проходит через множество испытаний и каждое принимает с ликованием, хотя его жизнь коротка и счастливые развязки редки. Древние легенды, исполненные суровым духом Севера, всегда новы и восхитительны. Они позволяют нам глубже понять верования древних скандинавских народов и возникшую на их основе литературу.

Часть первая

Сказания о богах Севера¹

Сотворение мира

Много веков назад, как говорили древние скандинавы, было время, когда неба, земли и моря не существовало. Во всей вселенной не было ничего, кроме области холода и места, где бушевало жаркое пламя. Между ними лежала глубокая пропасть. С одной стороны в пропасть стекали ледяные реки, а с другой на них рвался красный огненный жар. От растаявшего инея вверх поднимался пар, и все пространство было заполнено клубящимся туманом.

В конце концов облака стали принимать форму, и появился первый великан холода Имир, затем образовалась огромная корова, чьим молоком и был вскормлен Имир. Он вырос, и его смутные очертания приобрели четкость. Так великан холода получил жизнь и сам породил из тумана сыновей и дочерей.

В то же время корове, вскормившей великана холода, нечего было есть, и она принялась лизать ледяные глыбы. И лед таял от тепла ее языка, принимая форму огромной головы. Корова лизнула в последний раз, и открылись голубые глаза нового огромного существа. Оно поднялось и заглянуло в заполненную туманом пропасть, где смутно можно было разглядеть силуэты великанов холода, детей Имира.

Это был Бури, предок богов, отличавшийся огромной силой. Увидев великанов холода, он понял, что они злые, и решил уничтожить их. Бури так громко крикнул своему сыну и внукам, которые к тому времени еще не родились, что вся пропасть сотряслась от звука его могучего голоса. От тепла дыхания Бури родились его потомки. Затем боги сразились с великанами холода.

Бури погиб в этой страшной борьбе, но в конце концов боги уничтожили Имира и разгромили своих врагов. Оставшиеся в живых великаны холода убежали из огромной пропасти и основали свою страну гор и тумана.

Когда стих грохот битвы, внук Бури, отец всего мира Один взглянул на огромное тело Имира, распростертое в центре пропасти.

– Великан холода был создан из тумана, – сказал он. – Давайте создадим его заново.

Другие боги с радостью согласились.

– Тело Имира будет землей, – заявили они и сделали из него Землю, круглую и плоскую, как колесо.

¹ Эти истории были собраны и частично записаны в XII и XIII веках после того, как древние скандинавские народы были обращены в христианство. Основные предания и легенды содержатся в «Старшей Эдде», а поэтические образцы искусства скальдов в «Младшей Эдде». В скандинавской литературе можно повсюду встретить ссылки на эти источники. (Примеч. авт.)

В центре боги установили горы, где собирались построить свое жилище Асгард – неприступную крепость. Из черепа Имира они сделали огромный небесный свод, превратили его кровь в синие воды океана и заполнили ею пространство вокруг земли, создав преграду между собой и страной великанов. Оттуда, где бушевало пламя, боги взяли несколько искр, сделали повозки и усадили в них Солнце и Луну, чтобы те освещали Землю.

Так был создан мир. Хотя Имир был мертв, его тело оставалось божественным. На земле начала расти трава, поднялись леса, появились животные.

– Мы должны создать тех, кто бы управлял всем этим, – сказал наконец Один. – Давайте создадим их по своему образу, чтобы они присматривали за землей и сделали ее процветающей.

Под землей и на ее поверхности зародились маленькие существа. Так на свет появились светлые эльфы и темные дварфы. Но ни один из этих народцев не нравился богам. Дварфы были прекрасными горными мастерами, но злыми по природе. Они жили в глубоких темных пещерах, вдали от глаз богов. А эльфы хоть и освящали животных и урожай, но построили свою иллюзорную страну в воздухе.

– Эти народы не настоящее наше творение, – сказал Один. – У них была своя жизнь, а мы только придали ей форму. Давайте создадим нового хозяина земли.

На этот раз боги вдохнули жизнь в лесные деревья и превратили их в мужчину и женщину.

Люди надеялись на защиту богов, но те не были всемогущими. В мире появилось много всего противившегося им. Голодные «волки тьмы» гнались за колесницами Солнца и Луны. За границей земли по-прежнему обитали великаны холода. Хель, чудовищная дочь бога и великанши, построила под землей царство тьмы, где правила духами мертвых. Огромный Мировой Змей опутал землю. Высоко над землей в бушующем жарком пламени родились демоны. Все эти могучие силы зла угрожали миру, и никто не знал, кто победит – они или боги.

Верховный бог Один был самым мудрым, поскольку заплатил своим голубым острым глазом за глоток Вод Мудрости. И открылось ему, что пришло время обратиться к тем, в чьих руках находилось будущее, – Норнам. Поговаривали, будто некоторые из них относились к эльфам, а некоторые к дварфам. Так или иначе, но они жили на небесах неподалеку от верхнего конца моста-радуги, соединявшего небо и землю.

Норны сидели возле разноцветного Фонтана, чьи струи взметались ввысь, словно радуга в воздухе. Их лица скрывали вуали, плотные и таинственные, как несущиеся по небу облака. Казалось, если их поднять, то можно увидеть лик будущего, но никто не мог проникнуть в тайну Норн.

– Приветствую тебя, Один, отец всего мира, – медленно произнесла старшая из Норн. – Приветствую, создатель Земли и наш властелин до Судного дня.

Один оперся о свое копьё и стоял, молча глядя на нее. Ветер раздувал его небесно-голубой плащ, шевелил облако седых волос.

– Расскажи мне про Судный день, – проговорил он наконец. – Как долго продлится мое правление?

Рука Норны, желтая и старая, еще ниже опустила вуаль.

– Века человеческих жизней, – ответила Норна.

– Как я паду?

– В битве.

– Скажи мне, как это произойдет?

– Все силы зла соберутся против тебя, – медленно произнесла Норна низким голосом. – Змей поднимется из океана. Яд будет капать из его пасти. Волки зла и тьмы бросятся в схватку. Твой страж Хеймдалль протрубит сигнал предупреждения, когда демоны ринутся с небес по мосту-радуге. Великаны перейдут через океан, чтобы вступить в битву. Из земли мертвых поднимется Хель.

– Кто будет сражаться на моей стороне? – строго спросил Один.

– Духи могучих мертвых, – ответила Норна. – Ты выберешь валькирий, воинственных дев, и усадишь их на облачных коней, чтобы они летали над полями людских битв. Они будут поднимать души погибших героев и приносить их в твой величественный неприступный дворец Вальгаллу. Там воины станут пировать и упражняться во владении оружием, поскольку им предстоит стать твоим войском в битвах Судного дня.

– Если уж мне суждено погибнуть в тот день, – проговорил отец всего мира Один, – тогда скажи мне, по крайней мере, что останется?

– Ничего из того, что существует сейчас, – сказала старая Норна. – Тор, твой могучий сын, будет убит змеем. Ясный Фрейр погибнет от духов огня. Земля превратится в пепел. «Волки тьмы» поглотят Солнце и Луну.

– Значит, все будет потеряно.

– Нет, не все. Сыновья твоих сынов выживут, и, хотя ты падешь, демоны и великаны понесут серьезный урон. Новая раса богов создаст чистые небеса и землю, с которой будет изгнано все зло.

Старая Норна еще раз подняла руку к своей вуали. Сквозь нее Один разглядел горящие голубые глаза.

– Хорошо, – медленно произнес он. – Я был создан для битвы, и мой век станет веком борьбы. Когда она закончится, пусть правят другие боги. Я оседлаю воющую бурю и погибну в последней великой битве.

Норна неторопливо отвернулась от него, но Один еще долго смотрел на переливающиеся разными цветами струи Фонтана.

– Асгард, наша цитадель, наша крепость, находится на земле, – сказал он наконец. – А здесь, возле этих мудрых существ, будет стоять наш судный престол. Мы оставим Хеймдалля, нашего стража, охранять мост-радугу, по которому будем взбираться каждый день на небо и издавать законы правления миром.

Котел Хюмира

Эгир, морской бог, лежал на скалах мыса, накрывшись одеялом из облаков. Глаза его были закрыты. Он нежно улыбался смеху своих серых дочерей – волн, набегающих на покатый берег. Его размышления прервали громкие голоса богов, требовавших разрешения построить дворец для пиров возле океана, где зеленые горы спускались прямо к воде.

Старый Эгир раздвинул туман и поднялся, высокий и мокрый.

– Вы воздвигли свою цитадель Асгард в центре земли, – проворчал он. – Почему бы вам не пировать там? Разве у вас там нет огромных, сверкающих золотом залов с серебряными крышами?

– Земля наша, – заявил отец всего мира Один. – Мы строим где хотим. Но раз это тебя беспокоит, проси взамен какой-нибудь дар. Мы купим твою добрую волю.

Морской бог хитро улыбнулся.

– Тебе придется варить мед для великих пиров, – сказал он. – Тогда перед тем, как строить, принеси мне котел в милю шириной и милю глубиной.

С этими словами Эгир лег на скалы, и туман снова окутал его.

В удивлении вернулись боги в Асгард. Подобного котла никогда не видывали на земле.

– Во дворце великана холода Хюмира висит такой котел, – сказал наконец отважный Тюр. – Это наша земля, но дикая страна великанов за великим океаном еще не покорена. Кто решится пойти туда со мной?

– Я пойду, – отозвался рыжебородый Тор. – Готовь мою колесницу.

Тюр надел кольчугу, а Тор поехал в голубых легких одеждах. Он не взял никакого оружия, кроме своего молота, столь тяжелого, что его было не поднять и вдсятером. Однако Тор легко с ним управлялся. Колесницу тянули два козла, такие же лохматые и свирепые, как их хозяин. Железные копыта цокали по камням, глухо стучали по дерну, и вскоре повозка с грохотом миновала горы и спустилась к океану – границе земли. На другой его стороне лежала земля великанов, страна застывших гор и темных низин, слишком глубоких, чтобы туда проникало солнце. Над головами богов возвышалась бесконечная гора, поросшая

соснами. Подо льдом грохотали черные воды. Могучие камни скатывались по склонам этой горы. Выли волки, и эхо разносило их вой. На заснеженном пространстве виднелись огромные следы.

Дворец Хюмира был столь огромен, что его крыша поднималась к самому небу. Облака заплывали и выплывали через дымовые трубы, отчего потолок с массивными балками казался еще выше. Каменные колонны, подпиравшие его, были такими могучими, что боги вдвоем не смогли бы обхватить ни одну из них руками. В очаге горели двадцать деревьев с ветвями, листьями и корнями.

Жена Хюмира была прекрасна, как зимнее солнце. Ее глаза напоминали голубое холодное небо, но они улыбались богам.

– Добро пожаловать, властелины земли, – сказала она, протягивая им длинные рога с элем. – Хюмир ходит каждый день ловить рыбу, могучих глубинных чудовищ. Муж не обрадуется вашему появлению здесь, но, раз вы выпили эля, как его гости, он сдержит свое недовольство. Только встаньте за колонну, когда Хюмир войдет, чтобы его яростный взгляд не уничтожил вас в одно мгновение.

Некоторое время спустя они услышали шаги великана, поскольку земля тряслась под его ногами. Тор и Тюр скрылись за колонной, когда обитая железом дверь с грохотом распахнулась. Седой великан холода весь в снегу стоял на пороге. В его кустистой бороде застыли длинные сосульки.

– Кто приходил сюда? – крикнул он, обведя своим свирепым взглядом зал и остановив его на колонне, за которой укрылись боги. В этом взгляде было столько ярости, что колонна лопнула и упала на пол со страшным грохотом. Оба бога остались без укрытия.

– Вас никто не приглашал сюда, чужеземцы из Асгарда, – сердито заявил великан, – но я вижу, вы выпили моего эля. В таком случае оставайтесь на этот раз с миром, но не смейте больше переходить мне дорогу.

Тор поднял свой могучий молот. Борода его распушилась, голубые глаза загорелись. Тут Тюр быстро сказал:

– Вечером мы будем пировать с тобой, о великан холода, и завтра уйдем с миром. Но горе тебе, если ты отважишься пойти с войной на землю, которой мы правим.

– Пусть будет так, – мрачно ответил Хюмир и сел на свой резной трон.

Во дворе три быка были забиты и порублены для обеда. Большие куски мяса положили в огромный котел, шипевший на костре. Каким бы огромным он ни выглядел, но на крюках колонн висели котлы еще вместительнее. Тор увидел, что самый большой действительно был в милю шириной и полную милю глубиной.

Великан наколот на пику бок быка, вытащил его из кипящего котла и молча принялся за еду. Тор схватил руками два бока и тоже стал есть. Каждый раз, когда Хюмир брал очередной кусок мяса, Тор хватал два, пока котел не опустел. Великан в ярости посмотрел на него.

– Ты съел моих быков! – прокричал он. – У меня никогда не было таких гостей.

– Великан, – пылко крикнул в ответ Тор, поскольку в голову ему пришла одна мысль, – завтра я пойду с тобой ловить рыбу, и все, что мне удастся поймать, будет твоим!

– Твоим маленьким рукам не хватит силы тянуть снасть, – проворчал Хюмир, но его ярость немного ослабла, и он оставил гостей в покое.

На следующее утро, когда великан готовил снасти, Тор попросил у него наживку и крюк.

– Сам найди, – мрачно отозвался Хюмир.

Тор молча взял большой крюк и пошел на пастбище. Там он убил самого большого черного быка и спустился с его головой к лодке. Увидев это, Хюмир открыл было рот, чтобы закричать, – ведь это был его лучший бык, – но Тор просто отвернулся и сел за весла.

– Я буду грести, – заявил он.

– Тебе придется нелегко, – ответил великан и грузно устроился на носу лодки. Но та плыла удивительно быстро.

Наконец Хюмир объявил:

– Мы на месте.

Он наклонился, чтобы надеть на крюк наживку.

– Я ловлю дальше от берега, – спокойно произнес Тор, продолжая грести.

И вот горы страны великанов стали похожи на маленькие облачка на краю океана, и он остановился.

– Гребь обратно, – возразил великан. – Под нами, в центре океана, лежит Великий Мировой Змей. Его голова и хвост находятся рядом, а тело опоясывает землю.

– А я не боюсь ловить здесь, – ответил Тор, закрепив наживку на крюке. – Сиди спокойно и смотри, если сам не можешь. Все великаны трусы.

При этих словах Хюмир бросил свой крюк, и на него попались сразу два кита. Крюк пронзил их обоих, и океан закипел, когда они забили хвостами и попытались уйти в глубь. Великан уперся ногами в днище лодки и медленно втопил огромных животных на борт.

Тор утяжелил свой крюк большим куском свинца и забросил его в океан. Тот опустился далеко в зеленые глубины, но чудовища, жившие там, не стали на него бросаться. Такая наживка была для них слишком велика. Крюк опускался все дальше и достиг черных вод, куда не достигали лучи солнца. Там в смоляной черноте обитали красные и синие рыбы. Мировой Змей поднял голову со скользкого ила и схватил наживку. Когда крюк впился в него, Змей содрогнулся всем телом. Огромные волны поднялись на поверхности океана и хлынули на берега.

Тор стоял широко раздвинув ноги, стиснув зубы, и его большое лицо покраснело от напряжения. Лодка взмывала на кипящих волнах, словно перышко. Тор потянул крюк вверх, а испуганный великан беспомощно вцепился в борт лодки, окаменев от страха перед черными водами, в которых он мог утонуть, как свинец. Тор громко пыхтел. Лодка крутилась, словно камень на веревке. Ярд за ярдом крюк поднимался из глубины. Вдруг возле борта на поверхности воды появилась голова разъяренного Змея. Его красные глаза с фут в диаметре уставились на Тора. Яд с шипением капал из громадных челюстей в волны и пузырился в них. Блестящие клыки щелкнули в попытке раскрошить лодку.

Тор переложил снасть в одну руку, а второй схватил зверя, отвернув лицо от брызжущего яда. Змей стонал и трясся. Глубоко в море сотряслось само основание мира. Земля задрожала. Горы покрылись трещинами, горящая лава устремилась на равнины. Тор снова поднял руку. Черные клыки снова обнажились в окровавленной пасти. Борты лодки приблизились к ядовитой пене. Великан, вскочив, бросился вперед и перерезал снасть.

Лодка отклонилась в другую сторону. Тор пошатнулся и упал головой вниз. Раненое чудовище с шипением погрузилось в глубину. Наконец кипящие волны успокоились, и земля перестала сотрясаться. Великан схватил весла и стал стремительно грести к берегу, а Тор сидел, тяжело дыша, в наполовину загруженной лодке и смотрел на своего партнера по рыбной ловле. Никто не проронил ни слова, пока киль не уткнулся в песчаную отмель страны великанов.

– Тяни лодку или неси улов, – проворчал Хюмир. – Я что, должен все делать сам?

– Дай мне лодку, – ответил Тор. Он взвалил ее на плечи вместе с китами, снастями, водой, которая была внутри, и отнес во двор. – Ты лишил меня добычи, – заявил Тор.

– Возьми себе взамен подарок, только уходи, – сказал Хюмир.

– Тогда дай мне твой котел в милню шириной и длиной, – попросил бог.

– Это слишком, – возмутился великан. – Я имел в виду что-нибудь поменьше. Да, ты тянул тяжелую снасть, но не выдержал толчка. Разбей эту чашку. Если сможешь, я отдам тебе котел.

Тор поднял чашку и бросил ее в одну из каменных колонн. Посыпались осколки колонны, но чашка упала на пол невредимой. Великан холода рассмеялся, но тут его жена подошла к богам с двумя наполненными до краев рогами.

– Брось ее ему в голову, – прошептала она. – У него череп тверже камня.

Тор схватил чашку и запустил ею в великана. Она угодила ему прямо в лоб и разлетелась на куски. Хюмир некоторое время молча смотрел на них.

– Ладно, бери котел, – произнес он наконец и улыбнулся, потому что Тюр бросился к котлу, вцепился в него, но не мог поднять ни на дюйм.

– Бери котел, храбрый бог, – повторил великан и захохотал над Тюром, тщетно старавшимся снять с крюка котел.

Тор отодвинул его в сторону и снял котел сам. Он взял его за края, поднял и, взвалив на плечи, направился к двери. Голова бога находилась в котле, а длинные ручки били по пяткам. Тюр направлял его. На пороге Тор споткнулся. Боги прошли через долину и

спустились к берегу. Хюмир рассмеялся им вслед, и эхо ответило ему хохотом со всех сторон.

Так Тор выиграл котел, и боги построили себе украшенный золотом дворец для пиров с серебряной крышей. Слуг у них не было, поэтому мед и эль они подносили себе сами в блестящих рогах. Один восседал на высоком троне. Рядом с ним расположились Фрейр, его отец – старый Ньёрд, поодаль отважный Тюр, Хермод, Хеймдалль и Локи, прародитель всего несправедливого.

Тор решил опять отправиться на поиски приключений. Он вышел на берег страны великанов, потрясая своим молотом и угрожая чудовищам, великанам и бежавшему по небу «волку тьмы», который преследовал убегающее солнце. Тор снова вступил в схватку с Мировым Змеем, но король-великан отвел ему глаза, и он не знал, с кем боролся. В Судный день Тору суждено было победить своего врага, но и сам он погиб от его ядовитых укусов.

Яблоки Идунн

Отец мира Один путешествовал с Локи и Хениром² по пустынным местам, где не было никакой еды.

– Давайте спустимся в долину, – предложил Локи. – У реки зеленеет пастбище, и мы сможем найти там лань.

– В тени дубов я видел быков, – отозвался Один.

Боги направились в долину, но путь туда был долог, а летнее солнце припекало. В цветах жужжали пчелы, зайцы выпрыгивали из-под ног, спасаясь бегством в траве. Жаворонки в небе наполняли воздух громкими песнями.

– Все они сыты, а мы по-прежнему голодны, – проворчал Локи. – В Асгарде мы живем как настоящие боги, а здесь я голоден, мне жарко, мои ноги стерты. Какая польза от таких путешествий?

Один улыбнулся.

– Мы должны изучить землю, потому что она наша, – ответил он. – Иногда мы скачем на облаках или летаем на крыльях, как птицы, но нужно и странствовать пешком, как люди. Мы должны навсегда запомнить эти холмы, их песчаную почву, маленькие сухие сосны и зеленую долину внизу.

– Это уж точно, – зло пробормотал Локи. – Это воспоминание я непременно сохраню.

Пыльные и потные, путники добрались до долины, когда уже начинался длинный летний вечер. Они остановились, чтобы напиться из реки, но не стали там засиживаться, поскольку очень страдали от голода. Теперь под их ногами была мягкая трава. У трех раскидистых дубов боги забили быка и занялись ужином. Они собрали кучу сухих веток, освежали быка, принесли воды и поставили котел на огонь. Наконец боги смогли присесть и, прислонившись к стволу дерева, вытянуть ноги. Котел дымился на костре, его большая крышка уже начала позвякивать, и маленькие струйки воды с шипением потекли в огонь. Вокруг распространился аппетитный запах.

– Я не могу больше ждать! – воскликнул Локи.

Один улыбнулся и прикрыл свой единственный глаз.

Локи вскочил, подбежал к костру, чтобы взглянуть на мясо, взял острую палочку и попытался вытащить один кусок.

– Сырое! – с отвращением воскликнул он. – Все еще очень сырое!

Бог с грохотом опустил крышку на котел.

Один опять улыбнулся. Наступила тишина. Жаворонок тихо, но мелодично начал свою вечернюю песню. Трава казалось золотой от лютиков. Зимородок пронесся над ручьем.

² Хенир – сотрапезник, собеседник и спутник Одина. Бог – «длинная нога», охотник, лыжник, проворный, ловкий, «блестящий». (Примеч. ред.)

Запах пищи стал очень приятным, и Один открыл глаз.

– Теперь можешь проверить мясо, – сказал он Локи. – Думаю, оно готово.

– Все делаю я, – проворчал тот, но встал и подошел к костру. – Сырое, – снова с яростью произнес он.

На этот раз Один заинтересовался, приподнялся и сказал:

– Я уверен, что оно сварилось.

– Посмотри на него! – крикнул Локи, накалывая кусок мяса на палку. – Такое же красное, как перед тем, как мы положили его в котел. Невероятно!

– Действительно странно, – согласился Один. – Ладно, положи мясо обратно в котел и подбрось в огонь дров.

– Со мной сейчас случится голодный обморок, – пожаловался Локи, – а вся работа лежит на мне.

Продолжая ворчать, он подбросил еще немного дров и бросился на траву.

Прошло довольно много времени. Солнце уже зашло за горы, и Один завернулся в свой синий плащ. Три бога уже не дремали, а сидели и голодными глазами смотрели на котел.

– Если мясо не сварилось сейчас, то оно уже не сварится никогда, – произнес наконец Один.

Мясо пахло аппетитно, и вода в котле кипела, но тем не менее, когда Один достал кусок, тот оказался сырым и холодным.

– Здесь замешана какая-то магия, – заявил он.

– Я могу приготовить ваше мясо, – раздался откуда-то сверху хриплый голос. Три бога подняли головы. Высоко на дубе сидел такой огромный орел, что гигантские ветви гнулись под его весом, словно тоненькие прутики. – Поделитесь со мной своим ужином. Сначала я выберу себе кусок, и тогда ваше мясо сварится в одно мгновение.

– С удовольствием, – согласился Один, снова снимая крышку с котла.

Странное существо взмахнуло огромными крыльями и полетело к котлу, раскрыв клюв и выставив когти. Оно быстро схватило половину быка и вернулось на дерево. Боги не успели издать ни звука. Орел положил свою добычу на рогатину, снова устремился вниз за другой половиной и не оставил богам ничего, кроме кипящей воды.

Локи вышел из себя от ярости.

– Вор! – крикнул он, схватил ветку, которую собирался бросить в костер, и ударил ею орла, когда тот возвращался на дерево.

Удар пришелся в спину. Палка застряла в теле хищника, словно приклеенная, а Локи держался обеими руками за другой ее конец. Существо издало скрипучий смех и взмыло вверх, потащив бога за собой. Орел понесся над землей, так что несчастный Локи волочился по камням, через колючие кустарники.

Через пару мгновений крики бога едва можно было слышать, и вот уже странная пара взлетела над горами. Все стихло.

– Пусть летит, – сказал Один. – Мы забьем другого быка. Я ничего не могу сделать, Локи во власти могучего орла. Он достаточно хитроумен, чтобы выпутаться из всех неприятностей, и обязательно вскоре присоединится к нам.

И действительно, на следующий день Локи явился перед ними. Бог был невредим, хотя изрядно исцарапан.

– Как ты выбрался? – спросили его попугачики.

– Орел очень скоро бросил меня, – недовольно ответил Локи. – Думаю, ему надоело. Мои руки едва не оторвались.

– Странно, что тебя отпустили без выкупа, – заметил Один.

– Да, странно, – солгал Локи, – хотя он мог таскать меня вечно, если бы я рассчитывал на вас.

Он пошел вперед, время от времени злобно оглядываясь, чтобы проверить, не смеются ли боги за его спиной.

На следующий день молодая богиня Идунн сидела в своих покоях в Асгарде, глядя из

окна на цветущие вишни. В ее саду всегда царила весна, а в воздухе стоял аромат майских цветов. Вдалеке куковала кукушка, на подоконнике сидела малиновка. Оглянувшись, Идунн увидела входящего Локи, и ее прекрасные голубые глаза засияли улыбкой. Добрая и доверчивая, она была рада даже этому богу, который всегда готовил козни и всяческие каверзы.

– Ты был в долгом странствии, Локи, – радостно произнесла она. – Я думаю, тебе необходимы мои яблоки.

С этими словами богиня взяла со скамьи маленькую золотую шкатулку и достала из нее яблоко, румяное и золотистое. От плода исходил такой сладкий аромат, что к окну, шелестя крыльями, слетелись птицы со всего сада. Дрозды, скворцы и голуби толкали друг друга на перилах, но не смели влететь в комнату, поскольку прекрасная Идунн, подняв руку, мягко преградила им путь.

Как только Локи откусил кусочек яблока, его синяки перестали болеть. Молодильные яблоки Идунн вдохнули в его тело новые силы. Его охватило огромное желание выбежать на солнечный свет, побороться, поплавать или даже отправиться в новое трудное путешествие, которые так любил совершать Один.

Идунн повернулась к шкатулке и закрыла ее. При этом послышалась тихая музыка.

– Слышишь, – улыбнулась она, – там внутри уже новое яблоко.

– Идунн, – пылко произнес Локи, – это прекрасные плоды, но в лесу есть дерево с золотыми и серебряными яблоками. В его ветвях играет музыка. Цветы на нем пахнут так же сладко, как дикie розы и чудесные плоды. Знаешь, мы едим твои яблоки каждый день, чтобы оставаться молодыми, но говорят, будто одно яблоко с того дерева может принести вечную молодость.

– Это неправда! – крикнула Идунн и вспыхнула в негодовании. – Нет яблок лучше, чем мои.

– Тогда ступай в лес и посмотри, – попросил ее Локи. – Возьми с собой свою шкатулку, чтобы мы могли сравнить яблоки.

– Мы должны пойти туда незаметно, – сказала богиня. – Я не могу поверить тебе и не хочу, чтобы кто-то подумал, будто я сомневаюсь в своих яблоках.

Локи и Идунн украдкой выбрались из Асгарда в дикие, темные леса.

– Пойдем здесь, Идунн, – сказал Локи, улыбнувшись и взяв ее за руку.

– Солнце садится, – произнесла богиня. – Далеко это дерево?

– Не очень. К тому же луна восходит. И золотой плод осветит нам путь. – Локи повел ее на гору. – С каменистой и голой вершины ты согласишь на долину и увидишь сияние дерева. Оттуда дорога будет уже совсем легкой.

Он зашагал быстрее.

Солнце уже село, когда Идунн забралась на гору и посмотрела на долину, уже наполовину скрывающуюся в сгущавшихся сумерках.

– Никакого сияния не видно! – разочарованно произнесла богиня.

Локи ничего не ответил. Он стоял и смотрел на прекрасные звезды.

– Тьяцци! Великий Тьяцци! – крикнул он.

– Локи, – тревожно сказала Идунн, сжав руку спутника. – Локи, в долине нет никакого сияния. А луну закрывает облако!

– Тьяцци! Великий Тьяцци! – снова крикнул Локи. – Здесь Идунн, выкуп, который я обещал тебе за свою свободу. Бери ее и отпусти меня домой.

Но луну закрыло не облако, а крылья огромного орла. Идунн, увидев его красные глаза и могучие когти, закричала и закрыла лицо. Чудовище схватило ее, и Локи слышал крики богини до тех пор, пока похититель и жертва не скрылись во тьме.

На следующее утро боги, пришедшие в сад Идунн, нашли его опустевшим, но не стали поднимать тревогу.

– Она пошла в гости к Герд или Фрейе, – успокаивали они друг друга. – Завтра Идунн наверняка будет здесь.

Но на следующий день богиня не вернулась. Не вернулась она и через неделю. Цветы на ее деревьях увяли, птицы улетели, и в воздухе повеяло холодом. Без молодильных яблок волосы Одина стали лохматыми и тонкими. Густая борода Тора поседела. Прекрасная Фрейя все время сидела дома, а если куда-то и выходила, то закрывала лицо вуалью.

Наконец боги собрались на совет. Никто не знал, что случилось с Идунн. Локи тоже делал вид, будто ничего не знает.

– Ладно, – произнес Один, – расскажите, где каждый из вас видел ее в последний раз.

Почти все боги видели Идунн в последний раз в ее саду, но один из них вдруг сказал:

– Она уходила из Асгарда вместе с Локи, причем оба старались быть незамеченными.

Все повернулись к Локи. Тор схватил его за плечо и держал до тех пор, пока тот не закричал от боли.

– Пусти меня, – взмолился Локи. – Я признаюсь, что отдал ее великану Тьяцци. Это он принял облик орла и утащил меня. Один предоставил мне право выбрать выкуп, поэтому я предложил великану Идунн. Что я еще мог сделать?

– Позвольте мне раздавить его! – крикнул Тор.

– Ни в коем случае, – возразил мудрый Один. – Отпусти его. Думаю, он все говорит правильно. Локи вырвался от великана, но заплатил за это слишком высокую цену. Теперь ему придется освободить Идунн или умереть от руки Тора.

– Фрейя! – крикнул Локи. – Дай мне твое одеяние из перьев. Я полечу соколом в страну великанов. Или погибну, или вернусь с прекрасной Идунн.

Бог превратился в сокола, вылетел из Асгарда и понесся над горами, долинами, бездонным морем. Наконец впереди из тумана выросли серые утесы страны великанов. Локи повернул налево и стал искать подходящую бухту, потому что утесы поднимались к облакам, добраться до которых у него не было сил. Наконец он нашел место, где могучая серая река впадала в океан через расщелину в мокрых скалах. Место казалось не очень подходящей бухтой, но Локи обрадовался ему, потому что его крылья замерзли и обледенели. Бог влетел в узкое ущелье и увидел замок великана Тьяцци, возвышавшийся на горе. Это была настоящая крепость из льда и камня.

Маленький сокол подлетел к стене замка и сел в небольшой щели, где огромная птица когда-то свила гнездо. Он зарылся глубоко в солому. Снаружи клубился сырой туман. С утесов медленно капала ледяная роса. В гнезде было сухо, и Локи отогрелся. Немного отдохнув, он выбрался из своего убежища. Нужно было преодолеть путь по отвесной стене замка к верхним окнам, где он надеялся обнаружить комнату Идунн.

Сокол по спирали забирался на широкую каменную стену, вздымавшуюся в небо. До окон было еще далеко, а его сердце уже билось очень сильно, и крылья беспомощно повисли. Однако дальше камни пошли гладкие, и он уже не мог ни за что зацепиться. Хотя сокол передвигался медленно, рано или поздно ему все равно пришлось бы взлетать.

Наконец ему показалось, что дальше пути нет. С каждым метром камни становились все более гладкими. Сокол в отчаянии посмотрел вниз. Там, кроме тумана, ничего не было видно. «Я не смею упасть», – подумал он и невероятным усилием продвинулся еще немного. И вот в стене показалось отверстие. Это было окно комнаты Идунн на самом верху огромного замка великана. Надежда придала соколу новые силы. Взмахнув крыльями, он сделал еще один рывок, добрался до окна и камнем упал богине на руки.

Идунн сидела, съежившись, в гигантском кресле и смотрела в окно на туман. По щекам богини катились слезы, когда, глядя в сторону Асгарда, она вспоминала прекрасную землю, свой сад и богов, которые любили ее.

Радостно вскрикнула Идунн, увидев полуживую птицу. Она нежно обтерла беднягу полрой своего платья, посадила себе на плечо и прижала к щеке, чтобы согреть.

– Идунн, – тихо произнес наконец Локи, – я отведу тебя в Асгард. Не бойся и доверься мне, потому что я добрался сюда, рискуя жизнью.

Услышав Локи, богиня испугалась, но, дослушав его речь до конца, она с радостью

ответила:

- Я сделаю все, что ты скажешь, если только ты вызволишь меня отсюда.
- Где великан?
- Отправился ловить рыбу. Если ловля будет удачной, он не вернется до сумерек.
- Тогда нам пора, – сказал Локи.

Он прикоснулся к богине крылом, и та вместе со своей шкатулкой в одно мгновение стала размером с ноготь. Локи осторожно спрятал ее в скорлупу грецкого ореха и взмыл в воздух, крепко зажав свою ношу в когтях.

Они вынырнули из тумана над серым морем. Далеко впереди виднелась зеленая полоска земли. Горы становились все ближе. Наконец беглецы добрались до берега. Локи украдкой оглянулся и увидел над горизонтом крошечную черную точку. «Это орел!» – догадался он и стрелой помчался вперед.

Над горами Локи снова оглянулся. Преследователь стал значительно ближе. Уже слышен был шум рассекающих воздух крыльев. Страх придал Локи сил, и он полетел вперед словно ветер. Когда впереди показались стены Асгарда, богу уже не нужно было оглядываться. Он и так отлично слышал победный клекот орла. С отчаянной яростью Локи рванулся к дому.

– Это Локи! – закричали собравшиеся на стене Асгарда боги. – Это Локи, а за ним гонится орел!

– Быстро огонь! – приказал Один. – Погибнет Локи или нет, но великан не спасется.

Боги быстро собрали ветви в кучи и замерли возле них с зажженными факелами. Птицы находились уже так близко, что было видно, как огромный клюв орла тянется к хвосту сокола.

Локи сделал последний рывок, перелетел через стены и камнем упал во дворе.

Боги в мгновение подожгли ветви, и пламя взвилось ввысь. Орел летел слишком быстро, и поэтому, попав в огонь, обжег крылья. И тут он принял обличье огромного человека. Его одежда дымилась, борода тоже сильно подпалилась. Великан обвел взглядом богов и яростно взвыл, увидев, что Тор замахнулся своим молотом Мьёлльниром, который никогда не бил мимо цели.

В тот вечер боги пировали в честь освобождения Идунн и праздновали победу над великаном. Локи сидел и громко хвастался, словно все эти неприятности произошли не по его вине.

Фенрир-волк

Локи был красив и умен, но имел злое сердце и поэтому являлся причиной великого множества бед, выпавших на долю богов. Боги всегда все ему прощали, поскольку ценили его ум. Ведь он частенько находил для них выходы из разных сложных ситуаций, и поэтому они понимали, что не смогут обойтись без Локи.

В молодости Локи, хотя и был асом, обручился с чудовищной великаншей. Союз двух зол породил ужасное потомство. Первым стал огромный Мировой Змей, которого Один погрузил в море. Змей опоясывал землю так, что хвост его доставал до пасти. Второй стала Хель, страшная богиня подземного мира, правившая в ужасной стране мертвых. Третий и самый чудовищный из всех был монстр по имени Фенрир-волк.

Впервые увидев его, когда он был еще маленьким, они решили приручить волчонка. Благородный Тюр вызвался кормить и дрессировать его. Чудовище росло не по дням, а по часам, и вот оно стало таким огромным, что его открытая пасть простиралась от земли до неба, а клыки были толщиной со ствол крепкого дуба и острые, словно ножи. Когда зверь разрывал куски сырого мяса, его вой был таким страшным, что все боги, кроме Тюра, не смели подойти к нему, боясь быть сожранными заживо.

Наконец все согласились, что Фенрира-волка следует посадить на цепь. Боги выковали

мощную цепь, но, поскольку никто не обладал достаточной силой, чтобы связать волка, пошли на хитрость.

– Мы хотим померить твои силы. Сможешь ли ты разорвать цепь.

Фенрир-волк обнажил клыки в страшном оскале.

– Вяжите меня, если хотите, – прорычал он, закрыл глаза и лег.

Боги связали зверя цепью и отступили. Волк слегка вздрогнул. Раздался лязг металла, и тяжелая цепь разлетелась на куски. Зверь завыл от восторга так, что луна и солнце задрожали.

Кузнец Тор призвал других богов на помощь. Они трудились над новой цепью день и ночь. Эта оказалась мощнее первой и такой тяжелой, что никто не мог дотащить ее до места.

– Это самая могучая цепь, сделанная когда-либо нами, – сказали боги. – Даже Фенрир-волк не сможет порвать ее.

Вместе они принесли вторую цепь волку, и он опять позволил им связать себя, хотя на этот раз было видно, что зверь усомнился в своих силах. Когда цепь закрепили, он затрясся изо всех сил, но металлические звенья выдержали. Громадные красные глаза волка засверкали яростью, черная шерсть на спине встала дыбом, он оскалил зубы, из пасти хлынула пена. Зверь снова попытался разорвать цепь. Звенья растянулись, стали плоскими, но выдержали. Наконец волк подпрыгнул, взвыл, ударился о землю, и цепь вдруг разлетелась на куски, которые просвистели над головами богов.

Теперь они с отчаянием поняли, что всех их сил и мастерства не хватит, чтобы посадить волка на цепь. Тогда Один отправил под землю к дварфам гонца с просьбой изготовить для него цепь. Тот вернулся с небольшой веревкой, гладкой и мягкой, как шелковый шнурок. Она была выкована на наковальне дварфов из необычных материалов, о которых никто никогда даже не слышал. Этот металл состоял из звука кошачьих шагов, дыхания рыбы, развевающихся волос женщины и оснований гор.

Боги принесли веревку Фенриру-волку.

– Посмотри, какое легкое испытание предстоит тебе на этот раз, – сказали они.

– Зачем мне терять время из-за какой-то шелковой нитки? – лениво спросил зверь. – Я разорвал ваши самые могучие цепи, а теперь вы подсовываете мне какой-то никчемный шнурок?

– Эта веревка крепче, чем кажется на первый взгляд, – ответили боги. – Мы не можем разорвать ее, но тебе это будет легко.

– Если здесь какое-то волшебство, – с подозрением проговорил волк, – как я могу быть уверен, что вы развяжете меня, если мне не хватит сил разорвать вашу веревку? Я соглашусь только с одним условием. Вы дадите мне заложника.

– Как это сделать? – спросили боги.

Фенрир-волк растянулся на земле и раскрыл пасть.

При виде огромной красной глотки солнце спряталось за облака.

– Я позволю вам связать меня этой веревкой, – сказал зверь, – если один из вас будет держать свою руку в моей пасти.

Боги молча переглянулись, а волк довольно ослабил. Не говоря ни слова, Тюр подошел и вложил руку в раскрытую пасть зверя.

Боги связали Фенрира-волка. На этот раз избавиться от пут ему не удалось. Зверь стиснул зубы. Тюр вскрикнул от боли и лишился руки. Огромный черный волк беспомощно вертелся, грызя землю. Так он и лежал опутанный шелковой веревкой во все время правления Одина. Норны, однако, заявляли, что в последние дни, когда демоны льда и огня пойдут войной на богов, из моря поднимется Мировой Змей и Фенрир-волк разорвет свои путы. Он проглотит Одина, и боги потерпят поражение. Луна и солнце исчезнут, и вся земля погибнет.

Молот Тора

Хрясь! В доме Тора полетели столы. Блям! Со стен попадали кованые щиты. Боги и богини подбежали к двери и увидели Тора, мечущегося из угла в угол, растрепанного, с горящими глазами. Он срывал оружие со стен, переворачивал скамьи, тряс завесы. Время от времени Тор с рычанием бросался к грудке вещей, лежавших на полу, хватал их, разбрасывал, переворачивал, а потом опять принимался крушить все вокруг.

– В чем дело? – спросили боги и богини.

Тор замер с табуретом в руках, который как раз собирался разбить об пол.

– Мой молот! – кричал он. – Мой молот! Он пропал!

Хрясь! Табурет полетел на пол.

– Он, должно быть, где-нибудь здесь. Куда ты его положил? – спросила проворная Фрейя.

– Если бы я знал, куда его положил, – взревел разъяренный Тор, – я бы не искал его!

– Да, но где ты видел его последний раз? – не отставала Фрейя, у которой в доме всегда все лежало на своих местах.

– Женщины! – крикнул Тор. – Вы всегда полны идей, но в вас нет ни крупицы здравого смысла! Помогите мне найти молот! Конечно, я не знаю, куда его положил. Бросил куда-нибудь!

– Очень хорошо! – с обидой воскликнула Фрейя, прошла в зал и огляделась по сторонам, стараясь не запачкать свою обувь.

Все боги и богини бросились на помощь Тору, но ничего не нашли. Молот пропал. Взоры всех были устремлены к Тору.

– Как же мы теперь сможем без молота Тора держать в страхе великанов?

Когда эта страшная мысль дошла до каждого, наступила тишина.

– Молот похитил великан Трюм, – раздался вдруг голос.

Боги и богини оглянулись на вошедшего:

– Локи! Откуда ты знаешь? Где ты был? Успокойся, Тор! Дай Локи рассказать.

– Успокойтесь все, – ответил Локи, – тогда я расскажу. Вы же знаете, что я летал в страну великанов. Там на горе я наткнулся на великана, который из золотых прутьев, словно из соломы, с усердием плел поводки для своих борзых. «Привет, Локи! – крикнул он. – Как дела в Асгарде?» – «Все хорошо», – ответил я и остановился, поскольку великан выглядел добродушно. Он захохотал и сказал: «Посмотрю я на них, когда они обнаружат пропажу молота Тора!» – «У тебя молот Тора?» – спросил я. «Конечно, и я спрятал его под землей на глубине восьми миль». – «Какой тебе нужен за него выкуп?» – «Я возьму в невесты Фрейю, – ответил великан. – Мне нужна жена, и я могу позволить себе купить настоящую красоту». Он расхохотался так, что повалился на землю. Я понял, что больше ничего от него не добьюсь, и вернулся домой.

Опять наступила тишина.

– Ну, Фрейя, – заревел Тор, – чего же ты ждешь? Беги быстрее и надевай свадебный наряд. Нам надо ехать немедленно.

Фрейя покраснела от ярости.

– Я никуда не поеду! – крикнула она. – Думаешь, я выйду замуж за красномордого великана, который в два раза больше меня что в длину, что в ширину? Никуда я не поеду!

Она топнула ногой и так сильно дернула свое ожерелье, что оно порвалось. Блестящие алмазы покатались по полу. Боги и богини бросились собирать их.

– Женщины! – вопил Тор. – В них нет ни капли здравого смысла! Сейчас не время быть разборчивой. Дело серьезное!

– Я не поеду! – повторяла Фрейя, заливаясь слезами.

– Думаю, – вступил в разговор Хеймдалль, страж, который мог слышать, как растет трава, и видеть сквозь камни, – что Тору нужно самому нарядиться невестой и вернуть свой молот. Этот великан такой безобразный, что даже Тор ему понравится.

Локи хохотал до тех пор, пока не ударился о дверной косяк.

– Какое разумное предложение! – кричал он. – Мы наденем ему вуаль, чтобы скрыть

бороду. Тору понадобится ожерелье Фрейи и связка ключей на пояс. Фрейя, ты должна помочь ему одеться.

– У меня нет одежды такого размера! – крикнула Фрейя, злясь на Тора. – Но мы можем завернуть его во что-нибудь. – И она расхохоталась.

– Хватит! – взревел Тор, побагровев. – Нечего делать из меня дурака. Я отказываюсь от вашего предложения.

– Сейчас не время быть разборчивым, – съязвила Фрейя. – Это у мужчин нет здравого смысла.

– Соглашайся! – воскликнул Локи. – Я буду твоим сватом и обо всем договорюсь. Тебе всего лишь нужно закрыть лицо вуалью, словно ты смущаешься. Вспомни о своем молоте!

– Хорошо, – неохотно проворчал Тор. – Если я должен... Хватит смеяться, Фрейя.

– Только до того момента, когда ты оденешься, – ответила та, едва дыша от смеха.

Несколько дней спустя великан Трюм пребывал в прекрасном расположении духа, стоя у себя во дворе и ожидая приезда невесты. Он надел широкое красное одеяние, вычистил свой замок, украсил его свежими цветами и приготовил роскошный свадебный ужин. Трюм знал, что Фрейя была богиней красоты, в которой он ничего не понимал, и не собирался оценивать ее, но даже его поразил размер плеч закутанной невесты.

– Ну она и широка, – прошептал он проворной и услужливой служанке, сопровождавшей невесту.

Та уже успела предупредить великана, что ее хозяйка очень застенчива и стесняется говорить до свадьбы.

– Ширина – это настоящая красота, – произнес внушительно Локи. – Тебе следовало бы это знать, раз ты сам такой огромный и красивый.

– Я действительно красивый? – с трепетом спросил Трюм, улыбаясь во весь рот.

– Очень, – ответил Локи, украдкой подмигнув своей «хозяйке».

Великан бросился в зал, чтобы посадить невесту на почетное место, и сам устроился рядом. Служанка после короткого раздумья присела напротив. Тор, как было договорено заранее, молчал и, придерживая вуаль, старался отвернуться от великана. Задача развеивать все возможные подозрения хозяина замка возлагалась на Локи, но на свадебный ужин он не рассчитывал. Огромные ломти мяса и куски лосося стали исчезать под вуалью. Все это запивалось большим количеством меда. Трюм, сам большой обжора, был потрясен. Великан уставился на свою невесту.

– Никогда в жизни не видел, чтобы кто-нибудь столько ел, – пробормотал он наконец.

Локи покачал своими фальшивыми кудрями и с хохотом откинулся на спинку стула.

– Я тоже, – согласился он. – Видишь ли, после того как ты сделал предложение, прошло восемь дней. Получив его, Фрейя так разволновалась, что не могла есть. Она очень готовилась к сегодняшнему дню. На самом деле Фрейя более изысканна в пище.

– Она действительно так волновалась? – спросил польщенный Трюм. – Я должен поцеловать ее за это.

Локи не успел остановить великана, как он приподнял уголок вуали. Злые, полные ярости глаза уставились на него. Тор совсем не радовался своему положению, и игривое настроение Локи не доставляло ему удовольствия. Выражение лица бога было столь злобным, что великан отпрыгнул назад, словно невеста укусила его за нос.

– Какие страшные глаза! – воскликнул Трюм. – Злые и красные, как огонь!

– Они красные от утомления, – быстро ответил Локи. – Фрейя не спала восемь ночей, думая о тебе. И все-таки поцелуй после свадьбы. Ты напугал ее.

– Значит, на самом деле глаза у нее не красные? – с сомнением в голосе спросил великан.

– Конечно нет. Они такие же голубые, как у меня, – убеждал Трюма Локи. – Но она гораздо красивее меня.

– Тогда мы поженимся! – крикнул великан, обезумев от радости. По словам Локи, невеста была просто красавицей, хотя и немного крупноватой. – Невеста и жених поклянутся на молоте, принадлежащем Тору. Этот молот теперь у меня. Мы дадим свои клятвы на нем.

В зал вошли слуги, согнувшиеся под тяжестью молота.

– Несите его сюда, – приказал великан, – поставьте рядом с невестой, чтобы она могла положить на него руку.

Тор схватил молот, отбросил вуаль и встал в полный рост. Великан в ужасе вскрикнул. Бог повернулся к нему.

– Так наказывают воров, – сказал он, замахнувшись огромным оружием.

Великан с грохотом упал, и в зале воцарилась тишина.

– Идем, Локи, – проговорил наконец Тор. – Нужно убираться из этой нелепой страны. Скорее домой!

Сватовство Герд

В стране эльфов Фрейр сидел в своем замке и горевал. Его подданные – легкие эльфы, которые помогали созреть зерну и плодам, – тоже грустили. Плохое время пришло на землю. Коровы не давали молока, телята умирали, пищи для людей и зверей не хватало. Отец всего мира Один грустно смотрел с высоты своего престола, и бесплодная земля простиралась перед его взором. Два верных ворона, облетавших каждый день землю, вернулись и прошептали ему на ухо обо всем, что увидели. Пока бог слушал, лицо его все больше мрачнело. Наконец он решил держать совет с богом ветра Ньёрдом, который был отцом Фрейра.

– Фрейр – бог урожая, – сказал Один. – Мы доверили ему следить за созреванием плодов на земле, за пастбищами, за благоденствием людей. Мы сделали его властелином эльфов. У него прекрасный замок в стране эльфов. Чего ему не хватает? Он сидит и горюет в одиночестве, эльфы забыли свои обязанности, люди на земле голодают.

– Я не могу понять горя Фрейра, – ответил Ньёрд. – Он ничего мне не говорит. Скирнир – его лучший друг. Давай пошлем его к Фрейру. Мой сын согласится поговорить с тем, кого любит больше всех.

Скирнир нашел Фрейра на скамье во дворе. Он сидел, подперев голову рукой.

– Я не вижу лекарства от своего горя, – грустно пожаловался ему бог, – но расскажу тебе мою историю. Возможно, моя грусть – это наказание за совершение запрещенных поступков. Я тайно садился на престол Одина, пока он обходил мир. Было так чудесно созерцать долины, фьорды на простирившейся передо мной земле, крошечной с такого огромного расстояния, но очень яркой и чистой. Каждое крохотное местечко виделось четко, словно я стоял рядом. Поэтому мне было видно все. Корабли пиратов, раскрашенные драконами, подплывали к маленькому мирному городку. На мачте флагмана висел ярко-красный щит, на котором я разглядел черного орла с распростертыми крыльями. В бесчисленных усадьбах мужчины собирали урожай, а женщины шли из маслобоен на рынок с маслом и сыром. Я видел, как один человек украл у своего соседа мешок шерсти, думая, что никто его не видит. Невольник украл лошадь хозяина и умчался пытаться свое счастье. Две женщины несли еду беглецу, скрывавшемуся в лесной пещере.

Много всего увидел я. Города и пустыни, рыбаки, торговцы, богачи и бедняки – все предстало перед моими глазами. Наконец я устал от этого зрелища и повернулся к морю, и передо мной предстали серые берега страны великанов. Там посреди снежной долины стоял огромный дом, к которому сквозь туман двигалась девушка в плаще. Когда она подошла к двери, из-под плаща показались ее белые руки, такие прекрасные, что на земле и на море, казалось, стало светлее. Я наклонился, чтобы получше рассмотреть девушку, но она скрылась за дверью, забрав с собой весь свет моей жизни.

– Кто эта девушка? – спросил Скирнир.

– Ее зовут Герд. У нее ледяное сердце. Она дочь великана, который живет в ледяной пустыне, окруженной стеной из пламени. Там Герд сидит и ничего не знает о любви, а я сижу и сохну по ней.

– Почему бы тебе не пойти и не посвататься к ней?

Фрейр грустно улыбнулся:

– Как я пойду? Все боги могут путешествовать, только я один не могу отлучиться. В стране эльфов без меня не будут расти плоды, скот перестанет плодиться, в домах не будут рождаться дети.

– Дай мне две вещи, и я пойду вместо тебя, – предложил Скирнир. – Отдай мне твоего коня и яркий огненный меч, потому что путь очень опасный.

– Ты просишь мою жизнь, – ответил Фрейр. – Без моего яркого меча я наверняка погибну в битве в Судный день. Однако, если я должен дожить до него без Герд, какая мне польза от меча? Бери его и поезжай с моим благословением.

Скирнир взял меч и сел на сверкающего коня, который понес его быстро, словно ветер,

над морем и землей. Тьма царила в застывшей пустыне страны великанов, но огромный конь блистал золотым светом. Там, где били его копыта, снег таял и появлялась зеленая трава. Призрачный огонь, окружавший владения Герда, казался бледным, словно лунный свет. Лед и снег лежали на скалах, из их расщелин вырывалось зеленое пламя. Когда солнечный конь поскакал к ним, они сжались от его жаркого дыхания. Конь и всадник промчались сквозь ущелье, и перед ними появился высокий замок Герда – черная громада на фоне серой массы снега.

Вокруг замка возвышались крепостные стены, охраняемые злыми собаками. Скирнир услышал их зычный лай и увидел яркие светящиеся глаза. Он достал блистающий меч. Увидев оружие, собаки, скуля и завывая, разбежались. Конь перемахнул через ограду и зацокал копытами по двору. От грохота задрожали все стекла в доме.

– Откройте дверь, – приказала Герда своим служанкам. – Какой-то герой проскакал в мои ворота, словно победитель.

Когда Скирнир вошел в замок, ледяная девушка вышла встретить его и поднесла ему золотой кубок. Она была удивительно красива, но двигалась медленно, словно в полусне, и не умела улыбаться.

«Герда справедливо называют девушкой с ледяным сердцем», – подумал Скирнир, принимая кубок.

– Я выпью за Фрейра, – громко произнес он, – за бога весны и урожая, за бога летнего солнца. Он хочет посвататься к тебе со всей теплотой, светом, счастьем и любовью, на которую способен. Фрейр больше не может жить без тебя.

– Что такое теплота? Что такое счастье? – спросила Герда. – Свет я знаю, но он меня пугает. Как я могу любить светлых богов, с которыми мой отец и все родственники находятся в постоянной вражде?

– Посмотри сюда, прекрасная Герда, – взмолился Скирнир. – Вот одиннадцать молодых яблок. Даже их аромат приносит радость, и, если ты съешь хотя бы одно, желание радости наполнит твое сердце.

– Что такое радость? – удивленно спросила Герда. Она протянула руку и осторожно прикоснулась к одному из яблок. Почувствовав незнакомый сладкий аромат, Герда слегка покраснела и задрожала. Вдруг она бросила яблоко на пол. Оно покатилося, и бледные служанки с криками врассыпную бросились прочь от него.

«Мне не удастся растопить ее сердце, потому что я не люблю ее, – подумал Скирнир, – но я должен привезти ее к Фрейру».

– Фрейр прислал тебе кольцо, – сказал он, – в знак того, что ты станешь королевой с невиданным богатством и огромной властью. Посмотри на него повнимательнее. Оно принадлежит Одину и приносит несметные сокровища. Каждую девятую ночь это кольцо из чистейшего золота рождает еще восемь таких же.

– Возьми свое кольцо и уходи, – с достоинством ответила Герда. – Мой отец – король великанов. Если мне нужно, золото становится в моем замке обычным металлом. Я не рабыня, которую можно купить. Передай Фрейру, что я презираю его дары.

– Ты пойдешь со мной, хочешь ты того или нет! – крикнул в ярости Скирнир. – Если не подчинишься, я снесу твою голову с плеч.

При виде сверкающего меча Герда опустила глаза, но ответила без колебаний:

– Тогда руби мою голову, если думаешь, что это обрадует Фрейра.

– Ты должна пойти со мной! – снова крикнул Скирнир. – Я заберу твою жизнь, и что станет с твоей душой? Мы, боги, можем наложить на тебя проклятие. Спустившись к Хель, ты будешь обитать в пустыне. Твоя пища будет отвратительной, а твоим мужем станет безобразный демон. Ты будешь служить ему в страхе и слезах, страстно желая нежности. Безумие падет на тебя, темнота покроет тебя, и твоим мучениям не будет конца.

– Пощади меня, прекрасный гонец, – взмолилась Герда. – Теперь ты говоришь мне о понятных вещах. Я боюсь их. Избавь меня от горестей, уродства, мучений, и я рискну принять радость, о которой ты сказал, и все другие странные вещи – теплоту, любовь, свет.

Если я должна выбрать между ними и вашим проклятием, то я согласна обручиться с Фрейром. Молчите, слуги мои!

– Когда ты придешь? – спросил Скирнир.

– Через девять дней. Но перед этим, если можно, я съем твое яблоко.

Свет хлынул во двор замка Герд от ослепительного солнечного коня. Сев на него, Скирнир увидел, как там, где весна пришла в заснеженную пустыню, поднималась трава и зеленели кусты. Широкая зеленая дорога пересекала теперь страну великанов, по которой всадник мог вернуться, а Герд могла спокойно приехать к Фрейру. Огненный меч так и остался в ножнах, поскольку грозные собаки скрылись и лишь жалобно скулили во тьме. Скирнир пришпорил коня и полетел по светлой дороге в страну эльфов, яркий, как утренняя звезда.

– Девять дней! – с грустью произнес Фрейр, когда гонец прискакал к нему. – Девять дней – это целая вечность! Как я вынесу их? Она придет на девятый день?

– На девятую ночь, – ответил Скирнир.

– Девять дней и ночей! Тысяча лет нашей любви не кажется такой долгой.

Герд, дева с застывшим сердцем, была завоевана для Фрейра, но своего коня и огненного меча он лишился навсегда. В Судный день, когда демоны огня спустились с небес, чтобы сразиться с богами, Фрейр сразу погиб в битве. Потом все боги потерпели поражение, и царство Одина исчезло.

Тор и король-великан

Тор и Локи мчались на колеснице, запряженной двумя козлами, быстрее ветра. Когда наступила ночь, боги добрались до огромного моря, которое окружало землю.

– Я вижу маленький хуторок, – сказал Локи, вглядываясь сквозь сумерки. – Давай устроимся там на ночлег.

– Спустимся на землю, чтобы не испугать крестьян, – предложил Тор.

Боги приняли человеческое обличье, и козлы поскакали по лугу, таща за собой колесницу.

В домике уже были зажжены сосновые лучины. Хозяин сидел у огня и выстругивал рукоятку для плуга. Его сын вышел покормить коров, а жена шила. Дочь варила овсяную кашу с молоком. Это был весь их ужин.

– Добро пожаловать, странники! – воскликнул хозяин дома. – Вы как раз вовремя, можете поужинать с нами чем бог послал. Кроватей у нас нет, но мой сын Тьяльви принесет вам свежего сухого сена. Жена, поднеси гостям эля.

Женщина предложила богам пиво в грубых деревянных кружках. Тор и Локи устроились у огня. За запахами влажного белья и дыма ноздри Тора уловили аромат овсяной каши, которую все еще варила дочь хозяина. На его лице появилось отвращение.

– Это все, что вы можете нам предложить? – спросил он.

– Мы не богачи, чтобы есть мясо каждый день, – ответил крестьянин.

– Тьяльви, – крикнул Тор, повернувшись к только что вошедшему сыну хозяина, – забей моих козлов на ужин! Только перед тем, как положить их в котел, принеси мне шкуры.

Тьяльви поспешил выполнить приказание, и вскоре вся семья сидела за аппетитным ужином. Но сначала Тор расстелил в углу шкуры козлов.

– Бросайте все кости на них, – велел он, – только осторожно. Не сломайте ни одной.

Тор не заметил, как Тьяльви раскусил одну кость, перед тем как бросить ее в угол вместе с остальными.

На следующее утро бог постучал по костям своим молотом и оживил козлов. Те стали еще моложе и сильнее. Только один немного хромал. Когда Тор увидел это, он понял, что его приказание нарушили, и страшно рассердился. Бог насупил свои огромные рыжие брови и схватил огромный молот так крепко, что суставы пальцев побелели. Несчастный крестьянин со своей семьей упали на колени, моля о прощении.

– Пощади хотя бы моих родителей, – взмолился Тьяльви. – Они ни в чем не виноваты. Я же буду следовать за тобой повсюду и стану твоим слугой, только сохрани мне жизнь.

Тор задумался, немного успокоился и кивнул.

– Хорошо, – согласился он. – Тьяльви станет моим слугой, а я оставлю своих козлов его отцу. Пусть он ухаживает за ними, пока у хромого не заживет нога.

Боги и их слуга встали. Тьяльви взвалил на себя мешок с провизией. Они направились за море, в страну великанов, страну лесов и голых пустошей, долго бродили там, но не встретили ни одного великана и ни одного жилища.

Наконец путники подошли к странному замку без окон и дверей. В стене зияло огромное бесформенное отверстие. Внутри было мрачно и пусто, но, поскольку дул холодный ветер, Тор, Локи и Тьяльви были рады устроиться на ночлег хотя бы на полу.

В середине ночи они проснулись от страшного грохота. Земля под ними задрожала. Локи и Тьяльви бросились в одну из маленьких спален, примыкавших к большому залу, и залегли там, укрывшись и стараясь не слушать ужасный шум. Тор просидел в зале до утра с молотом в руках, а потом вылез из замка посмотреть, кто так страшно грохотал.

Поперек дороги лежал человек размером с гору и храпел. Когда его грудь вздымалась и опускалась, земля содрогалась. Он был столь огромен, что Тор едва смог дотянуться, чтобы крикнуть ему в ухо.

– Эй! В чем дело? Что это за писк? – сказал великан и сел, потирая уши. – Малыш, чего тебе нужно? Ну-ка, убирайся из моей рукавицы!

Он взял странный замок, в котором путники провели ночь, и надел его на руку.

– Мы путешествуем по стране великанов! – крикнул Тор. – Мы пришли с миром.

– Ого! Несомненно, король Утгард-Локи будет рад услышать это, – засмеялся великан. – Я вижу, ты много о себе мнишь, но предупреждаю, при дворе короля я не самый большой. Если я не ошибаюсь, то тебя там могут вообще не заметить.

– Где двор короля? – спросил Тор.

– На севере. Я иду туда, но не тороплюсь. Если вы перейдете через гору, я догоню вас и покажу дорогу.

Тьяльви быстро взвалил на себя свой мешок, и три путника торопливо отправились в путь. Великан поел, поспал и подождал до полудня. Затем в три шага он догнал усталых, измученных жаждой богов, которые уныло тащились по пыльной равнине.

– Я могу понести твой мешок, – добродушно предложил великан. – Давай я положу его в свой и верну его вам вечером, когда придет время ужина.

Он взял у Тьяльви мешок с провизией и в три шага скрылся из виду.

Тор мрачно взглянул на своих попутчиков.

– Чтобы поесть, мы должны догнать великана, – заметил он.

Путники быстро шагали по холмам до самого заката. Когда стемнело, они увидели впереди огромную фигуру и прибавили скорости.

– Вот и вы, наконец! – крикнул великан. – Я уж думал, вы никогда не придете. Возьмите мой мешок и откройте его сами, потому что я уже поел и хочу спать.

Он бросил мешок на землю и лег. Вскоре раздался страшный храп.

– Я не могу открыть этот мешок, – сказал Тьяльви.

– Пусть Тор попробует, – устало произнес Локи. – Он самый сильный из нас, а я слишком голоден, чтобы ждать.

Тор взял мешок и потянул за веревку, но так и не смог ни ослабить, ни разорвать ее.

– Проснись! – крикнул он великану, но его голос потонул в раскатах храпа.

Три путника в отчаянии переглянулись.

– Подождите, – процедил сквозь зубы Тор. – У меня есть с собой кое-что, что может привлечь внимание великана.

Он взял молот и направился к огромной голове. Вытянувшись во весь рост, бог размахнулся и изо всех сил ударил молотом по лбу спящего.

Тот зевнул, махнул рукой и повернулся.

– Что это меня пощекотало? – сонно спросил великан. – Лист с дерева упал?

Тор отложил свой совершенно бесполезный молот.

– Нам придется есть утром, – авторитетно заявил он попутчикам. – Надо ложиться спать.

– Я очень голоден, – проворчал Локи. – Кроме того, он так страшно храпит!

Путники легли, но под аккомпанемент такого храпа уснуть было невозможно. Чем больше Тор думал о своем ударе, тем сильнее чувствовал, что промахнулся в темноте. «Как бы это ни было похоже на правду, – сказал он себе, – но все-таки невероятно, чтобы великан не почувствовал силу Мьёлльнира, самого могучего молота в мире».

Наконец ярость из-за голода и бессонницы совсем одолела Тора, и он решил попробовать еще раз. На этот раз бог осторожно добрался до скалы, которая нависала над великаном, и остановился, чувствуя, как его рыжая борода развеивается в мощных потоках воздуха, вырывающихся изо рта спящего гиганта. Тор три раза замахивался своим молотом и всякий раз чувствовал, что оружие попадало на что-то упругое.

– Что с этим деревом? – раздраженно спросил великан и сел. – Наверное, на нем сидят птицы и бросают ветки мне на лицо.

И он снова лег.

– Не могу поверить, – пробормотал себе под нос Тор. – Я же чувствую, что молот попадает в цель. Надо будет попробовать еще раз, когда станет посветлее.

Наконец наступило серое утро. Замерзшие, невыспавшиеся, голодные путники злыми глазами следили за великаном.

– Посмотрим, что будет, когда станет посветлее, – повторял всю ночь Тор. – Обещаю вам, тогда он заметит мой Мьёлльнир.

В утреннем свете лицо великана хотя и смутно, но стало видно. Страшным ударом Тор обрушил молот на его могучий лоб.

– Ах! – воскликнул великан. – Проклятые птицы! Надеюсь, вы не спали под открытым небом. А то эти птицы забросали мне мхом все лицо. – Он огляделся по сторонам. – Ну, вы проснулись и готовы двинуться дальше. Торопитесь? Я думаю, король Утгард-Локи вряд ли посчитает вас важными гостями. Крепость совсем близко. А мне нужно еще кое-куда зайти.

С этими словами великан встал и в три шага исчез из виду.

– Там нас ждет завтрак, – сказал Локи. – Надеюсь, Утгард-Локи недалеко!

И действительно, вскоре путники увидели крепость, но подошли к ней только через много часов. Она грозно вздымалась перед ними. Как ни задирали Тор, Локи и Тьяльви головы, верха стены так и не увидели. Огромные запертые ворота загораживали решетки из стволов дубов, но их ячейки были такими большими, что боги спокойно прошли через них.

Король Утгард-Локи сидел в зале в окружении громадных великанов.

– Кто вы, малыши? – спросил он, посмотрев вниз на богов.

– Я Тор, а это Локи и мой слуга. Мы пришли навестить короля великанов.

– Добро пожаловать, – сказал король. – Я не думал, что вы такие маленькие. Тем не менее если вы действительно Тор и Локи, то должны показать нам свое искусство. Это наше условие для гостей, перед тем как они сядут за стол. Скажите, что вы можете?

– Я буду есть быстрее и больше любого из вас, – мгновенно ответил Локи.

– Отличное пари, – сказал король и рассмеялся. – Локи считается самым быстрым едоком среди нас, но, несомненно, ты окажешься классом повыше. Мы поставим перед вами большой поднос с мясом, и вы начнете есть с разных сторон. Так мы увидим, кто победит.

Локи страшно проголодался. Даже Тор поразился его аппетиту. Однако, как ни быстро уплетал мясо за обе щеки бог, Локи от него не отставал. Когда оба наконец столкнулись на середине подноса, оказалось, что Локи ел только мясо, а великан съел еще и кости, да и сам поднос. Его и объявили победителем.

– Не беда! – прошептал Локи Тору. – По крайней мере, я наелся!

– Локи произвел на нас впечатление, – заметил король-великан. – Теперь что покажешь нам ты?

– Я могу посоревноваться с любым из вас в беге! – крикнул Тьяльви, самый быстрый среди людей.

– Пошли с нами, Хуги, – сказал король-великан. – Устроим забег.

Хуги и Тьяльви побежали наперегонки, и, хотя Тьяльви несся, как ветер, Хуги первым добежал до финиша и повернулся встретить соперника. Второй забег великан выиграл с преимуществом равным полету стрелы. В третьем Хуги остановился на финише, когда Тьяльви пробежал лишь половину дистанции.

– Не думаю, что результат Тьяльви сильно повысил твою репутацию, – заметил король, – но теперь пришла пора обратиться к самому Тору. Это, кажется, совсем другое дело. Скажи нам, великий Тор, что можешь ты?

Бога разозлил насмешливый тон хозяина, но, вспомнив свое ночное поражение, Тор решил не состязаться в физической силе.

– Все знают, что я могу очень много выпить. Возможно, я смогу поразить вас этим, – мрачно сказал он.

– Принесите мой рог! – крикнул король. – Моя молодежь выпивает его за один раз. Не очень сильные великаны за два. Но я еще не видел никого, кто не выпил бы за три.

Рог показался Тору очень длинным, но не таким уж широким. Он поднес его к губам, чтобы не пролить, и, сделав большой глоток, попытался приподнять сосуд. К удивлению Тора, рог не двигался. Богу пришлось склониться над ним. Наконец бог в изнеможении выпрямился и в смятении заметил, что невозможно было сказать, убавилось ли в роге хоть чуть-чуть жидкости.

– Это небольшой глоток, – сказал король, – но, возможно, ты берег силы для второй попытки.

Разозленный Тор снова наклонился к рогу, но отпил на этот раз ровно настолько, чтобы сосуд можно было нести не расплескивая напиток.

– Не думаю, что твое искусство столь же велико, как твоя слава, – заметил король. – В роге осталось еще очень много.

Тор опять наклонился и стал пить изо всех сил, но все равно не смог опустошить рог. Напитка в нем осталось меньше, но ненамного. Бог раздраженно отодвинул рог.

– Дай мне попробовать что-нибудь еще, – сказал он.

– Я много слышал о твоей силе, – отозвался король, – и мне хотелось бы это проверить. Не буду ставить перед тобой трудную задачу, поскольку уверен, что ты не такой герой, как я думал. Сможешь оторвать моего кота от пола?

Огромный серый кот прыгнул вперед. Тор подставил руки под его брюхо, но кот только выгнул спину, и богу не удалось приподнять его ни на дюйм. Наконец Тор схватил животное за мощную лапу, собрал все свои силы и смог ее немного оторвать от пола.

– Ладно, – сказал король. – Среди нас каждый ребенок может сделать это.

– Я буду бороться с любым из вас и одержу победу, – крикнул Тор, – потому что моя кровь разогрелась!

– Не думаю, что могу попросить мою молодежь сразиться с тобой, – ответил король. – Просто жаль их время. Но, если хочешь, можешь попытаться победить мою старую служанку Элли.

Тор в ярости направился к пожилой женщине, но, сколько ни старался, так и не смог сдвинуть ее с места, зато ее хватка, в свою очередь, подкосила бога, и он вынужден был опуститься на одно колено.

– Довольно, – сказал король. – С тобой не стоит спорить. Садись ужинать и больше не хвастай перед людьми.

Три путника молча поужинали и рано утром покинули замок. Король Утгард-Локи лично вышел попрощаться с ними и спросил, когда гости посетят его вновь.

– Когда смогу отомстить за свой позор, – мрачно ответил Тор.

Утгард-Локи засмеялся:

– Ты не опозорен, а покрыт славой. Если ты пообещаешь мне больше никогда не возвращаться, я объясню тебе все.

– С удовольствием обещаю, – крикнул Тор, – если ты сможешь убедить меня!

– Тогда знай, что я был тем великаном, которого ты встретил в лесу, – ответил король. – Мои размеры, кажущиеся тебе столь невероятными, магическая иллюзия. Видишь вон те горы?

Тор кивнул.

– Цепь этих гор я положил себе на лоб, когда притворился спящим, и твой молот сделал в них три пробоины. Мне бы казалось это невероятным, если бы я не видел их собственными глазами.

– Я знал, что ты должен заметить Мьёлльнира, – с усмешкой отозвался Тор.

– Два дня я держал вас без пищи и сна, – продолжал король. – Я надеялся, что вы испугаетесь и вернетесь восвояси. А если уж не получится, то, по крайней мере, чтобы в моем замке у вас было поменьше сил. Но не тут-то было!

– Не думаю, что кто-то из нас проявил большую силу, – ответил бог.

– Ты так не думаешь, но мы видели вас в деле и были смущены и напуганы. Во-первых, Локи соревновался в скорости еды с Локи, который является самим Огнем. Неудивительно, что он сжег и кости и поднос, в то время как Локи съел только мясо. Что касается Тьяльви, то он соревновался с Хуги, являющимся моей Мыслью. Понятно, что у Тьяльви не было шансов, но в первом забеге он отстал совсем немного!

– А что скажешь обо мне?

– Конец рога, из которого ты пил, лежит в море. Когда выйдешь на берег, посмотри, каким мощным потоком впадает туда вода. Хотя было ясно, что это невозможно, но мы на миг затаили дыхание, потому что нам показалось, будто ты действительно сможешь выпить океан. Кот был не кто иной, как Мировой Змей, который растянулся на дне моря и опутал землю так, что его пасть находится рядом с хвостом. Когда ты поднял спину чудовища к небу, казалось, тебе удалось оторвать его от его лежбища. Мы испугались, уж не наступил ли Судный день!

– Мне уже приходилось встречаться со Змеем, – сказал Тор. – Знай я раньше, что это он, чудовищу не поздоровилось бы.

– И наконец, ты боролся с Элли, которая является Старостью. Никто не может победить ее!

– Вижу, ты здорово одурачил нас, – сказал Тор, – теперь моя очередь.

С этими словами бог поднял молот, но гигантская фигура великана вмиг растаяла в тумане. Совсем рядом с Тором раздался ехидный смех. Бог развернулся и увидел, что очертания крепости стали расплываться и вскоре совсем растворились.

– Помни свое обещание, – послышался громкий голос. – Никогда больше не приходи сюда!

– Думаю, что не приду, – мрачно согласился Тор. – Но если нам суждено где-нибудь увидеться еще раз, берегись!

– Позабочусь, чтобы этого не случилось, – ответил голос. – Прощай!

Тор положил свое оружие на плечо и направился со своими попугайчиками по пыльной долине к морю.

Бальдр Прекрасный

– Вставай, великая прорицательница! – раздался громкий голос в туманной темноте. Громкие призывы летели над голыми равнинами, и сырые невидимые горы эхом отзывались: – Вставай!

Тьма безмолвствовала, и не было видно ничего, кроме огонька, который мерцал на копье всадника. Из черного могильного холма, перед которым он остановился, послышался приглушенный сонный голос:

– Дай мне покоя. Я покрыта инеем, промокла от дождя и холодной росы. Я давным-давно мертва. Зачем опять поднимать меня?

– Просыпайся! – опять крикнул всадник и поднял свое копье. Падающий от него свет осветил его синий плащ, серые одежды и длинную седую бороду. – Это зову тебя я, Один, отец всего мира. Я пришел узнать кое-что у Хель.

На холме в тумане что-то зашевелилось, и снова послышался голос. Только теперь он был ближе:

– Я давно в королевстве Хель, мрачной королевы мертвых. Что ты хочешь узнать у этой ужасной богини?

– Почему Хель преследует снами Бальдра, самого прекрасного и славного из богов? Почему бы ей не явиться самой, пока не произошло ничего страшного? Она наводит мрак на его сияющее лицо и приводит в смятение богов, чье счастье зависит от него.

– Хель повелевает прекрасному Бальдру явиться к ней, и она продержит его у себя до Судного дня, – ответил монотонный голос прорицательницы. – Она велит своим слугам варить мед для пира, украшает свои скамьи и зал золотом.

– Хель никогда не получит Бальдра! – крикнул Один. – Бальдр – сокровище всего мира. Он – красота и безоблачная радость, чистая святость, которая не знает зла.

– Отпусти меня, – простонала туманная фигура. – Я ответила тебе. Находиться здесь – пытка для меня. Я должна вернуться к мертвым.

– Спи спокойно, прорицательница, – сказал Один. – Ты больше не будешь страдать от дождя и снега. А Хель напрасно украшает свой дом для моего сына, потому что мы сможем защитить его.

Туман снова сгустился, и на могильном холме стало тихо. Один прищипорил коня, и тот понесся быстрее ветра, его грива и хвост развевались, словно облака. Огонек от копья бога становился все меньше и наконец совсем исчез. Безмолвие, нарушаемое только звуками падающих со скал капель, вновь воцарилось на темной земле.

Боги грустили из-за странных снов Бальдра, их печалило его помрачневшее лицо. Однако, когда Один принес в Асгард слова прорицательницы, их смятение превратилось в черное отчаяние. Счастье всего Асгарда было в Бальдре. Никто не мог даже мысли допустить, чтобы потерять его. Наступила долгая тишина.

– Хель не получит моего сына! – крикнула наконец жена Одина Фригг. – Я этого не допущу! Все на земле поклянутся мне, что никогда не причинят никакого вреда Бальдру.

Фригг умчалась из Асгарда и прежде всего направилась к камням и скалам. Они дали ей клятву не попадаться ее сыну под ноги, не резать, не бить и не оставлять на нем синяков. Затем богиня обратилась к деревьям и кустам. Те поклялись не хлестать Бальдра, не колоть его и не царапать. Потом Фригг попросила о том же ядовитые растения, птиц и зверей. Все звери, от огромного медведя до крошечного муравья, обещали оберегать Бальдра, но королева Асгарда все никак не успокаивалась. Она взяла клятвы у рек, чтобы они не утопили сына, у земли, чтобы она не похоронила его, у огня, снега, льда и всего, что могло бы причинить ему вред. Все с радостью уверяли ее в любви к прекрасному богу.

Когда Фригг вернулась в Асгард, не осталось ничего, что бы не присягнуло ей. Даже листья, падавшие с деревьев, облетали Бальдра. Бог, случайно бросивший в него маленькую веточку, с удивлением увидел, что та упала в стороне. Заинтригованный, он бросил маленький камешек, который отлетел, словно стукнувшись о невидимую стену, защищавшую Бальдра. Другие боги радостно закричали и стали пробовать бросать палки, камни, копыя, огромные корни, но ничто не коснулось Бальдра. Одни отлетали назад, другие подсакивали в воздух, третьи сразу падали к его ногам. Каждая вещь вела себя по-своему, но ни одна не причинила богу вреда. Все летнее утро боги развлекались, бросая в улыбающегося Бальдра чем попало. Каждый бог придумывал что-то свое, и толпа громко хохотала после каждого трюка.

Локи, отец всех бед, отошел от группы. Только он один ненавидел Бальдра, поскольку не в его характере было находить что-то восхитительное в совершенно чистом и добром боге. Уже давно Локи скрывал свои мысли, и никто не подозревал, что он желал Бальдру зла. Бог взглянул на Фригг, которая сидела у окна своего дома и улыбалась, наблюдая за странным соревнованием.

– Прекрасная игра, – пылко произнес он. – Но не опасна ли она? Среди множества вещей наверняка есть та, о которой ты забыла.

– Я обошла всю землю, – ответила Фригг, – и теперь думаю, что забыла только одно. В остальном я уверена.

– Но если ты что-то пропустила, – воскликнул Локи, – не следует ли предупредить богов?

– О, это всего лишь омега, – ответила Фригг улыбаясь. – Маленький кустик, и я не вижу в нем ничего опасного.

– Полагаю, Бальдр в безопасности, – с беззаботным видом заметил Локи. – Ты успокоила мое сердце.

И он направился в лес искать омелу. Кустарник этот столь маленький, что ему пришлось долго ходить, чтобы найти ветку, из которой можно было сделать стрелу. Но наконец Локи нашел подходящую и остро заточил. Бог вернулся во двор, где веселье уже немного пошло на убыль, хотя вспышки криков и смеха еще слышались, когда испытывалось какое-нибудь новое оружие.

Хёд, брат Бальдра, грустно стоял в стороне, потому что был слепым, и никто не обращал на него внимания, поскольку все были увлечены новой игрой. Локи взял его за локоть.

– Идем. Присоединяйся к соревнованию, – сказал он.

– Как я могу это сделать? – печально спросил Хёд.

– Пошли со мной. Я буду направлять тебя.

Локи подвел Хёда к веселой группе, поставил прямо перед улыбающимся Бальдром и вложил ему в руку стрелу.

– Кидай, – сказал он, – и покажи им свою силу.

Хёд, польщенный тем, что его приняли в игру, изо всех сил метнул стрелу.

Раздался громкий крик, и потом наступила тишина. Слепой бог стоял в смущении, ничего не понимая.

– Бальдр прекрасный мертв! – крикнул кто-то за его спиной высоким голосом.

Хёд никак не мог понять смысла этих слов и только повторил:

– Бальдр прекрасный?..

Боги оттолкнули его и склонились над Бальдром. Хёд услышал, как боги медленно шли, словно неся что-то. Он остался один, и никто не откликнулся на его зов.

– Мы должны похоронить Бальдра с почестями, – сказал Один, – и отправить в царство Хель с подобающим блеском. Хотя мы и скорбим, но не будем впадать в отчаяние. Я дал гонцу Хермоду своего коня, и он отправился к Хель просить жизнь Бальдра.

Боги понесли погибшего к морю. Там их ждал корабль, на палубе которого пылал костер. С Бальдром отправили его оружие и одеяния. Один надел ему на палец кольцо, самое дорогое свое сокровище, из которого рождалось по восемь таких же каждую девятую ночь. Все боги, валькирии и даже великаны холода провожали пылающий корабль, взявший курс на заходящее солнце. Но пока все горевали о Бальдре, Хермод девять ночей скакал на стремительном коне Одина сквозь тьму. Наконец зеленая земля под ним стала казаться призрачной, и в мерцающем свете он разглядел глубокую черную реку, за которой начиналось царство Хель. Через реку был перекинут блестящий золотой мост.

– Кто скачет по моему мосту? – крикнула дева, охранявшая его. – Пять армий мертвых воинов, которые прошли здесь вчера, не трясли его так, как этот один человек.

– Бальдр проходил здесь? – крикнул Хермод.

– Бальдр прекрасный поскакал на север, туда, где находится дворец Хель.

Хермод пришпорил Слейпнира, и неутомимый конь помчался по серым камням и гулким долинам, где ничего не росло. Дворец Хель окружала огромная стена, и Хермод молнией пронесся сквозь открытые ворота.

Громадным и серым был дворец Хель, а пламя очага в нем синим. Богиня сидела на троне, сделанном из костей. В этом странном свете ее лицо с мертвыми глазами было ужасным. Рядом с ней за столом сидели призраки людей, некоторые были одеты в красное с золотом, а кое-кто в простые лохмотья. Стол, за которым они сидели, был Голодом, а постель, на которых спали, – Тревогой.

Рядом с ужасной богиней сидел Бальдр. Его золотистые волосы увяли и потускнели, однако он повернулся к вошедшему с милой улыбкой. Бальдр поприветствовал Хермода глухим голосом, доносившимся словно издалека.

– Великая богиня, – громко крикнул гонец, – пожалей нас и верни нам Бальдра, без которого весь мир погрузился в печаль!

Хель повернула к Хермоду голову и смерила его своим безжалостным взглядом.

– Верни нам Бальдра, – взмолился тот. – Никто из живых богов до сих пор не проделывал такой путь.

Его голос эхом прокатился по залу и утих. Ряды серых мертвецов смотрели на Хермода, но Хель не ответила ни слова.

– Во имя отца всего мира Одина, который предоставил тебе это царство, – снова крикнул гонец, – ответь мне и верни Бальдра! Он так дорог всей земле!

– Если весь мир так любит Бальдра, – ответила наконец Хель хриплым после долгого молчания голосом, – пусть все плачут. Если всё скорбит по нему, он свободен. Но если хоть кому-то одному Бальдр безразличен, он останется здесь.

Тень Бальдра поднялась со своего места, и он проводил Хермода до двери.

– Передай привет Асгарду, – произнес он отдаленным нежным голосом. – Долог путь отсюда, и Хель будет задерживать меня, но, когда Судный день пронесется над землей, я восстану, чтобы увидеть новый прекрасный мир.

– Мы освободим тебя! – крикнул Хермод. – Будь уверен.

– Передай кольцо моему отцу Одину, – сказала тень, – в память обо мне.

Бальдр вложил кольцо в руку Хермоду, и оно ярко засияло, как в доме Одина.

– Прощай и помни о Бальдре.

Вся земля плакала о прекрасном боге. Слезы лились потоками. Деревья и растения

роняли росу, цветы закрывались, воздух был туманным, и из туч непрерывно шел дождь. Все птицы умолкли, кроме скорбящего голубя и грустного соловья. Когда посланники Одина, вороны, летели над землей, даже камни покрывались сыростью, как во время весенней оттепели. Наконец боги пришли к пещере в горах, у входа в которую сидел Локи, отвратительный, как старый колдун.

– Плачь по Бальдру! – закричали они. – Только слезы всего мира могут освободить его из плена Хель.

Локи поднял голову.

– Почему я должен плакать по Бальдру? – прохрипел он. – Что он для меня сделал?

– Бальдр прекрасный – это радость всего мира. Плачь по нему, чтобы он не исчез навеки, иначе на земле останутся только горе и боль.

– Разве я когда-нибудь радовался? – воскликнул Локи голосом старого колдуна. – Пусть у Хель остается то, что ей принадлежит. Какое мне дело?

С этими словами он подпрыгнул и исчез в темноте пещеры и больше не вышел, хотя боги еще долго звали его.

Так Хель забрала к себе Бальдра, как он это и предвидел. Вместе с ним чистая святость и радость исчезли с земли. А то, что осталось, смешалось со злом и тревогой. Тем не менее было сказано, что после Судного дня возникнет новый мир. Тогда Бальдр восстанет из мертвых и сядет на лугу с прозревшим Хёдом. Сыновья Тора и Одина станут жить на равнинах, где раньше стоял Асгард, и новая прекрасная раса населит землю в свете еще более яркого солнца.

Наказание Локи

Когда боги скорбели по погибшему Бальдру, Локи улетел на край земли, боясь их мести. Неподалеку от океана он построил себе маленькую хижину с дверями во всех четырех стенах, чтобы можно было смотреть вокруг и вовремя заметить приближающихся богов. Там Локи жил некоторое время и развлекался тем, что устраивал всякие пакости лососю, жившему в протекавшем рядом ручье.

Однажды бог сидел в своем доме и плел рыболовную сеть, которая была его собственным изобретением. До этого люди охотились за рыбой с копьём на мелководье и никогда не перегораживали ручьи сетями. Сворачивая лен в прочные нити, Локи выглянул наружу и увидел вдалеке группу богов. Он сразу вскочил на ноги, бросил сеть в огонь и спрятался лососем в самой глубокой части ручья.

Боги вошли в хижину, увидели дымящийся очаг, но Локи нигде не было. И вдруг один из них увидел почерневшую сеть и обо всем догадался.

– Локи спрятался в ручье, – заявил он. – Он собирался ловить рыбу и второпях выбрал укрытие в том месте, которое было у него на уме.

Боги собрали лен и стали плести из него нити, а из нитей прочную сеть. Затем они пошли к ручью и натянули сеть от берега к берегу, перегородив поток. Так боги спустились с холмов, прошли по равнинам и вышли к морю. Далеко в горном озере Локи посмеивался над ними, выплывая из своего убежища между двумя камнями.

Через некоторое время боги подошли к песчаной отмели, где река впадала в море.

– Локи нет в потоке! – крикнул Тор. – Разрешите мне разбить холмы, и он выскочит наружу.

– Он должен быть в воде, – сказал Один. – Я знаю источники его волшебства. Он не сможет сразу принять форму.

– Позволь нам утяжелить сеть камнями, – предложил один бог. – И мы снова пройдем от холмов к морю.

Локи увидел, что боги возвращаются, и его сердце тревожно забилось. Он надеялся, что они откажутся от мысли искать его в воде. На этот раз Локи нырнул глубже, но сеть была утяжелена, и она протащила его по дну. Локи медленно плыл по течению, ища выхода с

растущим отчаянием, поскольку боялся морских чудовищ и не смел плавать так глубоко.

Наконец сеть добралась до места впадения реки в море, и Локи понял, что наступил рискованный для его жизни момент. Ему предстояло или выплыть в грозный океан, или освободиться от сети. С невероятным усилием он нырнул под сеть и снова поплыл к холмам.

– Вот он! – крикнул Тор, и все боги помчались за беглецом, стараясь преградить ему путь, пока он не уплыл далеко вверх по течению.

– Мы должны поймать его, – сказал Один, когда все вернулись к холмам. – Нужно идти обратно.

В третий раз они натянули сеть и начали прочесывать реку, но теперь Тор шел в воде позади всех. Он расставил руки в стороны, его зоркие голубые глаза внимательно оглядывали русло от берега до берега. Локи снова плыл перед сетью, следя за Тором и выжидая момент для освобождения. Наконец он заметил, что его противник слегка поскользнулся на камне. Когда Тор пошатнулся и попытался сохранить равновесие, Локи перепрыгнул через сеть, мелькнув серебряными чешуйками. Тор вытянул руку. Рыба выскользнула из его пальцев и уже, казалось, была на свободе, как вдруг бог прихватил ее за хвост.

Локи вытащили на берег и привязали железными путами к трем камням. Там его и оставили. Великий Змей сполз с утеса и свернулся кольцом на краю прямо над лицом плененного бога. Он медленно ронял капли яда, чтобы Локи подвергался вечным мучениям.

Только верная жена Сигюн не бросила злого мужа. Она все время стояла над ним с чашей, собирая падающие ядовитые капли. Правда, иногда чаша переполнялась, и Сигюн отворачивалась, чтобы опорожнить ее. Тогда страшный яд капал на лицо Локи, и он корчился в своих оковах от боли так, что дрожала земля. Там ему было суждено лежать до освобождения сил зла в Судный день.

Часть вторая Последний из Вёльсунгов³

³ Эта легенда, самая известная из северных легенд, основывается на «Саге о Вёльсунгах». Об этих событиях также упоминается во многих стихах «Младшей Эдды». Германская поэма «Песнь о Нибелунгах» рассказывает ту же историю, но с небольшими разночтениями.

Легенда интересна прежде всего тем, что композитор Вагнер взял ее за основу своего оперного цикла «Кольцо Нибелунгов». Он дает персонажам их германские имена, но заимствует сюжет как из «Саги о Вёльсунгах», так и из «Песни о Нибелунгах». Уильям Моррис, английский поэт XIX столетия, оставил нам большую поэму «Сигурд Вёльсунг», в которой объединены различные версии одной истории. (Примеч. авт.)

Золото Андвари

Много-много веков назад, когда боги еще ходили по земле, старый Рейдмар, король дварфов, жил в горной долине. Он был маленьким, злым, хитрым и не знал ни жалости, ни любви. Единственной страстью его была Грид, поэтому Рейдмар остался на земле со своими сокровищами, в то время как все дварфы скрылись от богов в пещерах.

У старого короля было три сына, но он обращался с ними как со слугами. Старший, Фафнир, отличался отвагой и силой. Отец дал ему свой меч и вменил в обязанность убивать. Оттер, второй сын, был охотником и приносил добычу. Он всегда бродил по диким лесам и мог принимать облик волка, выдры и даже сокола. Младший, Регин, занимался ремеслами и кузнечным делом. Он вырезал для Рейдмара чудесный высокий трон и сделал для него корону. От печного жара его глаза всегда были красными, а руки черными и огрубевшими, однако он день и ночь трудился для своего отца, изготавливая ни с чем не сравнимые сокровища.

Случилось так, что Один, Локи и Хенир – высшие боги – однажды, путешествуя по земле, шли вдоль реки. На берегу, приняв обличье выдры, лежал Оттер. Весь день он охотился в воде на форель и теперь крепко спал на мягкой траве. Один и Хенир не заметили его, но, когда мимо проходил Локи, выглянуло солнце, и в его лучах заблестел мех выдры. Локи, отец зла, бросил свое копьё только для забавы. Жизнь покинула Оттера, и отец его сразу почувствовал, что сын погиб.

Боги шли вдоль реки до тех пор, пока уже в сумерках не увидели дом. Он светился в полутьме, словно был сложен из золота. Огромные двери были широко распахнуты, но внутри факелы горели неярко. В очаге огонь тоже был слабым. Красный свет от углей отражался в блестящих колоннах, и создавалось впечатление, будто они тоже полыхали внутри. Никто не вышел встретить гостей. Боги переступили через порог дома и увидели резные и позолоченные скамьи, темные узоры на каждой стене. Тут и там свет факелов отражался в блестящих щитах, закрепленных под потолком. Боги подошли к очагу и остановились, протянув к огню руки. Наконец они услышали, что позади них что-то задвигалось, и повернулись.

У стены стоял огромный трон с изумительной резьбой. В нем сидел маленький человек с серым лицом, в красном плаще и с золотой короной на голове. Его глаза были цвета пепла, тонкие губы втянулись в беззубый рот, а борода падала на колени. Тем не менее говорил он без дрожи в голосе, совсем как молодой человек.

– Добро пожаловать, путники. Мои двери всегда открыты, и каждому гостю найдется комната. Проводите этих людей на почетные места и налейте им эля.

Боги оглянулись и увидели на скамьях, которые раньше казались пустыми, множество серых человечков. Туманные фигуры склонились над бочонком с элем. Один сел напротив Рейдмара. Между ними горел огонь. Появилось мясо. В руках сидевших на скамьях людей яркие кружки, наполненные элем, взмыли вверх. Послышались слабые возгласы и тихий смех.

Один Рейдмар говорил громко и четко, выпивая с богами, окруженный своей причудливой свитой. Вечер продолжался до тех пор, пока не потемнел очаг и факелы не погасли один за другим. Рейдмар сидел неподвижно, а его придворные улеглись на скамьях. Боги тоже приготовились ко сну, и все вокруг погрузилось в тишину и темноту. Вдруг что-то свалилось сверху на спавших богов. Вскочив, они обнаружили, что связаны. Пламя разгорелось, и боги увидели опутавшую их сеть. Старый Рейдмар по-прежнему сидел на троне, но, кроме двоих его сыновей, в зале больше никого не было.

– Напрасно стараетесь, боги, – проговорил Рейдмар. – Эту ловушку сделал Регин. Сегодня вы закололи моего сына Оттера и за это умрете. Подойди, Фафнир, меч мой, и изруби их прямо в сети.

Отец всего мира Один взглянул на Рейдмара и увидел жадность в его сердце.

– Останови свой грозный меч, – сказал он, – и возьми за жизнь Оттера золото. Назови свою цену, и мы заплатим, какой бы высокой она ни была.

Фафнир занес руку, но посмотрел на отца и остановился. Рейдмар сидел некоторое время, взвешивая мысли о мести и несметных богатствах. Наконец он сказал:

– Там лежит Оттер. Покройте все его тело золотом.

Один мрачно улыбнулся:

– Такие запасы золота есть у Андвари, и Локи добудет их тебе.

Далеко-далеко, почти на краю земли, река срывалась с огромной скалы в море. За коричневой стеной воды находилась глубокая темная пещера, в которой жил эльф Андвари, всю жизнь собиравший золото. Он был маленьким и белым, как растение, выросшее в темноте. Весь день он сидел скорчившись в своей пещере и смотрел на падающую воду. Изредка он бросался вперед, как паук, чтобы схватить золотую крупинку, кусочек или кольцо, которые могучая река приносила с илом. Таким образом за много веков он собрал огромные богатства.

Локи подошел к ревущему водопаду, долго вглядывался в поток, пока наконец не разглядел дрожащие очертания хрупкой фигурки Андвари. Бог поставил в воде сеть, и, когда эльф в очередной раз бросился за золотом, она опутала его.

– Теперь ты мой, – обрадовался Локи. – Твоя жизнь и твое золото в моих руках.

Эльф боролся и молил о пощаде, но бог не отпускал его до тех пор, пока пленник не согласился отдать свое золото. У самого входа в пещеру, где всегда было мокро от брызг, лежала куча самородков и золотой пыли.

– Вот мое богатство, – сердито сказал эльф. – Тысячу лет я собирал его, крупинку за крупинкой. Теперь бери его и уходи. Разве я когда-нибудь вредил тебе?

Локи измерил кучу взглядом и еще крепче схватил Андвари.

– Этого недостаточно, – произнес он.

– Это все, что у меня есть, – простонал эльф.

– Тогда ты умрешь.

– Ладно, есть еще несколько кованых вещиц, – неохотно признался эльф. – Их смыло с лошадей или людей и принесло потоком воды.

– Покажи мне.

Эльф повел бога в пещеру к большой куче золотых самородков, цепей, колец, чаш, брошей и рукоятей мечей. У Локи от восхищения перехватило дыхание. Он заметил улыбку Андвари, быстро повернулся к нему и грубо сказал:

– Этого недостаточно.

– Ты все равно свяжешь меня и убьешь? – с возмущением крикнул эльф.

– Мне нужно все, – ответил Локи. – Что толку в твоих запасах, если ты умрешь?

– У меня осталось только две вещи, – взмолился Андвари и принес чудесные золотые латы и шлем, украшенный крыльями. Он разложил свои запасы вдоль скользкого края между падающим потоком воды и входом в пещеру и с мрачным видом повернулся, чтобы уйти.

– Стой! – вдруг крикнул Локи, схватив эльфа за руку. – На твоём пальце еще осталось кольцо. Отдавай и его.

– Оставь мне эту маленькую вещицу, – попросил несчастный Андвари. – За десять тысяч лет я не смогу снова собрать столько золота. Но если ты оставишь мне кольцо, это придаст мне сил, чтобы начать все сначала.

– Какое мне дело до твоих сил? – равнодушно спросил Локи. – Мне нравится это кольцо, и, когда я заплачу выкуп, оно останется у меня.

– Оставь мне кольцо, – снова попросил эльф, – и я прошу тебе то, что ты сделал. Если же ты заберешь его, я прокляну все золото, и оно будет приносить несчастье его хозяевам до тех пор, пока снова не окажется в этом потоке.

– Проклинай, если хочешь, – ответил Локи, снимая кольцо с пальца Андвари. – Это меня не касается.

С этими словами бог взял золото и ушел, оставив одинокого эльфа в пещере перед потоком воды.

Глаза Рейдмара жадно засверкали, когда Локи ввалился в его замок и положил перед

ним несметные сокровища. Один и Локи осыпали золотой пылью тело Оттера, сверху положили самородки, украшения и кубки. Наконец Один добавил золотые латы и крылатый шлем.

– Тело покрыто, король Рейдмар, и выкуп заплачен, – сказал он.

Рейдмар слез со своего трона и заковылял к куче золота, опираясь на руку Фафнира.

– Я заберу и золото и ваши жизни, – с триумфом крикнул он, – здесь виден один волосок!

Локи сорвал с себя кольцо и бросил на указанное место.

– Я хотел носить его сам, но лучше уж пусть все золото достается тебе. Оно может быть проклято.

– Сокровища стоят больше, чем Оттер, – со странной улыбкой сказал Рейдмар, глядя на огромную золотую кучу, под которой скрылось тело сына. – Выкуп заплачен.

Король вернулся на свой высокий трон и приказал сыновьям положить сокровища перед ним, чтобы он мог разглядывать их. Весь день он сидел молча, пожирая глазами несметные богатства. Наконец Фафнир хриплым голосом произнес:

– Мы с Регином помогли тебе. Теперь отдай нам наши доли.

Рейдмар в ярости повернулся к сыну:

– Кто ты такой, чтобы говорить о долях? Разве ты не мой сын и не мой слуга? Регин, ступай в свою мастерскую. А ты, Фафнир, иди и не появляйся, пока мне не понадобится.

Регин скрылся в кузнице, но огонь там потух, и он не собирался разжигать его снова. Регин сел на сундук, опустив голову, мечтая об огромной куче золота и о том, чтобы овладеть ею. Тем же вечером он поднялся в темноте, ощутив острую боль при мысли о том, как будет играть на золоте свет от факела, и крепко сжал пальцы.

Страшный крик разорвал тишину. Регин бросился к двери, которая вела в большой зал. Там в свете факела в луже крови лежал мертвый Рейдмар. Над ним с мрачным лицом возвышался Фафнир. Кровь стекала с его меча.

Регин замер на пороге. Фафнир повернулся к нему со страшной ненавистью во взгляде.

– Мой отец владел этими сокровищами, – процедил он сквозь зубы. – Мой отец мертв. Почему ты встал с кровати, брат мой? Может, ты пришел за своей долей?

Фафнир поднял окровавленный меч и медленно направился к Регину.

Застыв, тот несколько мгновений с ужасом смотрел на него, потом страшно закричал и бросился прочь из проклятого дома.

Он побывал во множестве разных королевств. Сменялись поколения, а Регин все бродил, и жажда золота не покидала его сердце. Он слышал, что замок его отца со временем превратился в руины, а брат Фафнир превратился в дракона, который обвивал своим телом проклятое золото. Мудрый Регин знал, что однажды человек победит дракона, и путешествовал по королевствам в поисках такого героя. Наконец он пришел в мирную землю, где внутренний голос подсказал ему: «Здесь родится этот человек».

Регин остался в стране, стал учить людей кузнечному делу, медицине и игре на арфе. Каждый раз, когда он что-то объяснял им, часть его мудрости исчезала.

«Фафнир живет в доме моего отца, – часто утешал себя Регин. – Фафнир владеет золотом. Накопленная мудрость дварфов останется в его сердце нетронутой».

В ярости он ворочался без сна в своей постели, завидуя богатству и власти Фафнира. Однако Регин скрывал свою страсть от людей, поскольку знал, что его время придет, если он проявит терпение.

Наконец в этой земле родился ребенок, прекрасный, как солнце. Регин посмотрел на него и подумал: «Вот он».

Победитель дракона

Регин увидел ребенка, Сигурда, и его сердце радостно забилося. Регин ничего не сказал Хёдри, родившей сына. Он держал свой план действий в секрете, пока ребенок подрастал,

хотя тайная страсть сжигала его. Годы тянулись очень медленно, но наконец Регин увидел, что Сигурд стал высоким золотоволосым юношей. Он пришел к королю эльфов, который взял в жены овдовевшую Хёдри.

– Моя долгая жизнь подходит к концу, – сказал Регин. – Дай мне ученика перед смертью, чтобы я мог научить его своим искусствам, словам моих песен, врачеванию. Иначе моя мудрость уйдет со мной и будет забыта.

– Хорошая просьба, – ответил эльф. – Я выполню ее. Кого ты хочешь взять в ученики?

– Дай мне Сигурда, – быстро ответил Регин.

– Решено, – объявил король, удивившись тому, что прекрасный юноша тронул сердце этого молчаливого, мрачного старика.

Вскоре старый Регин словно загорелся огнем своей юности. Пальцы Сигурда искусно обращались со струнами арфы. Его сильный молодой голос восхищал пирующих легендами славного прошлого. Он также работал с Регином в кузнице, но там никак не мог превзойти своего учителя, хотя среди людей слыл самым лучшим кузнецом. Сигурд изучил множество странных растений. О злых мыслях Регина он ничего не знал. Хотя люди много говорили о любви старика к своему ученику, Сигурд чувствовал только холод. Он восхищался Регином, но привязанности к нему не испытывал.

Однажды в кузнице, когда Сигурд ловко управлялся с молотом, Регин, наблюдая за его уверенными движениями и крепкой фигурой, решил, что время пришло.

– Сигурд, – произнес он, когда грохот стих, а заготовка снова была помещена в огонь, – ты последний из Вэльсунгов, а они все были великими воинами. Ты доволен жизнью в этой тихой маленькой стране, где твои братья, сыновья эльфа, рождаются, чтобы стать королями?

Сигурд повернулся к учителю.

– Я уехал бы посмотреть мир хоть завтра, – ответил он, – если бы не моя мать и король эльфов, которые воспитали меня.

– И еще, – сухо заметил Регин, – у тебя нет ни коня, ни меча.

– Я скачу на том коне, на каком захочу, – огрызнулся Сигурд, – так же, как и родные сыновья короля.

– Твои братья – дети. Когда они вырастут, у каждого из них будет свой конь.

– Я могу попросить любого, – настаивал Сигурд.

Это было правдой, потому что эльфы с удовольствием исполняли просьбы молодых.

– Кони пасутся в конце долины, – сказал Регин. – Ступай и выбери себе какого захочешь. Пора тебе иметь своего.

Когда Сигурд бежал к пастбищу, многие поворачивали к нему головы и смотрели. Его светлые волосы блестели на солнце. Несмотря на внушительные размеры, юноша двигался с грациозностью лани.

«Кем он станет? – задумывались старики. – Еще никогда не рождалось на земле такого красивого и сильного юноши».

Сам Один стоял на пастбище, наблюдая за приближающимся Сигурдом. Бог принял обличье старика в лохмотьях, которые колыхались, словно на ветру, хотя воздух оставался неподвижным.

– Приветствую тебя, – сказал он, глядя на юношу своим одним голубым глазом. – Приветствую тебя, Сигурд. Куда ты бежишь?

– Выбрать себе коня, – ответил Сигурд. – Ты пастух?

– Разве я похож на пастуха?

– Нет. Ты похож на воина.

– Отличные слова, – сказал бог. – Я в самом деле воин и в свое время знал твоего отца Сигмунда. Пойдем со мной, проверим силу этих коней.

Река была полноводной, поскольку растаяли снега. В конце долины она пенилась и с грохотом срывалась с гор. Сигурд и Один погнали коней галопом вдоль берега. Некоторые свернули влево или вправо, увидев бурлящую воду, и с брызгами побежали по мелководью, издавая тревожное ржание. Некоторые бросились прямо в поток, и их понесло течением. Они

крутились в потоке и бились о камни. Некоторые хорошо плыли, но течение все равно относило их в сторону. И только один огромный серый конь, прыгнув в воду, добрался до противоположного берега. Сигурд и Один увидели, как он добрался до мелководья, выбрался из воды и встал на цветущей поляне, стряхивая с себя серебристые капли. Наконец с хрипением конь бросился в воду и поплыл обратно.

– Я дам тебе меч твоего отца, – сказал Один, когда они наблюдали за тем, как конь могучей грудью рассекал бурный поток. – Скачи и добейся славы. Когда ты придешь в замок Одина, где сидит твой отец, герои встанут приветствовать тебя, как величайшего среди них. Посмотри, как Грейфелль стоит на мелководье. Он такой же выносливый, как Слейпнир, конь Одина.

Сигурд прыгнул в воду и вскочил на коня. Воздух свистел за ними, когда они помчались по цветущей поляне. Капли летели с гривы Грейфелля, камни вылетали из-под его копыт. Они мчались по долине, словно горная лавина, – огромный конь и огромный всадник.

– Кто дал тебе коня? – спросил Регин, когда молодой человек спешил у дверей его дома.

– Старик в развевающихся лохмотьях и с одним голубым глазом. Он рассказал мне о моем отце.

– Я знаю этого старика, – кисло произнес Регин. – Он знал и моего отца тоже. Зачем он вмешивается? Скажи мне, а куда ты поскачешь на этом прекрасном коне?

– В мир.

– Куда именно? Будешь служить какому-нибудь другому королю?

– Никогда! – горячо воскликнул Сигурд. – Я сам завоюю себе богатство и славу.

– У меня есть для тебя одно приключение, – сказал Регин. – Никому до сих пор был не под силу такой подвиг. Можно заполучить такое богатство, которое сделает королями нас обоих.

– Что нужно сделать?

– Войди в кузницу, – ответил Регин, – и разожги огонь, потому что рассказ мой будет долгим. Садись на скамью, и я расскажу тебе о себе, откуда взялись сокровища и где лежит ужасный дракон, который был когда-то моим братом. Убей его, поскольку он очень злой, и возьми что захочешь. Я прошу только мудрость, которую он хранит в своем сердце уже много веков. Ведь своей я поделился с людьми. Поджарь мне сердце дракона. Я съем его и верну свою мудрость. Затем возьми свою часть золота и оставь мне столько, сколько считаешь нужным.

Сигурд долго слушал рассказ о Рейдмаре, о проклятом золоте Андвари. Огонь стал угасать. Взошла луна, и тихим голосом Регин поведал о давно скрываемой ненависти. В темноте собеседники видели лишь смутные очертания друг друга, но Регин глаз не отводил от Сигурда, который не мог скрыть своего сомнения. Наконец наступила тишина. Все было решено. Сигурд жаждал приключений, а Регин золота.

– Я поражу дракона, – медленно проговорил Сигурд. – Но сначала ты должен дать мне меч.

– Встань и посвети мне, – отозвался Регин. – Сегодня я изготовил тебе меч, в который вложил все свое мастерство. Открой мой сундук и возьми его.

Сигурд открыл сундук и достал оттуда меч с золотой рукоятью. Темное лезвие покрывали странные магические знаки, а рукоять была украшена драгоценными камнями. Сигурд внимательно осмотрел меч. Лезвие было сделано безупречно.

– Позволь проверить твое мастерство, учитель кузнецов, – сказал он, высоко поднял меч и изо всех сил ударил им по наковальне.

Лезвие со страшным треском сломалось, и его конец со свистом пролетел мимо уха Регина. Сигурд рассмеялся в испуганное лицо учителя и бросил рукоять на пол.

– Я вижу, это приключение не для нас, – с насмешкой произнес он.

– Я сделаю тебе другой меч! – крикнул Регин. – Он никогда не сломается, даже если

под твоим ударом наковальня уйдет в землю.

– Когда сделаешь, тогда я и вернусь, – сказал герой, – но с этой минуты у меня больше нет учителя.

Прошло много дней, и наконец меч был готов. Глаза Регина покраснели от огня, совсем как тогда, когда он работал в мастерской Рейдмара.

– Заходи в кузницу, – сказал он. – Я сделал тебе меч.

Оружие лежало на скамье и тускло поблескивало. От кончика до рукоятки оно было из чистой стали и без единого украшения.

– Испытай его на наковальне, – сказал Регин. – Я, лучший среди кузнецов, говорю тебе, что, если ты сломаешь его, никакая сталь на земле не подойдет тебе.

Сигурд снова поднял меч, размахнулся и ударил. Раздался треск, и куски стали оказались у его ног. Регин замер в изумлении, поскольку никогда не подозревал в этом юноше такой силы. Сигурд рассмеялся.

– Ты верно сказал! – крикнул он. – Ни один меч не годится мне, если он выкован на земном огне.

Сигурд собрал куски стали и направился к своей матери.

Королева Хёдри находилась в сыроварне.

– Мама, где меч моего отца? – спросил Сигурд, даже не поприветствовав ее.

Хёдри испугалась:

– Зачем он тебе понадобился?

– Я мужчина, – ответил Сигурд, – и сын могучего героя. Эта страна слишком тихая для меня, а я жажду славы.

– Еще до твоего рождения я знала, что это время настанет, – сказала Хёдри. – Через два месяца после свадьбы погиб Сигмунд, а с ним мой отец и все родственники-мужчины. В тот страшный день я спряталась в чаше, и грабители меня не нашли. В лунном свете я пробралась на поле битвы, где пали мой отец и Сигмунд. Около моего супруга лежала целая стена убитых врагов. В его руке была зажата только рукоять меча, который дал ему сам Один. Осколки лезвия блеснули в траве. Тогда я и предвидела этот день. Я собрала все части меча, чтобы передать их когда-нибудь своему сыну.

Хёдри прошла в свою комнату и открыла сундук, в котором хранилась ее одежда. Под женскими плащами и платьями Сигурд увидел какой-то тяжелый сверток, завернутый в вытканную золотом ткань.

– Твой отец был уже стар, когда я вышла за него замуж, – сказала Хёдри. – Его сыновья выросли, завоевали себе славу и погибли. Затем он посватался ко мне, и я с радостью согласилась. Какого же еще мужа желать, как не самого знаменитого в мире воина?

– Однако мой отчим не воин, – заметил Сигурд.

– Эльф – хороший и добрый человек. Это мирная земля, и я счастлива здесь, но не для нее ты родился.

– Это правда, – согласился ее сын, – и я прощаюсь со всем, что оставляю здесь, потому что уже никогда не вернусь обратно.

– Вернется твоя слава, – ответила Хёдри. – Она будет звенеть в моих ушах до самой смерти.

Она отдала сыну меч. Сигурд спустился по лестнице и вышел на цветущую поляну. Его мать смотрела ему вслед из окна до тех пор, пока он не скрылся из виду.

Регин все еще сидел в кузнице, когда вошел Сигурд и положил перед ним сверток.

– Вот мой меч, – сказал он.

Регин развернул ткань и посмотрел на осколки, светившиеся странным бледным светом.

– Он был выкован на небесном огне, – медленно проговорил он. – Я сам из дварфов. В этой стали моя смерть.

– В ней смерть для дракона, – ответил Сигурд.

– Пусть будет так. Оставь мне осколки. Я сделаю из них лезвие.

Когда Сигурд снова пришел в кузницу, огромный меч лежал на скамье, и бледный свет бежал по нему от рукояти до кончика. Края же были темные и очень острые. Сигурд взглянул на магические знаки, вырезанные на стали, протянул руку к украшенной драгоценными камнями рукояти и сжал ее. Затем он поднял меч, взмахнул им и ударил. С грохотом наковальня разлетелась на куски, а лезвие осталось невредимым.

– Я назову этот меч «Яростью Сигурда»! – крикнул герой. – Ни один человек не сможет устоять перед ним.

– Долгий день закончился, – сказал Регин. – Уже месяц, как я тружусь для тебя. Сегодня надо выспаться. А завтра мы поскачем на битву с Фафниром, и сокровища станут твоими.

Гибель Фафнира

Зал замка короля дварфов Рейдмара больше не сверкал на солнце. Позолота смылась со стен, широкая дверь упала с петель, а крыша поросла травой.

– Смотри! – сказал Регин, указывая на тропу, ведущую от порога к берегу реки. Она тянулась вдоль склона холма и была глубиной в рост человека.

– Эту тропу проделал Фафнир, – сказал Сигурд, – и часто ходит тут, поэтому на ней не растет трава.

– Люди говорят, – отозвался Регин, – что сокровища так и лежат там, где сложил их мой отец, на полу перед тронном. На них и лежит, свернувшись, дракон Фафнир. Когда восходит луна и освещает его сквозь трещины в стенах, ему снятся юность, весенние леса и великие боги, которых он видел, когда мир был молод. Серое утро рано будит Фафнира. В этот час он испытывает отвращение к тому, кем теперь стал. Тогда Фафнир оставляет свои сокровища и ходит к реке напиться, но до первых лучей солнца снова возвращается к золоту.

– Когда он в утренних сумерках пойдет по тропе, я встречу и зарублю его, – сказал Сигурд.

– Но его чешуя крепка, словно сталь, и у тебя ничего не выйдет, если ты не убьешь его одним ударом. Если же только ранишь, Фафнир раздавит тебя, как муравья.

– Я вырою в тропе яму и спрячусь в ней. Когда дракон пойдет, его взгляд будет устремлен на реку, а мысли будут еще полны снов. Возможно, он меня не заметит. Когда Фафнир окажется надо мной, я ударю ему в брюхо, где чешуя не так крепка. Только так можно поразить его в сердце.

– А если он тебя увидит?

Сигурд засмеялся:

– Ты подождешь еще тысячу лет, когда родится другой победитель дракона. Вот и все.

Луна была полной и взошла рано. На то, чтобы вырыть яму, ушло довольно много времени. Регин остался на часах, а Сигурд завернулся в плащ и отправился спать. Спал он очень крепко и даже ни разу не пошевелился, пока уставший от ночного наблюдения Регин не коснулся его плеча.

– Пора! – прошептал он.

Над горами небо уже побледнело, но над долиной висел туман и скрывал поросший травой склон, поэтому в убежище Сигурда было темно, как в могиле.

Он съежился, спрятав меч под плащом, чтобы тот своим блеском не выдал его. Ни один листок на деревьях не шевелился. Где-то едва слышно пробежала лиса. С приближением дня маленькие облачка на небе становились все белее.

Наконец в замке раздался глухой стук, словно по полу покатило бревно. Заскрежетали когти чудовища. По тропе пронесся камень. Звуки приближались, а вместе с ними и сильный болотный запах. Сквозь рассеивающийся туман Сигурд увидел приближающуюся темную громадину, заполнившую собой всю тропу. Вот уже над ямой появилась голова дракона. Покрытая чешуей, она была плоской и очень напоминала змеиную, только усталые глаза были человеческими, хотя и огромных размеров. Сквозь мрак

они уставились прямо на Сигурда, который еще крепче сжал рукоять своего меча. На какое-то мгновение взгляды их встретились, но чудовище проползло дальше, еще не очнувшись полностью от сна.

Темнота поглотила Сигурда, зловоние ударило в ноздри. Земля засыпала яму. Дюйм за дюймом дракон двигался над Сигурдом. Герой закрыл глаза, стиснул зубы и ждал, боясь одного – нанести удар раньше времени.

Кажется, время остановилось. Он осторожно встал на колени и изо всех сил ударил мечом вверх. Лезвие прошло сквозь плащ, насыпавшуюся в яму землю и вонзилось в дракона по самую рукоять. Раздался страшный рык и эхом прокатился по горной цепи. Огромное тело Фафнира выгнулось, словно лук. Сигурд выскочил из ямы.

Солнце поднялось над горами, но в долине было по-прежнему холодно и серо. Регин выбрался из кустов взглянуть на могучее тело дракона цвета замшелого камня.

– Ты убил его. Когда-то он был моим братом, – вздохнул он.

Сигурд усмехнулся:

– Поздно думать об этом.

– Но он был моим братом, а ты убил его. Огонь зависти, горевший во мне, теперь потушен его кровью. Долгие годы ожидания, бесконечные дни и бессонные ночи закончились. Позволь мне поспать час, потому что я всю ночь охранял тебя. Разведи огонь, пока я отдыхаю, и поджарь мне сердце Фафнира. Я съем его и верну свою мудрость, а потом мы осмотрим сокровища, которые так долго нас ждали.

– С радостью сделаю это, – ответил Сигурд. – Ты стар, а наш путь был долгим.

Регин лег на берегу реки, а Сигурд развел костер на поляне. Солнце уже озаряло долину. Два дятла сидели на деревьях и перекрикивались между собой.

Сигурд наколот сердце чудовища на палку и поднес его к пламени. Оно шипело и трещало, когда герой поворачивал его над огнем. Когда по краям мясо немного обуглилось, Сигурд решил, что оно готово. Он протянул руку, чтобы перевернуть кусок, но вдруг горячий жир брызнул и обжег герою палец.

Сигурд поднес его ко рту и почувствовал вкус жира. И вдруг мудрость озарила его, а речь всех обитателей леса потоком хлынула на него. Птицы по-прежнему щебетали. Сигурд услышал, как первая сказала:

– Смотри, герой Сигурд жарит сердце Фафнира.

– Он жарит его для Регина, – ответила другая. – Наверное, он не знает, что мудрость и сила дракона перейдет к тому, кто съест это сердце.

– Ему не нужна сила Фафнира, и он равнодушен к мудрости дварфов.

– А Рegin жаждет этой мудрости, и ему нужна сила, чтобы победить.

– Победить?

– Глупец! Победить Сигурда. Разве не его руками он уничтожил Фафнира? Больше Сигурд ему не нужен! Рegin задумал это убийство тогда, когда увидел победителя дракона новорожденным.

Сигурд отвернулся от костра и взглянул на Регина. В первый раз он понял хозяина

мудрости, который привел его сюда, и увидел вдруг, как страсть к золоту сжигает Регина. Он скорее убьет соперника, чем поделит сокровища. Сигурд понял натуру хладнокровных dwarфов, не имеющих совести, не испытывающих жалости и презирающих людей.

Регин открыл глаза, их взгляды встретились, и оба сразу все поняли. Регин потянулся к своему поясу, на котором висел кинжал, и бросился на молодого героя. Сигурд успел выхватить меч. Dварф сделал очень резкий выпад, и его кинжал просвистел в воздухе. Он снова прыгнул, словно дикая кошка, но на этот раз его встретил меч. Регин издал страшный крик и рухнул на траву.

Сигурд мрачно посмотрел на двух злых братьев – огромного дракона и dwarфа. Он оставил их на траве у реки и направился на вершину холма к старому замку, в котором хранилось завоеванное им богатство.

Валькирия

Сигурд с перстнем Андвари на пальце скакал по долине. Лучи солнца отражались в его золотых латах и шлеме, и весь он казался золотым. Позади остались мертвое чудовище, осыпавшийся замок и спрятанные сокровища. Победитель собирался вернуться за ними позже, а пока он жаждал лишь приключений. Сигурд намеревался завоевать свое место среди людей.

Впереди, где-то очень далеко, в воздух поднимался столб дыма. «Грабители подожгли крепость, – подумал Сигурд. – Или дракон дышит огнем на земли великого короля».

Он повернул Грейфелля в сторону дыма в надежде на новое приключение.

Дым поднимался в небо весь день. Когда начали сгущаться сумерки, за холмами показалось красное сияние.

На следующее утро огонь стал еще ближе. Воин в золотых латах преодолевал перевал за перевалом. Наконец на закате дня Сигурд попал в огромную долину. На противоположном ее конце вздымалась гора, вершина которой была охвачена пламенем.

Сердце Сигурда забило от предчувствия небывалого. Он что-то крикнул Грейфеллю, и неутомимый конь помчался к горе, освещенной пламенем.

К рассвету Сигурд услышал гул огня. Грейфелль скакал очень осторожно, минуя опасные места, залитые ярко-красным отсветом. На вершине горы языки пламени, образовавшие кольцо мерцающих огоньков, теперь то внезапно затухали, то вспыхивали, то разделялись, то развевались, словно подхваченные внезапным порывом ветра. За ними Сигурд разглядел крепость из бревен и дерна. Сухая трава висела в щелях бревен, кора тоже была не тронута огнем. Огненная стена вокруг строения, казалось, была создана богом, чтобы оберегать его от людей.

Сигурд пригляделся, но больше ничего не смог разглядеть.

«Это приключение для меня, – подумал он, – потому что мы с Грейфеллем посмели явиться сюда».

Герой натянул поводья, пришпорил коня и помчался, словно стрела, прямо в кипящее пламя.

Огонь цеплялся за его одежды, шипел в гриве Грейфелля. Жар обжигал лицо Сигурда, свет слепил глаза, гул оглушал. Герой чувствовал, как раскалился его золотой шлем, и снова пришпорил коня. Тот сделал отчаянный рывок, и огонь внезапно оказался позади. Всадника окутал холодный ночной воздух.

Шум огня стих в одно мгновение. Сигурд открыл глаза и увидел восходящее солнце. Вершину горы покрывал пепел, но пламя полностью погасло. Даже запах дыма исчез.

Перед Сигурдом возвышалась высокая стена, из-за которой не доносилось ни звука. Он поскакал к воротам. Те оказались открытыми. Сигурд слез с Грейфелля и с мечом в руках вошел, ожидая увидеть живущих здесь людей или богов.

Но за стеной оказалась лишь гора. На ней возвышался большой холм, наподобие могильного, на котором лежал воин в кольчуге. Его руки были сложены на груди, как у

мертвого.

Сигурд взобрался на холм и остановился над незнакомцем. Тот лежал не шевелясь и не дыша. Герой снял с воина шлем и увидел золотистые волосы и самое прекрасное женское лицо, которое когда-либо видел. Розовые губы девушки улыбались, словно она видела сладкий сон. Когда Сигурд прикоснулся к ней, она не проснулась.

Через мгновение он снял с нее кольчугу. Девушка осталась в белой льняной рубашке. Только ее грудь равномерно поднималась и опускалась. Прекрасные голубые глаза медленно открылись и посмотрели в высокое небо. Слезы блеснули в них. Наконец она повернула голову и увидела стоявшего над ней героя с мечом в руке.

– Кто ты? – удивленно спросила она. – Кто ты и где я нахожусь?

– Я Сигурд, Вэльсунг, – ответил он, – который победил Фафнира и завоевал его сокровища. Я скакал в поисках приключений и нашел тебя за стеной огня. Кто ты и почему лежишь на вершине этой горы, окруженной пламенем?

– Я Брюнхильда, избранная Одином. Я была валькирией, скакала по облакам с копьем в руке, парила над полями битв, принося победу или поражение. Я подбирала души погибших и провожала их во дворец Одина, где они пировали и упражнялись во владении оружием, готовясь к сражениям Судного дня.

– Увы, ты валькирия, а я всего-навсего смертный человек.

– Я была принцессой в Лимдейле, когда на меня пал выбор Одина.

– И теперь ты скачешь в облаках, отгораживаясь от людей огненной стеной?

– Я больше не дева-воительница. Однажды по неосмотрительности я взяла душу человека, которому суждено было жить, и спасла обреченного на смерть. Один в гневе приказал мне вернуться к людям, выйти замуж и познать горе. Тогда я сказала: «Сделай хотя бы так, чтобы никто не мог завоевать меня, кроме великого героя». Один грозно взглянул на меня, но ответил: «Твое желание будет выполнено». После этого он отправил меня сюда и окружил стеной огня. «Только один человек сможет пройти сквозь это пламя», – сказал Один и ушел. Сон сразу одолел меня, потом я проснулась и увидела тебя.

– Я честно завоевал тебя, – сказал Сигурд, поцеловал валькирию и надел ей на палец кольцо Андвари.

Она тоже поцеловала его, и они просидели весь день на вершине горы, глядя на просторные долины внизу. Брюнхильда рассказывала о богах, об их небесной мудрости, о Вальгалле, дворце Одина, где сидел Вэльсунг Сигмунд. Сигурд рассказал ей о Фафнире и его сокровищах, о том, почему он отправился искать свое место среди людей.

В ту ночь они спали на холме под звездами. Утром Брюнхильда сказала:

– Я должна вернуться в Лимдейл, к своей старой жизни. Там правит муж моей сестры, и это место не подходит для тебя, воина, сына короля. Ступай и найди свое королевство. Я буду носить твоё кольцо, пока ты не вернешься.

– Я обязательно вернусь, – ответил Сигурд. – Ты всегда будешь в моем сердце.

– «Волк тьмы» скорее проглотит солнце, чем я забуду тебя, – сказала валькирия.

Когда Сигурд спустился с горы, лето, казалось, закончилось. Листья дубов пожелтели. Берегом широкой реки Сигурд наконец выехал к огромному дворцу. Кругом сновали люди.

– Кто здесь живет? – спросил герой первого встречного.

– Это дворец великого Гьюки, короля Нибелунгов, и мудрой колдуньи Гримхильды, его жены. Здесь живут сыновья Гьюки: прекрасный Гуннар, мудрый Хёгни и яростный Готторм и дочь – принцесса Гудрун, темный лесной цветок.

Сигурд вошел, и родные Гьюки были поражены его красотой и блеском вооружения. Гуннар лично вышел приветствовать героя и провел его на почетное место. Сигурд с радостью сел за стол с Гьюки и его сыновьями. Белорукая Гудрун протянула ему чашу.

Темноволосый Гуннар был знаменит, но восхищался гостем безо всякой ревности. Принц поклонился герою в дружбе.

– Будем неразлучными братьями, – сказал Гуннар.

Сигурд остался жить в гостеприимном замке, и с этого момента войны, в которых

приходилось участвовать Гьюки, стали заканчиваться только победами. Слава героя в золотых доспехах распространилась далеко, ведь никто не мог устоять против его меча. Гуннар любил Сигурда, а темные глаза Гудрун сразу же искали витязя, как только тот появлялся.

Мудрая Гримхильда увидела, что ее дочь любит Сигурда, а тот не обращает на нее никакого внимания. Ей очень хотелось, чтобы они поженились. Сигурд тогда остался бы с Гуннаром, а королевство крепло благодаря его неизмеримым богатствам и могучей руке. Но королева догадывалась, что вовсе не образ ее дочери все время был перед глазами героя.

Однажды в полнолуние она собрала различные травы и сварила крепкое ароматное зелье. Вечером Сигурд взял арфу, чтобы спеть про Вальгаллу, про дев-воительниц Одина. Гримхильда громко похвалила песню и сама поднесла ему питье в золотой чаше.

Сигурд радостно улыбнулся ей, выпил, и в этот момент воспоминания о Брюнхильде покинули его, словно их никогда и не было. Далеко в Лимдейле в зале, где, ожидая Сигурда, сидела Брюнхильда с тяжелым кольцом на пальце, сверкнула молния. В лесах затрещал огонь. Брюнхильда вышла на порог и замерла, глядя на красное сияние, разорвавшее темноту. Она знала, что что-то случилось с Сигурдом, но на сердце у нее было все равно легко. Ведь Брюнхильда знала, что никто другой не сможет пройти сквозь этот огонь.

А в это время во дворце Гьюки Сигурд встретился взглядом с Гудрун. Девушка вспыхнула, и он впервые увидел, как она прекрасна. Сигурд решил завоевать ее любовь, даже если для этого потребуется вся жизнь.

Две жены

Сигурд сгорал от любви к Гудрун, но она была слишком робкой, не смела даже улыбнуться, когда чувствовала его взгляд. Герой поделился своими мыслями с Гуннаром, потому что боялся, как бы Гьюки не стал презирать его, человека без клочка собственной земли.

– Я люблю твою сестру, и думаю, мы должны с ней пожениться, – сказал он.

Старый Гьюки уже сильно хворал, и молодой принц начал чувствовать, что эта женитьба не будет выгодна ему, когда он станет королем.

– У тебя нет своей земли, – с ревностью ответил он.

– У меня есть сокровища, – возразил Сигурд, – которые дороже всех ваших богатств.

Гуннар нахмурился.

– Сначала обещай мне кое-что, – сказал принц.

– С радостью. Разве ты не брат мне? Чего ты хочешь?

– Возможно, ты женишься на моей сестре, но королем все равно буду я. Значит, мне нужна самая благородная невеста. Помоги мне завоевать сердце знатнейшей женщины в мире.

– Кто она?

– Брюнхильда, избранница Одина. Сейчас он окружил ее стеной пламени. Только самый великий из героев может прорваться к ней и взять ее в жены.

– Ты будешь самым великим героем, – сказал Сигурд. – Мы пойдем вместе и завоюем ее для тебя.

– Сначала давай устроим твою свадьбу, если Гудрун согласна, – ответил Гуннар.

Наступил день свадьбы. Старый Гьюки и мудрая королева Гримхильда приняли Сигурда как сына. Гуннар и Хёгни клялись ему в вечной дружбе. Не было на пиру только Готторма, поскольку он в это время где-то воевал. Наконец Гуннар провел новобрачных в спальню.

– Я вечно буду любить тебя. Ты сокровище моего сердца, – сказал Сигурд, когда они остались наедине.

– Скорее неутомимый волк проглотит солнце, чем я забуду тебя, – молвила в ответ Гудрун.

Старый Гьюки умер на исходе зимы. Королем стал Гуннар, а Сигурд находился на вершине счастья. На земле не было героя сильнее, любимее и отважнее его. Если грусть омрачала лицо Гуннара, когда он думал об этом, то никто этого не замечал.

Наконец пришла зима, и Гуннар напомнил Сигурду о его обещании. Они взяли с собой Хёгни и поскакали в Лимдейл попытать счастья.

Огонь там полыхал ярче заходящего солнца. Он горел сильнее и жарче, чем когда-то на горе. Ничто не напомнило о тех событиях Сигурду, когда он увидел беснующееся пламя. Сигурд повернулся к Гуннару:

– Эта дорога для героя, брат. Я думаю, ты настоящий мужчина.

– Я настоящий мужчина, – пылко ответил Гуннар, натянул поводья и отъехал немного назад, чтобы как следует разогнаться. Затем с громким криком, пришпорив коня, он помчался вперед. Красный плащ развеялся за его спиной. Сигурд прикрыл глаза руками, чтобы разглядеть проскакавшего сквозь пламя всадника.

– Он настоящий герой! – восхищенно воскликнул он.

Только Сигурд проговорил это, как конь Гуннара вдруг остановился и едва не сбросил хозяина в огонь. Животное повернулось и с ржанием поскакало прочь от жара. Гуннар вцепился ему в гриву, но ничего не мог поделать. На безопасном расстоянии он спешился.

– Испугался мой конь, а не я! – крикнул Гуннар Хёгни. – Дай мне более отважного коня, и я проскачу сквозь пламя.

– Это лучший из нашего табуна, – ответил его брат. – Если уж он не проскакал через огненную стену, то никто уже не проскачет. Возьми у Сигурда Грейфелля. Он наверняка преодолеет это препятствие.

Сигурд спрыгнул со своего коня.

– Попробуй! – крикнул он.

Гуннар вскочил на Грейфелля.

– Вперед! – крикнул он и пришпорил животное.

Конь стоял на месте, как скала.

- Вперед! Вперед, я сказал! – в ярости кричал Гуннар, вонзая в бока Грейфелля шпоры.
Сигурд схватил его за руку:
– Оставь его. Это мой конь, и он не хочет везти никого другого.
– Пусти меня! – Гуннар вырвал руку.
– Тихо! – крикнул Хёгни. – Послушайте меня!
Сигурд отпустил Гуннара, и тот вдруг умолк.
– Ты уже доказал свою храбрость, Гуннар, – сказал его брат. – В тебе живет дух героя.
Никто в этом не сомневается. Испугался твой конь, а не ты. Ты отважился, и ты завоюешь свою невесту.
– Как? – мрачно спросил Гуннар.
– Наша мать предвидела это, – заявил Хёгни, – и научила меня страшному заклинанию.
Возьми Сигурда за руку и смотри ему прямо в глаза.

Сигурд повернулся к Гуннару. В красных отблесках огня они посмотрели в глаза друг другу, а Хёгни за их спинами едва слышно бормотал длинное заклинание. Король Гуннар увидел, как голубые глаза Сигурда стали вдруг черными. Он попятился назад, закричав в изумлении, потому что под шлемом Сигурда увидел свое лицо.

– Теперь, Сигурд, скачи на Грейфелле, завоюй Брюнхильду в обличье Гуннара. Заклинание будет действовать до рассвета. Скачи, пока не закончилась ночь.

– Скачи! – пылко воскликнул Гуннар. В его отваге никто не сомневался, и теперь он мог спокойно радоваться, что ему не нужно мчаться в огонь. А поскольку ему верили, Сигурд мог сделать это дело сам.

– Хорошо, – согласился Сигурд. – Брат, ты получишь свою королеву!

С этими словами герой вскочил на Грейфелля и через мгновение поскакал в самое сердце беснующегося огня.

Вслед за ним поднялся столб дыма. Грохот стих. Внезапно наступила тишина и кромешная тьма, поскольку луна еще не взошла.

– Он проскакал, – с завистью в голосе проговорил Гуннар. – Он великий герой, а не я.

– Он делает это для тебя, – отозвался Хёгни. – Тебе все верят, и ты король.

– Да, я король, – мрачно произнес Гуннар, сел и стал смотреть на Лимдейл в ожидании рассвета.

Когда огонь вокруг Лимдейла стих, в замке стало темно, несмотря на зажженные факелы. Брюнхильда услышала цокот копыт во внезапно наступившей тишине и поняла, что к ней скачет ее герой. Она замерла в кресле, побледнев, затаив дыхание и глядя в пол. Фигура в золотых латах появилась на пороге. С радостным криком Брюнхильда встала. Этот крик оборвался, когда она увидела черные волосы и глаза Гуннара.

– Кто ты? – воскликнула Брюнхильда. – Как ты пришел сюда? Где тот, кто проскакал сквозь огонь?

– Это я, – ответил герой. – Гуннар, король Нибелунгов. Я пришел, чтобы взять тебя в жены.

Брюнхильда молча смотрела на него и думала: «Только один человек мог прийти ко мне. Должно быть, Сигурд мертв». Она взглянула в лицо Гуннару и приняла его как героя.

– Добро пожаловать, великий король Гуннар, – наконец медленно проговорила Брюнхильда. – Ты честно завоевал меня, и я буду тебе верной королевой. Возьми мое кольцо. Отдаю его тебе как залог моего обещания.

Сигурд взял кольцо Андвари и надел себе на палец. Магия Гримхильды была так сильна, что все происходящее не казалось ему странным.

– Подойди, сядь рядом со мной, – произнесла Брюнхильда. – Если нам суждено пожениться, лучше бы нам поговорить друг с другом о нашем прошлом и будущем.

Когда Гуннар сел, она взглянула ему в глаза. Да, перед ней настоящий герой, которым можно гордиться, и ей захотелось стать его королевой, хотя любила она только Сигурда. Брюнхильда мужественно улыбнулась Гуннару, но сердце ее ныло.

Ночь прошла, и звезды на небе побледнели. Сигурд вспомнил слова Хёгни, что заклинание действует только до рассвета, поднялся и стал прощаться с Брюнхильдой.

– Я поскачу домой и через три дня вернусь за тобой со свитой, достойной королевы.

– Через три дня я буду готова, – ответила она и протянула ему руку для прощания.

Три дня спустя сам Гуннар приехал за невестой в сопровождении почетной кавалькады. Когда процессия направлялась домой, прекрасная Брюнхильда не спускала глаз со своего мужа, и он нравился ей все меньше и меньше. «Он проскакал сквозь огонь, – уговаривала она себя. – Это самый великий из всех королей».

Брюнхильду возвели на трон, и начался свадебный пир. Она посмотрела на другой конец скамьи. Там сидел ее муж, раскрасневшийся и гордый. Рядом устроились осунувшийся Хёгни и угрюмый, неукротимый Готторм. Позади них в свете факелов светилась великолепная золотистая голова. У Брюнхильды вдруг перехватило дыхание. Лица человека ей не было видно, но она могла и не дожидаться, когда он повернется.

– Кто это? – быстро спросила Брюнхильда у Гудрун, сидевшей слева от нее.

– Сигурд, Вэльсунг, мой муж, – гордо ответила Гудрун и вдруг увидела, как каменеет лицо королевы.

Именно в этот момент Сигурд обернулся. Глаза их встретились. Память сразу вернулась к Сигурду. Он узнал Брюнхильду и понял, что их предали. Но рядом с любимой сидела любящая Гудрун, его жена. Король Гуннар был ему братом. Брюнхильда стала его королевой. Сигурд отвел взгляд от ее страдающих глаз. Гудрун, однако, заметила это и решила узнать, что было между Сигурдом и самой прекрасной из женщин. Король Гуннар предложил тост за свою невесту.

Убийство

Королева Брюнхильда хорошо выполняла свои обязанности, но вечерами она грустила в своем великолепном красно-золотом зале. Когда наступала ночь, Брюнхильда ложилась рядом с Гуннаром, дожидаясь, когда тот заснет, затем уходила в леса, плакала по Сигурду или глядела на облака, по которым скакала когда-то. Только гордость удерживала ее рядом с мужем. Королева часто говорила себе: «У меня есть слово Одина. Только великий герой мог проскакать сквозь огонь».

По мере того как жена отдалялась от него, взгляд Гуннара становился все мрачнее. Зависть по отношению к Сигурду наполняла его сердце. Он-то был счастлив со своей женой.

Когда вечерами женщины занимали свои места, Гудрун садилась возле королевы. С ненавистью она следила за тем, как Брюнхильда не сводит своих голубых глаз с Сигурда. Еще Гудрун заметила, что ее муж, милый и любящий, как и прежде, никогда не поворачивает лица к скамье, где садится она с королевой. Постепенно сердца двух жен наполнялись ненавистью. Гудрун и Брюнхильда старались не разговаривать между собой, поскольку тон даже совершенно невинных слов выдавал их мысли.

Пришло лето, и жара опустила на землю. Однажды утром Брюнхильда направилась к запруде, поросшей кустами боярышника, где женщины обычно купались. Подойдя к берегу, она увидела Гудрун, уже вошедшую в воду. Женщины отпрянули друг от друга, не желая делить место, где каждая привыкла проводить время в одиночестве.

– Купайся первой, – мрачно проговорила Брюнхильда, садясь на траву. – Я подожду, когда ты уйдешь.

– Это большая честь для меня, – язвительно ответила Гудрун. – Войти в воду раньше королевы! Но мой муж Сигурд. А он лучший среди людей.

С этими словами она вошла в воду, с намерением, если понадобится, проплыть весь день.

Брюнхильда вскочила и нырнула в реку выше по течению. Она стала взбалтывать воду до тех пор, пока та не стала мутной.

– Зачем ты мутишь воду? – раздраженно крикнула Гудрун.

– Ты должна смириться со всем, что я делаю. Ведь я благороднее тебя, – ответила Брюнхильда.

– Я тебе не слуга! – крикнула Гудрун.

– Слуга, – огрызнулась королева. – Твой муж служит моему. А он король и величайший из героев. Он, а не Сигурд сумел проскакать через мою огненную стену.

Гудрун смеялась долго и громко.

– Ты глупая! – сказала она. – Ты же отлично видишь, что геройства Гуннара недостаточно для этого. Это Сигурд завоевал тебя, приняв обличье Гуннара.

– Ты лжешь! Это был не Сигурд, а Гуннар. Я видела его лицо.

– Могу доказать свои слова. Это был Сигурд. Он вернулся домой, смеясь над тобой, и надел мне на палец это кольцо.

Гордая Брюнхильда взглянула на кольцо, побледнела, затем покраснела, внезапно расплакалась и побежала вдоль берега. Темноволосая Гудрун грустно посмотрела ей вслед. В

ее взгляде была не жалость, а тревога. Она тоже вылезла из воды, поскольку на солнце набежала туча.

Брюнхильда легла в своей комнате лицом к стене. Когда зажгли факелы и король позвал жену, пожилая служанка сказала ему, что не может ее поднять. Король Гуннар вошел к королеве, но она не стала разговаривать с ним. Наконец он отослал служанку и присел на край кровати.

– Брюнхильда, кто опечалил тебя?

– Сигурд.

– Что он сделал? – в ярости воскликнул Гуннар. – Кто он для тебя? Я видел, как ты на него смотришь.

– Он сделал только то, что приказал ему ты, – ответила Брюнхильда, – как и подобает слуге. Сигурд проскакал сквозь огонь, когда ты не смог этого сделать, а потом со своей женой насмеялся над нами. Теперь я знаю, что вышла замуж за труса. Я не могу жить подвергаясь насмешкам.

– Я бы проскакал сквозь огонь! – крикнул король. – Мой конь испугался!

– Без сомнений, твой конь знал своего хозяина, – презрительно кинула Брюнхильда. – Я думаю, Один отомстил мне.

– Что я могу сделать? – беспомощно спросил Гуннар.

– Убей Сигурда! – крикнула она, приподнявшись на локте. – Убей его для меня! Неужели ты будешь жить, когда он знает, что ты трус? Я бы так не смогла. Если он будет жить, умру я.

Когда все обитатели замка отправились спать, король Гуннар позвал братьев и сказал:

– Идемте со мной к нашей матери.

Мудрая Гримхильда сидела в своей спальне, сложив свои усталые руки на коленях. Когда сыновья вошли, она подняла глаза:

– Скажи мне, Гуннар, кто должен умереть?

– Сигурд.

Готторм тихо рассмеялся.

– Отлично, – сказал он. – Я давно хочу прибрать к рукам его богатства. Да и ты, братец, думаю, тоже.

– Сигурд слишком много говорит, – заявил Хёгни, и Гуннар мрачно кивнул.

– Для короля нехорошо, когда кто-то превосходит его во всем, – добавила Гримхильда.

– Жаль только нашу сестру Гудрун, – сказал Хёгни, который очень любил ее.

Наступила тишина. Только факелы потрескивали. За окном ветер пошевелил ветку, и она стала царапать стену. Гуннар поднял голову.

– Это нужно сделать сегодня вечером, – сказал он, схватив меч.

Хёгни встал спиной к двери.

– Помните его свадьбу? Помните клятвы, которые мы ему давали? Мы должны быть братьями Сигурду и защищать его жизнь, жертвуя своими.

– Я не давал такой клятвы, – пылко возразил Готторм. – Дай мне пройти, Хёгни. Эта работа мне подходит.

Он отодвинул плечом брата и направился вниз по лестнице. Трое замерли в ожидании.

Луна заглядывала в опочивальню, но Гудрун лежала в темноте. Голову Сигурда скрывала тень, только его грудь слегка освещал лунный свет. Вытянутая рука героя почти касалась лезвия «Ярости Сигурда», которое поблескивало на стене. Готторм очень медленно открыл дверь, чтобы она не закрипела. Гудрун вдохнула во сне. Брат увидел руку сестры, на которой лежала голова героя. Готторм улыбнулся в предвкушении убийства, очень медленно поднял меч. Сигурд вдруг пошевелился. Убийца в панике нанес удар, оставил меч в теле и убежал.

Пораженный герой выгнулся, и его кисть охватила рукоять «Ярости». Из последних сил Сигурд бросил свой меч вслед врагу. Лезвие вонзилось Готторму в спину. Он умер прямо на пороге опочивальни.

Сигурд вздохнул еще раз и умер. Тишину разорвал страшный крик Гудрун, которая звала на помощь, держа на руках умирающего мужа. Братья услышали, как слуги стали зажигать факелы, как крики сменились рыданиями. Без Готторма никто не смел пошевелиться. Сидя в кресле, Гримхильда закрыла глаза. Ее сыновья в полной тишине ждали рассвета.

Брюнхильда тоже услышала крики и сердцем поняла, что произошло убийство. Вдруг боль потери и ее любовь пересилили ненависть к Сигурду. Она лежала как мертвая, думая обо всем, что случилось. Лишь о Гудрун она не вспомнила.

Ночь сменилась утром. Из хлева и из конюшни начали доноситься звуки начинающегося дня. Король Гуннар приказал слугам приготовить два погребальных костра, чтобы похоронить героев с надлежащими почестями. Люди шептались друг с другом, но лицо Гуннара оставалось мрачным, и никто не решался задавать вопросы.

В тот день Брюнхильда не вышла из покоев. За окнами сложили костер. Мужчины положили на него Сигурда в сияющих латах, сложив его руки на груди. Рядом с ним был его меч, несколько богатых нарядов, сверкающие кубки, блестящая упряжь, золотые кольца – одним словом, все, что могло понадобиться герою в стране мертвых. В Вальгаллу Сигурд должен был войти как великий воин.

Когда солнце поднялось, работы были почти закончены. Гуннар пошел в покои королевы. Там он нашел величественную Брюнхильду, одетую в белые одежды, вышитые красными и золотыми узорами. На ее голове был венок, а в косы она вплела яркие шелковые нити.

– Сигурд мертв, – сказала Брюнхильда. – Моя пытка закончена. Здесь, на земле, он принадлежал Гудрун. В замке Одина он мой.

– Он мертв, – ответил Гуннар. – Мы оба ненавидели и любили его. Давай теперь будем жить вместе и все забудем. Впереди нас ждет долгая жизнь.

– Долгая жизнь ждет тебя. Видишь этот меч? До того, как скорбь коснется меня, я поскачу в облаках с ним в руке. Позволь мне вернуться туда, откуда я пришла, и забудь обо мне. Моя любовь ушла раньше. И еще разреши мне возлечь рядом с Сигурдом, как мы возлежали когда-то на вершине горы.

С этими словами Брюнхильда резким движением вдруг пронзила себя мечом.

– Брюнхильда! – вскричал Гуннар, подхватив ее на руки.

– Сожги меня вместе с Сигурдом, – едва слышно проговорила умирающая королева. – Позволь мне войти в Вальгаллу вместе с ним.

Мечь

Король Гуннар с удовольствием взял сокровища Сигурда, а место Брюнхильды заняла другая королева. Когда Гудрун появлялась на ужинах и разговаривала со своими братьями, он радовался каждой ее едва заметной улыбке.

– Она никогда и раньше громко не смеялась, – сказал он Хёгни. – А теперь Гудрун стала почти такой же, какой была всегда. Несмотря на свое горе, она не держит на нас зла в своем сердце.

– Не верь этому, – ответил его брат. – Она выжидает время для мести.

Гуннар рассмеялся, но вид сестры стал тревожить его. Когда прибыл гонец от короля Атли, решившего посвататься к ней, он с радостью дал свое согласие. Атли правил гуннами и жил далеко за морем. Его гонцы – невысокие, широкоплечие мужчины с желтыми лицами и черными раскосыми глазами. Их одежды необычные и роскошные, из богатых стран Востока – ярко-желтые, пурпурные, зеленые. На их шеях висели золотые цепи, пальцы украшали кольца, а на вышитых плащах сверкали жемчужины. Суровые мужчины с грубыми голосами были вооружены кинжалами. Они хорошо ели и пили, искусно танцевали под свои варварские мелодии.

Король Атли жил далеко, но дружба его ценилась высоко, а слава о нем летела широко

по всей земле. Подданные короля огнем и мечом завоевали множество королевств. Гуннар, который не был ни таким сильным, как Сигурд, ни таким неустанным воином, как Готторм, был рад породниться с таким могущественным человеком и стал настаивать, чтобы сестра приняла его предложение.

– Ты молода. Твоя жизнь далеко не закончена. Ты должна стать великой королевой, – сказал он Гудрун.

– Атли живет далеко, – с сомнением ответила она. – Среди этих диких людей я буду скучать по родственникам и по родной земле.

– Ты окажешь нам большую честь, если выйдешь за нашего друга Атли.

– Дай мне обещание, перед тем как я уеду. Когда пройдет несколько лет, я пришлю вам с Хёгни приглашение. Позволь мне еще раз увидеть ваши лица и показать свой дворец и своих детей. Тогда я буду знать, что вы видели, как мне живется. Значит, я не оторвана от вас.

– Это очень далеко, – заколебался Гуннар.

– Ну и что? Вы же мои братья. Теперь, когда Сигурд мертв, вы – все, что у меня осталось в жизни.

– Мы приедем, – согласился Гуннар, тронутый тем, что она заговорила с ним о Сигурде. – Мы всегда любили тебя, сестра, и обязательно увидимся еще раз.

Гудрун уткнулась лицом в плечо брата, и они несколько минут молчали.

Когда наконец она подняла голову, в ее глазах уже не было слез.

– Давай дадим наш ответ гонцам Атли, – сказала Гудрун.

В качестве приданого невесты королю были отправлены роскошные дары. Братья сопровождали Гудрун в дороге два дня.

– Помните! – прошептала она, прощаясь.

– Мы приедем, – заверил ее Гуннар.

Спустя много лет после отъезда Гудрун королевство Гуннара стало процветающим, а слава короля распространилась далеко. Однако в своем счастье он часто вспоминал о сестре и говорил Хёгни:

– Мы сидим в доме своих предков, и все по-прежнему течет своим чередом, а Гудрун, которая была такой молоденькой и нежной, стала королевой в дикой чужой стране. Выпей со мной за нашу сестру. Надеюсь, у нее все хорошо.

Далеко на Востоке король Атли сидел на богатом и шумном пиру. Люди кричали, пели и танцевали. Сам король восседал на золотом троне. Величественная Гудрун, сидевшая рядом с ним, слушала его речь:

– Нет в мире более могущественного короля, чем я. Ни у кого нет столько богатств и земель.

Жена повернулась к нему и ответила:

– О, мой король, ни у кого нет столько земли. Но мой брат Гуннар богаче тебя. И эти сокровища он украл у меня.

– Тогда они должны стать моими! – крикнул Атли.

– Скоро я приглашу Гуннара в гости, – сказала Гудрун. – Он согласится приехать. Ведь он мой брат и всегда любил меня.

– Мужья занимают место выше, чем братья, – засмеялся Атли.

– Верно, – согласилась его жена.

Наконец гунны снова приехали к Гуннару и привезли ему кольцо Андвари, как знак от Гудрун. От ее имени и от имени короля Атли они пригласили братьев нанести им визит. Приняв гонцов с королевским гостеприимством, в тот вечер Гуннар не дал им ответа. Когда гунны улеглись спать, он вышел с братом из замка. Светила полная луна, но Гуннар присел в тени деревьев. Король велел и брату сесть рядом.

– Что ты думаешь о просьбе сестры? – спросил Гуннар.

– Мне не нравятся эти гонцы, – тихо ответил Хёгни. – Они больше похожи на головорезов, чем на благородных людей. Такие обычно служат злодеям. Кроме того, я не

могу забыть то зло, которое мы причинили сестре.

– Я не доверяю Атли, – сказал его брат. – Но кольцо принадлежит Гудрун, которая при прощании обняла меня в знак примирения. Я обещал ей приехать в гости и не могу не сдержать слово из-за того, что мне не нравятся гонцы ее мужа.

– Я поеду с тобой, – заявил Хёгни, – но не думаю, что мы когда-нибудь вернемся.

– Если нам суждено погибнуть, мы сделаем это с честью, – ответил ему Гуннар. – Я не боюсь этого и позвал тебя сюда по другой причине. Кто станет охранять наши сокровища, пока нас не будет?

– Мы должны спрятать их.

– Да, и сегодня же вечером. Пошли, поможешь мне запрячь волов. Только тихо.

– Куда мы повезем наши богатства?

– К реке. Если их зарыть в землю, место будет заметно.

Колеса телеги слегка поскрипывали, но по мягкому дерну копыта волов ступали бесшумно. Гуннар привел телегу к месту, где река у берега образовывала глубокую запруду.

– Вода здесь все время мутная, – сказал он. – Тут можно спрятать десять таких возов с богатствами.

– Луна почти опустилась за горизонт, – заметил Хёгни. – Через час станет светло. Как мы успеем сгрузить все в воду и вернуться домой?

– Мы должны утопить все, – ответил Гуннар, начиная распрягать волов.

Братья освободили животных, столкнули воз под откос и увидели, как он с громким всплеском погрузился в темную воду.

– Это проклятое золото, – сказал Гуннар. – Без него у меня на сердце стало легче. Даже не знаю почему. Давай отправим туда же кольцо Гудрун, чтобы избавиться от золота целиком.

Он бросил блестящее кольцо в воду и услышал тихий всплеск.

– Река не смоет наши сокровища? – спросил Хёгни.

– К весеннему паводку мы либо вернемся, либо погибнем. К тому же и за много лет река не наберет столько сил, чтобы унести все это золото.

Гуннар был прав, но мелкие золотые крупички уже начали свой путь к далекому водопаду Андвари, откуда они и прибыли.

Роскошная кавалькада всадников с копьями во главе с Гуннаром отправилась в путь. Все молодые люди из окружения короля жаждали увидеть чужие земли. Пожилые же не доверяли гуннам и отправились в путешествие, чтобы охранять Гуннара. Кони были начищены, оружие сверкало, дорогие синие и красные одежды охватывали могучие торсы всадников. У многих на пальцах были перстни. Седла путников были раскрашены, а рукояти мечей украшали драгоценные камни. Жены и дети высыпали во двор, чтобы проводить мужчин. Старую Гримхильду вывели на солнечный свет две служанки.

– Я больше никогда не увижу своих сыновей, – заявила она.

– Мы вернемся еще до зимы, – ответил Гуннар, вскочив в седло.

– Может быть, – сказала женщина, – но я вас не увижу.

Три дня братья ехали к морю, а потом отправились в длительное плавание на своем корабле.

Путешественники сошли на берег и еще три дня скакали, чтобы добраться до границ королевства Атли. До столицы им предстояло еще преодолеть долгий путь. Братья ехали и восхищались чужой страной.

– Она огромна, – сказал Хёгни. – Это страна настоящих воинов. Если впереди нас ждут неприятности, вряд ли мы вернемся обратно.

Наконец вдаль показались стены города Атли. Путь к нему пролегал по долине, и ехали к нему еще полдня. У главных ворот путников никто не встретил. Не было видно даже обычной суеты горожан и торговцев. Люди Гуннара стали с подозрением поглядывать на своего короля. Впервые он выглядел встревоженным и то и дело переводил взгляд с одного места на другое, словно подыскивая удобный момент, чтобы скрыться. Но поскольку такого

момента не представилось, Гуннар был вынужден подъехать рядом с Хёгни к самим воротам города, которые были наглухо заперты.

– На стенах стоят люди! – крикнул один молодой человек. – Я вижу, как блестят их шлемы.

– Отлично, – с мрачным видом произнес Хёгни. – Они увидят, как умирают предатели.

Он вдруг повернулся к одному из гонцов Гудрун и мощным ударом сбил его с лошади. Меч разрубил шлем и голову несчастного до самых плеч. Гонец упал на землю, не издав ни единого звука. Хёгни повернулся к своим спутникам.

– Король Атли забыл о своих гостях, – громогласно объявил он. – Мы должны напомнить ему о себе. Давайте выбьем ворота.

С мощным ревом путники с топорами и мечами бросились на ворота, разбили их и ворвались на пустынные улицы города. Они поскакали вперед в поисках королевского дворца и вдруг оказались на широкой площади. Там гости остановились перед ожидавшими их рядами воинов. Обе стороны молча смотрели друг на друга.

– Значит, быть смерти, – произнес наконец Хёгни. – Брат, сегодня мы будем ужинать в Вальгалле, в великом замке Одина среди благородных мертвецов.

Гуннар потянул его за рукав.

– Смотри, где сестра встречает нас, – сказал он.

Гудрун стояла на ступенях дворца, глядя на братьев поверх шлемов бойцов Атли. Она постарела и пополнила, но гордая осанка сохранилась.

– Как она похожа на нашу мать, – удивился Гуннар. – Сестра никогда раньше так не выглядела.

– Наша мать поделилась с Гудрун секретами колдовства, – ответил Хёгни, – в надежде, что дочь вырастет доброй, с чистым сердцем. Если бы она видела Гудрун сейчас.

Он рассмеялся.

– Мы здесь, сестра! – крикнул Гуннар. – Я обещал навестить тебя, долго ждал этой встречи и сдержал слово.

– Я тоже ждала нашей встречи, – ответила Гудрун, – потому что тоже дала великое обещание. Я поклялась кольцом Андвари, что Сигурд не останется неотмщенным. Все эти годы я жила с дикарем и подчинила его своей воле рассказами о золоте, которое он может забрать у вас. Наконец великий день для меня настал. Это мой первый радостный день с тех пор, как умер Сигурд.

– Отойди в сторону, коварная сестрица! – крикнул Хёгни, поднимая топор. – Все эти воины не защитят тебя, если Нибелунги вступят в свою последнюю битву.

С громким криком он бросился на сомкнутые ряды бойцов, и его спутники последовали за ним.

Ряды огромного войска Атли были в смятении, потому что крайние солдаты не могли добраться до врагов и помочь своим товарищам в центре. Те, кто встретил первый удар, не побежали и были раздавлены конскими копытами. Вскоре Нибелунгам пришлось спешиться, поскольку их кони один за другим были убиты. Но даже тогда они продолжали рваться вперед. Первым шел Хёгни. Никто не мог устоять под ударами его топора. За ним мелькал окровавленный меч Гуннара. За братьями прорывались вперед оставшиеся в живых подданные. Кто-то получал ранения, кто-то падал, спотыкаясь о тела павших, но все равно группа приближалась к своей цели – ступеням дворца.

Наконец братья добрались до них, и могучий Хёгни первым вырвался из толпы. За ним выбрался Гуннар. Позади осталась гора трупов. Все ступени были залиты кровью. Люди Атли в ужасе отпрянули от массы тел. В момент этого короткого замешательства изможденные, израненные оставшиеся в живых Нибелунги примкнули к своему королю.

– Во дворец! – крикнул Хёгни. – В дверях мы сможем задержать их!

Он побежал вперед, и окровавленные воины ворвались в зал. Женщины, наблюдавшие за битвой, с криками разбежались по внутренним покоям. За ними побежали знатные вельможи. У одного из них на голове красовался золотой венец.

– Вот Атли! – воскликнул Гуннар. – По крайней мере, мы видели его бегство!

– Охранять внутренние двери! – скомандовал Хёгни. – Я встану у входа.

Его огромная фигура выросла на пороге. Топор Нибелунга поразил ближайшего противника. Долго не было слышно ни одного звука, кроме звона оружия, тяжелого дыхания обороняющихся и криков наступающих. Наконец Гуннар, оказавшийся возле брата, сказал:

– Наши люди один за другим гибнут у внутренних дверей. Скоро враги сметут их.

– Помоги им, – с трудом выдохнул Хёгни. – Я буду оборонять входную дверь один.

Вскоре наступила развязка. От внутренних дверей раздались торжествующие вопли, и гунны вбежали в зал, перепрыгивая через тела поверженных противников. В этот момент и самого Хёгни потеснили назад. Толпа воинов с площади ворвалась во дворец.

Когда люди слишком приблизились к огню в центре зала, раздались громкие крики. Шум на какое-то мгновение стал оглушительным, но скоро битва превратилась в отдельные схватки. В конце концов все Нибелунги были убиты, кроме двух братьев. Они были взяты в кольцо и не могли даже поднять рук, чтобы продолжать сражаться. Братья уже не могли сдерживать во много раз превосходящие силы врагов. Гуннар еще не был ранен, а Хёгни с головы до ног покрывала кровь.

Потом из зала очень долго выносили тела убитых и умирающих, отмывали следы крови. Рано утром Атли наконец сел на свой трон рядом с бледной королевой Гудрун.

Он находился в ужасном расположении духа, поскольку не ожидал такой жестокой схватки. Его маленькие мудрые глазки злобно глядели на связанного Гуннара, который стоял перед ним. А тот не отрываясь смотрел на сестру. Гудрун же с невозмутимым видом рассматривала стену.

– У мести плохой привкус, – сказал Гуннар.

Сестра не обратила на его слова никакого внимания.

– Ты в моей власти, – сказал раздраженный король, – а я мастер пыток. Говори, где твои сокровища. Мои руки достаточно длинны, чтобы дотянуться и взять их.

– Король Атли, – бесстрашно ответил Гуннар, глядя ему прямо в глаза, – я понимаю, что моя жизнь подошла к концу и мне больше не нужно богатство. И все-таки я поклялся своему брату Хёгни, что не выдам тайну, пока жив.

– Это легко исправить, – ответил Атли и приказал своим людям убить раненого Хёгни, который лежал в подземелье.

Все молча ждали, когда придет известие о том, что приказ выполнен. Ни Гуннар, ни Гудрун при этом известии даже не пошевелились.

– Итак, – произнес наконец Атли, – где твои сокровища?

– Об этом знали только два человека, – сказал Гуннар, – Хёгни и я. Моего брата ранили, и он был почти без сознания. Не знаю, что бы он сказал под пытками. Меня же не сломят никакие мучения, как бы ты ни старался. Попробуй, если желаешь, но сокровища никогда не станут твоими.

– Я верю тебе, – с уважением ответил король. – Пытки бесполезны, но не думай, что, обманув меня, ты умрешь легкой смертью. Возьмите его и бросьте в яму со змеями!

– Выполни мою последнюю просьбу, – твердо произнес Гуннар. – Я приехал сюда в гости и привез свою арфу, потому что она всегда нравилась моей сестре. Если ты найдешь инструмент рядом с моим убитым конем, дай мне его, чтобы я, умирая, мог петь.

Стража схватила Гуннара и бросила в яму со змеями. Люди Атли слышали, как он пел о богах, героях и обо всех прекрасных вещах на земле. Гуннар так хорошо играл, что все змеи были очарованы, кроме одной старой, глухой гадюки. Она зашипела и нанесла удар. Наконец песня стихла.

Король Атли пожал плечами и пошел отдыхать. Он прилег со своей бледной королевой, которая притворялась, что спит. Он почти не обратил на нее внимания, так как считал дело законченным. Атли не особенно ценил жизнь и не мог разделить воспоминаний своей жены о старом мудром короле, у которого была дочь – радость и гордость ее братьев. Он так и не услышал, как Гудрун встала и вонзила кинжал ему в самое сердце. Воины Атли

спали, когда королева заперла двери дворца и бросила под них горящие угли. Никто не видел, как Гудрун шла по городу, как она взошла на высокий утес над рекой и бросилась вниз. В суматохе, которая потом поднялась, никто не узнал, что она не погибла, а убежала, чтобы выйти замуж за другого короля и родить ему сыновей. К своему несчастью, Гудрун прожила долго и умерла озлобленной. Она стала причиной смерти многих.

Часть третья

Сказания о северных героях⁴

Фенья и Менья

В то время, когда цезарь Август правил в Риме, а герой Фроде, потомок Одина, был королем Дании, на земле царили спокойствие и порядок. Пастухи, жившие рядом с Вифлеемом, называли это ангельским миром, но в Европе и Азии этот период был известен как римский мир. Северные же народы называли его миром Фроде. Ни один человек намеренно не приносил зла другому, даже из мести за убитого в давние смутные годы отца или брата. Топор использовали только для того, чтобы рубить деревья, меч носили для красоты. По ночам двери оставались незапертыми. Лавки всегда были открыты. В королевстве Фроде хвалились, что у дороги можно повесить золотое кольцо, и никто не обратит на него внимания. Такими тихими и благополучными были те времена.

Случилось так, что в самом начале правления Фроде в одном местечке Дании обнаружили два огромных жернова. На них была вырезана надпись, которая гласила, будто ими можно молоть не только муку, но и все, что пожелает хозяин. Однако жернова были такими огромными, что никто не мог повернуть их. Тогда Фроде поехал в Швецию и купил там двух женщин-рабынь. Эти невольницы, Фенья и Менья, были очень крупными, и все думали, что в их жилах течет кровь древних великанов, живших на земле много веков назад и боровшихся с богами. Но Фроде это нисколько не беспокоило. Когда он покупал их в Швеции, женщины были скованы мощными цепями.

Король привез своих рабынь к жерновам и приказал им молоть.

– Что мы будем молоть? – спросили они.

– Золото, мир и счастье Фроде, – ответил король.

⁴ Два из этих сказаний взяты из поэмы VIII века «Беовульф», написанной на англосаксонском языке, который был языком народов, живших на территории Англии. Следовательно, это произведение особенно интересно людям, изучающим английскую литературу. Действие происходит в Дании, и поэма пересказывает старую легенду древних времен. Другие сказания появляются в «Истории Дании», написанной в XII веке. Ее первая часть включает в себя множество легенд о богах и героях. Все три сказания, взятые из «Истории Дании», достаточно известны, их часто упоминали – в «Эддах», в датских балладах и в сагах более поздних времен. (Примеч. авт.)

Могучие руки взялись за рукоятки, и камни с грохотом стали поворачиваться. Их скрип для Фроде звучал словно музыка. Когда бы он ни просыпался, эти звуки сразу успокаивали его и служили колыбельной. Грохот жерновов слышался ему за мычанием коров, зычными криками сборщиков урожая или песнями скальдов, и его сердце наполнялось радостью. Золото потоком плыло в королевство, урожай были богатыми, и повсюду царил мир.

– Позволь нам отдохнуть, – стонали Фенья и Менья. – Мы мелем уже давно и долго.

– Разве кукушка отдыхает весной, когда ее сердце полно радости? – спрашивал в ответ король. – Разве сам я отдыхаю? Разве я не счастлив весь день от активной жизни? Когда я устану или замолчит кукушка, тогда вы и отдохнете. Но до тех пор работайте.

– Тогда можно мы будем петь, чтобы облегчить наш труд?

– Пойте что хотите, – ответил Фроде.

Низкие, хриплые голоса убаюкали его в тот вечер. Когда луна скрылась за облаком, он не услышал, как ускорилось вращение жерновов и звучание песни изменилось. Фенья и Менья пели о борьбе своих родственников-великанов. Вместо мира они призывали боевые корабли, викингов, войну и огонь. Земля тряслась под женщинами, когда они посылали разруху на королевство Фроде и смерть на него самого, пока он спал. Часовые не проснулись, когда огромный корабль пристал к берегу. Злые викинги пришли на эту землю, чтобы убивать и грабить.

Фроде проснулся от ударов мечей и женских криков. Враги стали рваться в его покои. Король схватил свой меч, но тут же был повержен. Горящие своды дворца рухнули на его тело и погребли короля, как героя на костре. Фенья и Менья опустили руки и перестали петь.

Грабители носились по городу. Наконец несколько из них нашли рабынь и прочитали слова, вырезанные на жерновах.

– Это стоит всего королевства Фроде! – крикнули они и приказали великаншам нести жернова на берег.

Викинги посадили своих пленниц на корме своего корабля и отчалили. Фенья протянула огромную руку и дотронулась до плеча капитана.

– Что я должна перемолоть, хозяин? – спросила она.

– Соль, – быстро ответил викинг. – Мы зарубили целое стадо скота и теперь должны посолить мясо. Намели мне побольше соли.

Женщины взялись за жернова, а мужчины налегли на весла. Ветер пел в парусах, скрипели реи, волны бились о борт корабля. Но над всеми этими звуками царил грохот жерновов. Тонкая струйка соли стекала на палубу.

Постепенно ветер превратился в легкий бриз, и на небе появились звезды. Мужчины устали грести и легли спать. Фенья наклонилась над спящим капитаном:

– Хозяин, тебе достаточно соли? Позволь нам отдохнуть.

Капитан проснулся, страшно испугался, а потом разозлился.

– Убери руку с моего плеча! – крикнул он. – Возвращайся к своим жерновам.

Скрип жерновов усыпил его.

Экипаж спал под их песню. Даже кормчий стал клевать носом, и, пока луна двигалась по небу, куча соли становилась все больше и больше. Наконец с первыми лучами рассвета вода хлынула через борт перегруженного корабля. Через несколько мгновений он исчез в волнах, а жернова все вращались и вращались. С тех пор Фенья и Менья сидят на дне морском и мелют соль.

Бесконечная битва

Когда-то в Дании правил король, который значительно расширил границы своей страны. Так велика была его слава, что монархи всех северных стран стали служить ему. Среди них были Хёгни, король ютов, и Хедин, правитель племени норвежцев. Хёгни был пожилым седовласым человеком, участником сотен битв. Хедин, наоборот, был молод, полон энергии и силен духом. Внешне он выглядел таким легким и худым, что многие с

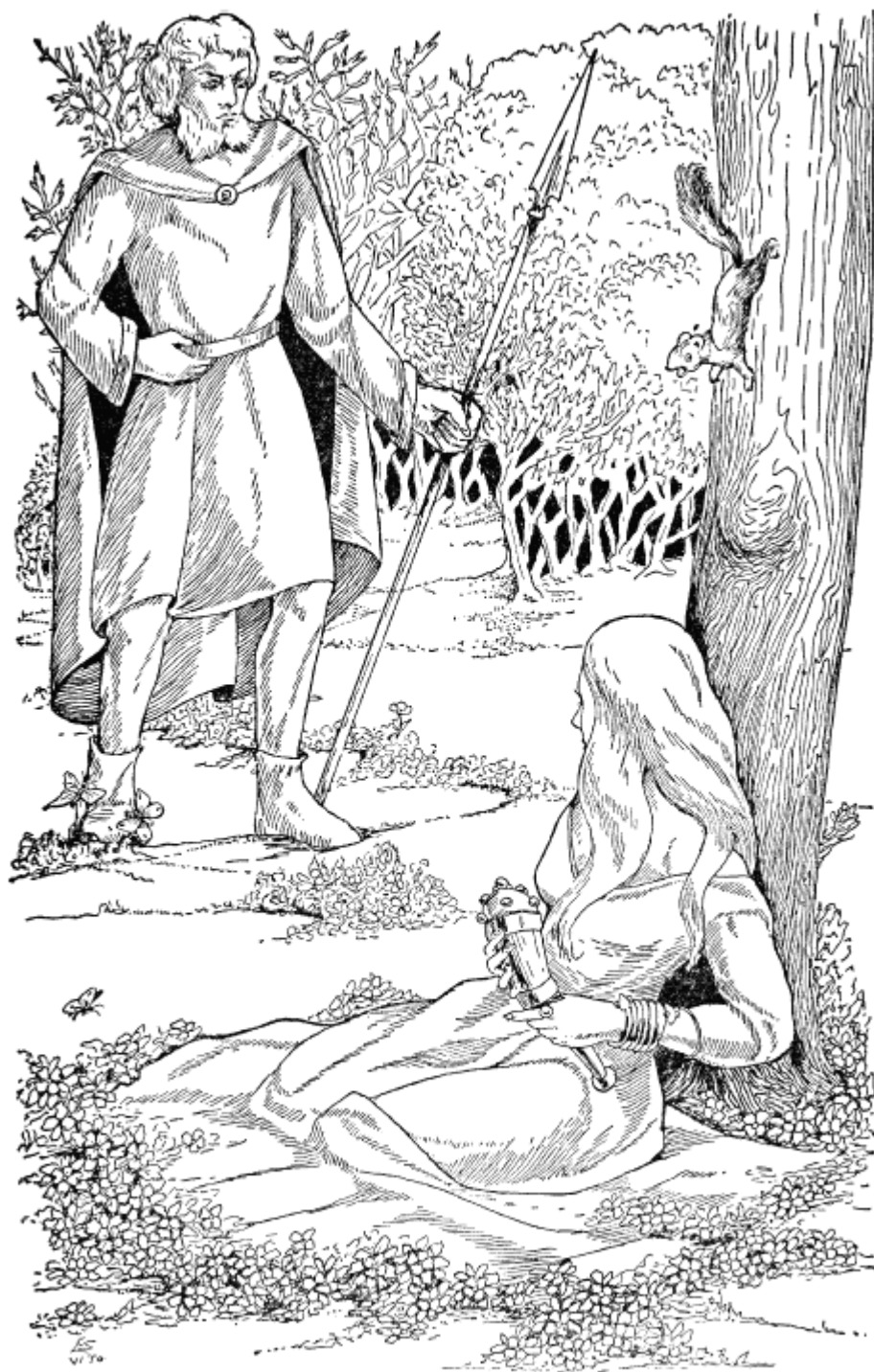
трудом могли поверить в то, что слышали о его славе. У Хёгни не было сына, поэтому он сильно привязался к молодому человеку и пригласил его в Ютландию, перезимовать.

Хедин приехал и тут же влюбился в Хильд, единственную дочь короля. Сердце Хёгни наполнилось радостью от того, что два его любимых человека могут пожениться и стать его наследниками. В то же время он вынашивал планы новых военных кампаний, поскольку его подданные любили пограбить и повоевать. Хёгни начал строить огромный боевой корабль, в котором могли уместиться три сотни воинов. Его борта были красными, а вырезанный на носу дракон сверкал так, словно был сделан из чистого золота. Но ранней весной, когда пришла пора приступать к выполнению планов, король получил известие о нападении на отдаленную часть его владений. Чтобы наказать грабителей, Хёгни отправился туда, а Хедин остался. Он готовился отправиться в Норвегию, чтобы собрать для военных действий своих людей.

Случилось так, что через несколько дней на охоте Хедин заблудился в лесу. Увидев впереди, за поредевшими деревьями, просвет, он направился туда.

На опушке леса рос густой кустарник. Пробравшись сквозь него, Хедин оказался на покрытой цветами поляне. Их было так много, что он не мог понять, росла ли здесь трава. В центре стояло огромное дерево. На нем уже были маленькие листочки, поэтому свет, пробивавшийся сквозь них, оставлял кружевной рисунок на сидевшей под ветвями женщине.

Она казалась высокой и ослепительно красивой. На ней было голубое платье, подол которого украшали искусно вышитые желтые примулы. Трудно было даже понять, где кончались цветы и начиналось чудесное одеяние. По плечам женщины струились золотистые волосы. В прекрасных белых руках она держала резной рог. Женщина подняла его и протянула Хедину. Он увидел, что сосуд был украшен золотыми ободками, а на крышке блестели красные камни.

– Подойди сюда, Хедин, – сказала женщина. – Сядь рядом со мной и выпей из моего рога. Ведь ты устал после охоты.

Темноволосую Хильд, дочь Хёгни, называли прекрасной девой, не много было принцесс красивее ее. Но очарование этой странной женщины наполнило душу Хедина так, что он едва осознавал, кто он и где находится. Хедин был одурманен ароматом цветов. Направляясь к ней, чтобы взять рог, он не спускал с нее глаз.

Напиток оказался странным, крепким, бежал по венам, словно огонь. Мозг Хедина прояснился. Он вспомнил свое имя и то, что наступил военный сезон. Хедин молча смотрел на женщину. Она взяла рог и сказала своим серебристым голосом:

– Хедин, почему у тебя нет гордости? Разве ты не должен быть первым среди викингов? Ты моложе и энергичнее Хёгни. Ты должен стать более великим, чем он.

– Я часто соревновался с ним! – крикнул Хедин. – В плавании, в упражнениях с мечом,

в стрельбе из лука, во всех боевых искусствах. Мы всегда были равны. Но Хёгни ни разу не победил меня.

– Но он считает себя первым, – возразила женщина, – поскольку старше, богаче и женат на великой принцессе.

– Я тоже женюсь на принцессе и получу в наследство королевство.

– Это так, – с сомнением произнесла незнакомка. – Ты попросишь руки его дочери, и, если ему будет приятно видеть тебя своим зятем, он согласится.

– Это будет большая честь для Хёгни, – с достоинством сказал Хедин. – Он рад отдать ее за меня.

– Да, это будет честь для него, но зачем тебе оказывать ему ее? Если человеку суждено быть величайшим из викингов, он должен пользоваться уважением.

– Я возьму девушку, никого не спрашивая, – вдруг произнес Хедин, вскочив на ноги.

– Тогда вы снова будете равны, – спокойно согласилась женщина. – Хёгни тоже женат на принцессе. Но его боевой корабль больше и прекраснее твоего.

– Я немного уменьшу его величие! – крикнул Хедин, похлопав по своему мечу.

– Да будет так, – сказала незнакомка, встала и улыбнулась. – Сейчас ты пьян от великих мыслей, и за ними должны последовать энергичные действия. Потом вернись ко мне еще раз, потому что слава – это дар моего рога.

Она снова подняла сосуд, и камни на его крышке засветились странным светом. Ослепленный Хедин закрыл глаза, а когда открыл их снова, женщина исчезла. Кружева света и тени лежали, словно сеть, на цветущей, как подол ее небесно-голубого платья, поляне.

Пока Хедин охотился, Хильд сидела в своих покоях за центральным залом. Здесь она привыкла вязать вместе со своими служанками вдалеке от шума и смеха многочисленной прислуги. Если ее отца не было дома, Хильд редко выходила в зал. Когда Хедин вернулся, она сидела за работой и ничего не знала о его странной встрече. Он сразу пошел к своим воинам, приказал им взять топоры, мечи и напасть на стариков и слуг, которых Хёгни оставил для домашней работы.

Спустя несколько минут люди Хедина уже мчались к залу и находившимся позади него складам, которые хотели ограбить. Их приглушенные крики и бряцание оружия донеслись до женщин. Вдруг вопли зазвучали уже со двора. В окна стал просачиваться дым от горящих построек. Девушки в ужасе вскочили на ноги.

– Сядьте, – спокойно сказала принцесса. – Какой-то разбойник, услышавший о том, что мой отец уехал, мог напасть, посчитав нас беззащитными. Но Хедин на нашей стороне и обязательно прогонит их. Только не выходите на открытое место, пока не придут наши защитники.

Она снова вернулась к работе, но девушки подбежали к окнам, в ужасе глядя на встающих на дыбы лошадей, бегущих женщин и сражающихся вдалеке воинов, едва различимых за клубами дыма.

Вдруг дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появился Хедин. При виде его девушки громко закричали, потому что его меч и правая рука были в крови. Он повернулся к принцессе, которая вскочила с кресла, чтобы приветствовать его, и слова замерли у нее на губах. Ее глаза встретились с невидящим взглядом Хедина.

– Корабль Хёгни мой, – коротко произнес он. – И я беру тебя как военный трофей.

– Но кто напал на нас? – спокойно спросила Хильд. – Мы должны бежать? Силы врагов намного превосходят наши? А где моя мать? Ты должен знать, я без нее никуда не поеду.

Хедин громко рассмеялся и схватил принцессу за запястье.

– Здесь нет ни одного напавшего, кроме меня! – воскликнул он. – Я хочу взять тебя в жены. Никто не может мне помешать. И я буду грабить столько, сколько мне нравится.

– Но мой отец добр к тебе, – сказала ошеломленная Хильд, – моя мать тоже добра к тебе. И ты знаешь, что я люблю тебя. Зачем эта война?

– Только для того, чтобы показать, что я настоящий викинг и беру все, никого не спрашивая. – Хедин потянул девушку к себе.

– Посмотри мне в глаза! – крикнула она.

Хедин посмотрел на нее, словно разъяренный бык.

– Что с тобой случилось? – спросила Хильд. – Ты словно во сне. Кто вбил тебе в голову эти мысли?

– Королева красоты, – тихо ответил он. – Она сидела в лесу... – Его голос оборвался.

– Я пойду с тобой, – мягко произнесла Хильд, – но умоляю тебя, отгони прочь от себя это колдовство, иначе оно породит зло. Потом я примирю тебя с моим отцом, но сейчас позволь мне попроситься с матерью.

Хедин рассмеялся.

– С матерью! – произнес он и поднял свой окровавленный меч.

– Где она? – с тревогой спросила девушка, побледнев, словно лен, который она скручивала.

– На песке возле огромного корабля, – беззаботно ответил Хедин.

Хильд отпрянула от него. У нее перехватило дыхание.

– Теперь я точно знаю, что ты заколдован, – сказала она наконец, – и поэтому не виню тебя. Но знай, что страшная месть ждет тебя за это убийство.

– Я ничего не боюсь! – крикнул Хедин.

Он отвез свой трофей на корабль, и его люди взошли на палубу вслед за ним, нагруженные награбленными драгоценностями, золотом и серебром. Хёгни привез свое богатство из многочисленных походов, а теперь Хедин ограбил его.

– Загрузите корабль и отчаливайте, – приказал он. – Женщины и дети разбежались, но они долго не найдут помощи. И можете отдыхать здесь до утра, а я пока съезжу в лес. Там у меня дело.

Цветочная поляна была очень бледной в лунном свете, но та, которая сидела в ее центре, светилась, как живая звезда. Ее волосы горели, словно факел, а камень на крышке ее рога блистали странным красным огнем.

– На твоём мече кровь! – с триумфом крикнула женщина. – Чья она?

– Королевы.

– Хорошо. – Она улыбнулась, глядя Хедину в глаза. – Сядь и выпей, чтобы я смогла сказать тебе, что делать дальше.

На этот раз напиток оказался сладким. Кровь ударила Хедину в голову, когда он хотел в ответ улыбнуться женщине. Она молчала и смотрела на него. Голова Хедина опускалась все ниже и ниже, пока совсем не легла ей на колени. Казалось, он уснул, но его глаза оставались открытыми, и он по-прежнему видел женщину.

Она осторожно приподняла голову Хедина, взяла его меч и замахнулась. Луна светила за ее спиной. Теперь женщина казалась огромной и черной, словно тень. Черными казались и пятна на мече.

– Сила любви может усохнуть, – мягко произнесла она, – но я наложу заклятие неумирающей ненависти. Кровью на твоём мече я подчиню тебя и твоих воинов моей власти. Плыви на север к маленькому острову, вокруг которого над морем низко висит туман. Там ты встретишь судьбу, которую приготовили для тебя Норны, и мое заклятие будет держать тебя в рабстве до тех пор, пока не разделятся твой душа и тело.

Хедин проснулся с первыми лучами утреннего света. Ужасная тяжесть была на его сердце. Сначала он никак не мог понять, откуда она, потом события вчерашнего дня встали перед его глазами: пленение Хильд, ограбление сокровищниц Хёгни, убийство королевы. Ужасное возвращение он приготовил своему другу. Мысль о стремительном бегстве от мести Хёгни пришла ему в голову. Он приказал своим людям занять места за веслами, грести изо всех сил и плыть на север.

В тот самый день, когда Хедин отправился в плавание, Хёгни вернулся домой и увидел страшную картину. Его корабль был украден, дом ограблен и сожжен, дочь увезена, а труп жены лежал на берегу. В один день он потерял все, что ценил и берег.

Хёгни был отличным другом, но страшным врагом. Ни слова не говоря он собрал свои

корабли и людей. На следующее утро Хёгни отправился в погоню и к ночи причалил к берегу в бухте, где вчера останавливались его враги. Воины завернулись в свои плащи и легли спать, но король всю ночь просидел среди песчаных дюн, поглаживая меч. На следующее утро его когда-то светлое лицо посерело и осунулось, но никто не посмел сказать ему об этом. Они отчалили от берега, поставили паруса и гребли весь день, но не догнали Хедина. К вечеру корабли Хёгни причалили в том месте, где до него останавливался враг.

Так продолжалось много дней. Корабли удалялись на север.

Хедин каждую ночь ложился с Хильд, но не засыпал ни на минуту. Казалось, у него не было других мыслей, кроме бегства на север, словно он хотел добраться до края света.

Наконец пришел день, когда задули встречные ветры, и, несмотря на все усилия, люди Хедина не смогли продвинуться дальше. Корабль плыл вдоль скалистого берега мимо полуостровов и островов. Потом местность изменилась. Иногда люди вообще не видели берега.

Хедин все время вглядывался в даль. Однажды в полдень показались паруса преследователей.

Берег скрывал туман, и только голый остров едва виднелся впереди. Он казался скалистым, но надежда на бухту была. И действительно, вскоре люди Хедина ее увидели.

– Гребите туда, – приказал Хедин. – Мы больше не можем бороться.

Корабль причалил к берегу. Паруса преследователей были уже так близко, что на палубе можно было различить людей.

– Они обойдут остров, – сказал один из воинов Хедина, – и могут найти другую бухту. Может, нам выставить часовых, пока совсем не стемнело?

– Пусть высаживаются, – тихо ответил Хедин. – Эта погоня должна когда-нибудь закончиться. Увидев эту бухту, я сразу понял, что мы с Хёгни встретимся здесь. Отдыхайте. Я буду стоять на часах. Завтра нам предстоит бой.

Когда на землю спустилась темнота, люди завернулись в плащи и легли. Густой туман покрыл их. Хедин сел у скалы. Хильд опустилась рядом и оперлась о его плечо.

– Позволь мне завтра пойти к отцу, – тихо проговорила она. – Хватит войн. Дай мне предложить ему вернуть твою добычу и сокровища. Ради меня он должен отказаться от мести, поскольку ни твоя, ни его смерть не вернут мою мать. Я скажу, что лесная женщина заколдовала тебя и теперь ты сделаешь все, чтобы искупить свою вину.

– Иди, если хочешь, – ответил Хедин, – но я скажу тебе, что час мести близок. В центре острова есть маленькая долина. Она станет полем битвы. На склоне стоит рощица, где ты будешь сидеть и наблюдать за нашей схваткой. Я еще не знаю, чем она закончится, но на моем сердце лежит огромная тяжесть.

– Ты знаешь этот остров? – удивленно спросила Хильд.

– Я видел его однажды во сне, – ответил Хедин и умолк. Они с Хильд сидели в темноте.

Поднялся небольшой ветер, и наступило серое утро. Когда туман стал рассеиваться, Хильд встала, чтобы пойти к своему отцу. Ветер стонал в рощице, которую Хедин описывал ей, и шевелил траву в долине. Ее пучки оставались коричневыми и мертвыми, хотя наступила ранняя весна. В небе хрипло кричали чайки. Волны бились о скалы.

– Я хорошо знаю это место, – с удивлением сказала себе Хильд и содрогнулась. Тем не менее она прошла долину и нашла другой берег, где были причалены корабли ее отца. Люди еще спали, но Хёгни сидел у скалы, положив меч на колени. Несмотря на все просьбы дочери, он остался твердым как камень.

– Я обращался с ним как со своим сыном, – сказал Хёгни, – и он должен был принять мое королевство. Все мои богатства могли стать его, а он меня ограбил.

– Разве его смерть вернет мать? – крикнула Хильд. – Его заколдовали, но теперь он свободен и сожалеет о содеянном.

– Какая польза мне от его раскаяния? – спросил Хёгни. – Никакое раскаяние не может оправдать его. Только моя месть искупит то зло, что он совершил.

Земля в маленькой рощице была усыпана мягкими сосновыми иголками. В тот день

Хильд села на возвышенность и стала наблюдать за схваткой. Мужчины бились весь день. Звон оружия, яростные крики, стоны умирающих эхом отражались от низких туч. Каждая капля крови пугала принцессу. В своем страхе она не была ни на чьей стороне и только смотрела не отводя глаз на падающих под ударами людей. Ее дыхание всякий раз перехватывало, когда погибал кто-то из родственников или друзей.

Хёгни носился по полю битвы в поисках Хедина. Много раз они встречались, и к концу дня оба были покрыты кровью, но ряды сражающихся всякий раз разделяли их до того, как кто-то успевал нанести решающий удар.

Наконец солнце опустилось. Только маленькая группа оставшихся в живых в поту и крови сражалась. Хильд крикнула, чтобы люди прекратили битву, но уши бойцов были оглушены звоном мечей, а глаза обезумели от вида крови. В последний раз Хёгни и Хедин встретились в центре поля сражения. Страшный крик сорвался с губ оскорбленного отца, когда он замахнулся, чтобы нанести смертельный удар. Ловкий, как кошка, Хедин бросился вперед и нанес укол лезвием меча. Удар Хёгни расколол его шлем. Лезвие разрубило голову до самых плеч, но меч Хедина пронзил кольчугу противника и прошел насквозь. Солнце село, когда Хильд выбежала на поле битвы, на котором уже не осталось ни одного воина, который стоял бы на ногах.

Принцесса пошла к ручью. Всю ночь она носила воду и смывала кровь с мертвых, перевязывала умирающих. Каждая рана залечивалась и исчезала, словно ее и не было, когда она прикасалась к ней, но воины продолжали биться в агонии. Мертвые отец и муж Хильд все еще смотрели в небо остановившимися глазами.

Наконец наступил серый рассвет. Солнце осветило поверженных воинов и коричневую траву, и вдруг все зашевелилось. Поднимались живые и мертвые. Жажущий битвы Хедин вскочил на ноги, Хёгни поднял свой огромный сверкающий меч. Хильд в отчаянии закричала на них, но ветер отнес ее слова прочь. Принцесса вернулась на свое место под соснами и весь день смотрела и плакала, пока мужчины орошали землю своей кровью.

Наступила ночь. Хёгни и Хедин снова поразили друг друга. Хильд всю ночь омывала их раны, а наутро они снова вступили в бой.

Шли годы. Сменялись поколения. Днем остров скрывал туман, и никто не осмеливался пристать к нему. Говорили, что его населяют странные обитатели. Крики чаек, летающих вдоль побережья этого острова, похожи были на стоны умирающих людей. Никто не мог сказать с уверенностью, слышал ли он гул прибой или отдаленный шум битвы. Вечерами туман поднимался, и застигнутые темнотой моряки бросали якорь вдали от берега, на котором давно исчезли останки сгнивших судов. Часто на берегу оставляли часовых, но всегда тот, кто оставался ночью один, к утру исчезал. Причалить здесь осмеливался только корабль, оказавшийся совсем в бедственном положении.

Прошло сто лет, и призраки Хёгни и Хедина были забыты. Пришли времена короля Олафа, который принес христианскую веру в северные земли. Однажды его корабли встали на якоря около того острова. Король выставил часового по имени Ивар, который взял меч, надел доспехи и поднялся на утес.

Была тихая, темная ночь, поскольку месяц еще только родился. Ивар заметил какое-то движение и выхватил свой меч, хотя думал, что это была всего лишь овца. Но через некоторое время странная фигура приблизилась, и он увидел юношу, окровавленного, одетого в древние доспехи.

– Спаси нас! – сказал незнакомец Ивару жалобным голосом. – Я думаю, ты крещеный человек.

– Да, я христианин, – ответил Ивар, – потому что служу королю Олафу. Кто ты и как я спасу тебя? Это ты убивал часовых, которых время от времени оставляли здесь?

– Нет, это предводитель ютов Хёгни, – ответил воин. – Он сошел с ума от жажды войны. Я – Хедин, укравший его дочь. И вот уже сто сорок три года мы воюем за нее. Каждую ночь мы умираем, а Хильд, наблюдающая за нашей битвой, лечит нас. Когда мои раны затягиваются, я лежу в лунном свете или хожу по острову и вижу много вещей,

скрытых от живых людей, потому что я мертв уже больше ста лет. Только христианин может освободить наши души от тел и спасти от заклятия, наложенного на нас богами севера.

– Я с радостью освобожу вас, – сказал Ивар. – Но я не волшебник.

– Пойдем со мной на битву, которая начнется с восходом солнца. Каждый пораженный тобой человек останется мертвым навсегда. Запомни только одно: поразить Хёгни ты должен со спины. Его глаза столь ужасны, что ни один смертный не может взглянуть в них. Порази его в спину, а потом убей и меня.

Так сказал Хедин и привел Ивара на поле битвы. Теперь, когда солнце встало, призраки с криками бросились в бой. Ивар смотрел на них и видел, как темноволосая Хильд плакала и заламывала руки в сосновой рощице. Затем он достал свой меч и вступил в битву. Ивар был отличным воином, но в тот день ему понадобились все его силы, поскольку воины бросались на него и друг на друга с невероятной яростью. В конце концов они обессилели, и Ивар поразил их. Осталась только одинокая фигура Хёгни. Ивар не смел приблизиться к нему, пока не увидел, что снова встретился в тумане с Хедином. Пока враги сражались, Ивар поразил Хёгни в спину. Тот упал. Его латы зазвенели. Хедин опустил свой меч. Ивар бросился к нему и почти снес голову с его плеч. Битва закончилась.

Ивар убрал свой окровавленный меч и повернулся к сосновой роще, ища взглядом Хильд, но, когда он подошел, принцесса исчезла. Тогда Ивар вернулся на поле битвы, но оно опустело. Осталась только груда ржавых доспехов, поросших травой. Он посмотрел на свой меч. Кровь на нем была еще свежей, и с одним этим свидетелем Ивар отправился к кораблям короля Олафа, чтобы рассказать свою историю.

Песнь о Беовульфе

Земли короля данов Хротгара лежали на краю бесплодной местности, где среди обдуваемых ветром горных гребней эхом носились волчий вой, вой ветра и шум прибоя. Не многие жили в этой отдаленной стране. Здесь обитали только охотники и пастухи. Иногда заглядывали искатели приключений, многие из которых никогда не возвращались назад. Здесь жил чудовищный Грендель. Он охотился на зверей и людей. Немногие видели, как он проходит в лунном свете с плетущейся за ним по пятам старой ведьмой. Они рассказывали о его огромной, неповоротливой фигуре, пальцах с железными когтями и выпученных глазах.

Золотым солнцем на прибрежной равнине сиял дворец Хротгара. Его высокая крыша для многих служила маяком в бухте. К дверям вела дорога, вымощенная разноцветными камнями. Золото блестело на длинных столах и висевших на стенах щитах. В очаге горел целый ствол дерева. Дым от него поднимался вверх, к отверстию в крыше, мимо ярко раскрашенных, но уже закопченных балок. Повсюду стояли приготовленные для пиров огромные бочки с элем. Зажигали факелы, и сама королева подносила рога с напитком знатным особам. В зале раздавались крики, смех, или же в тишине скальд пел о каком-нибудь герое, таком, как Вёльсунг Сигмунд, получившем от Одина меч в подарок.

Однажды вечером Грендель стоял на небольшом холме у подножия гор, смотрел на огни в долине и прислушивался к отдаленным звукам королевского пира. Яростная ненависть отразилась в горящих глазах чудовища. Он ждал, когда шум стихнет и погаснут огни. Тогда Грендель пробрался бы по пастбищам, вспаханым полям, мимо лавок к вымощенной дороге и ударил бы своим могучим плечом в окованную металлом дверь дворца. Он выбил бы ее и напал на спящих, как дикий медведь, как часто делал раньше. Грендель в нетерпении переминался с ноги на ногу. Луны на небе не было.

Пир во дворце Хротгара в тот вечер продолжался долго, поскольку к королю приехали гости из Швеции. Беовульф, предводитель гаутов, поклялся уничтожить ужасное чудовище, которое каждый вечер норовило разрушить дворец Хротгара. Его корабль в тот день причалил в гавани, и сейчас Беовульф сидел на почетном месте, и сама королева поднесла ему рог с элем.

– Добро пожаловать, отважный гость, – сказала она. – Великое дело ты намереваешься

сделать. Никто из наших мужчин не может победить чудовище, которое преследует нас так, что смерть спит в нашем дворце.

– Ни один меч не может поразить Гренделя, – согласился Хротгар. – Ни одни доспехи не защитят от его железных когтей. Он намного выше любого человека и сильнее троих. В Дании нет героя, который избавил бы нас от этого страшного демона.

Когда Беовульф поднял рог, свет блеснул на его кольчуге. Он запрокинул свою рыжую голову, выпил, затем положил рог и улыбнулся хозяину:

– Если оружие мне не поможет, я одолею это чудовище голыми руками или погибну.

Старый Хротгар посмотрел на крепкого молодого человека, удивляясь его отваге, и сказал:

– Многие клялись за элем, что убьют Гренделя. Наша земля полита их кровью, а сейчас мне кажется, что в Дании нет героев, равных им. Я стар и повидал много битв на своем веку и не отговариваю тебя, потому что считаю одним из самых сильных людей, которых когда-либо встречал.

Король Хротгар выпил за своего гостя, и его люди стали биться об заклад с подданными Беовульфа. Красный огонь плясал, отражаясь в шлемах, на лицах воинов и на рядах щитов, висевших у дверей, на длинных копьях. Слуги поднесли к столам свежий эль. Разговоры и смех не утихали. Было уже очень поздно, когда король утомился и наконец поднялся.

– Пожелаю вам спокойной ночи, гости, – сказал он. – Я уже стар, но мне служат великие воины. Даю слово, что никто не будет охранять мой дворец, кроме них.

Беовульф снял меч и доспехи. И без них его спина и руки выглядели великанскими.

– Постелите моим людям постели! – крикнул он слугам. – Они будут ждать чудовище не расставаясь с оружием, но я встречу его голыми руками.

Слуги принесли одеяла, и люди Беовульфа положили щиты себе под головы, шлемы на скамьи, а копья прислонили к стенам. Факелы погасли, и вскоре в зале слышалось только тяжелое дыхание спящих.

Чудовище зашевелилось, увидев, что погасли огни в долине. Покачивающейся походкой, словно медведь на задних лапах, Грендель вышел из чащи на пастбище.

Беовульф не спал и прислушивался. То и дело поскрипывали доски, потрескивали остывающие угли, ветер шуршал коврами. Снаружи не доносилось ни звука.

Вдруг страшный удар выбил входную дверь, и на пороге появилась мохнатая фигура, полностью заполнившая собой проход. Несколько мгновений Грендель оглядывал зал, который освещали только красные угольки. Затем с ужасным рыком он так стремительно бросился на одного человека, что тот лишь успел закричать. Затем послышался треск, словно что-то разорвали. Беовульф не двигался со своего места, поскольку человек умер мгновенно. Остальные лежали тихо, ожидая команды своего предводителя.

Грендель бросил свою добычу и снова замер, оглядывая зал. Беовульф пошевелился. Чудовище заметило движение и бросилось вперед, чтобы упасть на героя и железными когтями добраться до его горла.

Беовульф поднялся на одно колено, вытянул руки, схватил мохнатую лапу и сильно дернул ее вверх. Со страшным грохотом Грендель упал и ударился головой об пол. Герой вскочил ему на спину, все еще прижимая его вывернутую лапу. Грендель попытался вырваться, и одна скамья взлетела в воздух. Он вскочил и попятился, чтобы расплющить противника о колонну. Беовульф, в свою очередь, нанес удар, и демон врезался в стену. Заскрипели доски, щиты посыпались на пол. Висевший на стене меч упал Гренделю на спину и отскочил от его металлической шкуры, как от кольчуги. С ревом чудовище упало на пол и стало кататься, чтобы раздавить врага, но Беовульф только крепче вцепился в него, и они покатались, сбивая столы. Со стен срывались щиты, но в зале было так темно и борьба шла такая ожесточенная, что никто из людей не посмел бы нанести удар, опасаясь ранить героя.

Наконец сражающиеся откатились к очагу, и щекой Грендель коснулся раскаленных углей. С ужасным воплем он вскочил и сбросил врага со своей спины, хотя лапу освободить ему не удалось. Теперь его когти могли добраться до врага, но он был потрясен болью от ожога и напуган мощной хваткой Беовульфа. Грендель теперь думал только о побеге.

Он стал рваться к выходу. Беовульф уперся ногой в косяк двери и держал чудовище, которое изо всех сил старалось выбраться на волю. Наконец герой резко дернул лапу. Раздался громкий хлопок и вопль чудовища. Беовульф потянул лапу на себя и тянул ее до тех пор, пока не оторвал. Грендель с ревом умчался в ночь, а герой отлетел назад, прижимая к груди свой трофей.

Когда утром встало солнце, кровавые следы виднелись там, где бежал ночью Грендель. Всадники поскакали по ним и увидели, что следы уходят далеко в горы. Хротгар приказал привести все в порядок и повесить новую дверь. Лапу чудовища прикрепили над входом, и охотники громкими криками славили Беовульфа.

Грандиозный пир был в тот вечер во дворце Хротгара. Герою король подарил коней, седло, украшенное драгоценными камнями, шлем и латы, покрытые золотом. Затем пришла королева, чтобы предложить герою эль и свои дары – длинную кольчугу и блестящую цепь, украшенную драгоценностями. Мужчины пили за здоровье Беовульфа и его людей. Король одарил их золотыми кольцами. Скальд пел про героев прошлого, а когда он умолк, сидевший рядом с ним крикнул:

– Спой нам завтра песнь о подвиге Беовульфа. Его деяние мы должны помнить, пока стоит этот дворец.

Вечер перешел в ночь. Хротгар направился в свои покои, а его люди улеглись прямо на полу. Сон одолел их, а в это время старая колдунья, мать Гренделя, сидела в своем логове возле трупа сына. Наконец она поднялась, отправилась через горы на пастбища и подошла к темному дворцу.

Дверь еще не успели оковать железом. Часовой после пира сладко спал. В зале царил сон. Когда колдунья ворвалась в дом, мужчины потянулись за своим оружием, но спросонья они были тяжелыми. Остановить старуху воины не успели, и она, схватив ближайшего к себе, задушила его и, взвалив на спину, в одно мгновение исчезла. Злорадно хихикая, колдунья вернулась к себе на болото, в то время как мужчины во дворце громко требовали принести факелы и в панике от внезапного нападения шарахались от каждой тени.

Утром лицо короля Хротгара почернело от горя. Погибший был его самым доверенным советником и ближайшим другом.

– Это было не могучее чудовище, – сказал один из его воинов. – Это была колдунья, которую люди видели, когда она ходила по пятам за Гренделем. Я сам видел ее с добычей на спине. Ей больше не удастся застать нас врасплох, и она не такая сильная, как Грендель. Не похоже, чтобы старуха отважилась еще на одно нападение.

– Это не очень успокаивает меня, – мрачно проговорил Хротгар. – Если она вернется, мы хотя бы сможем отомстить ей за моего верного воина и друга. Но кто сможет выманить ее и убить? Это недоступно для смертного.

– Где ее логовище? – спросил Беовульф.

– В центре горного хребта есть темная долина с глубоким черным озером. Иней там никогда не тает на деревьях, на их ветвях не поют птицы, и не слышно ничего, кроме воя ветра. Охотники говорят, что загнанный олень скорее остановится, чтобы встретиться с собаками, чем побежит в эту долину. Похожие на змей чудовищные морские драконы выбираются из воды на скалы или лежат, свернувшись кольцами, на глубине, поджидая добычу. По ночам огонь поблескивает на дне черного озера. Там живут чудовища.

– Там, где может дышать огонь, смогу дышать и я! – крикнул Беовульф. – Я не боюсь морских драконов. Покажите мне это озеро, и я отправлюсь в это рискованное путешествие.

Огромного коня привели Хротгару, а его воины надели на него доспехи, и он поскакал вместе с Беовульфом. Ехали они по горной местности, по крутым склонам, ориентируясь по пятнам крови Гренделя и следам его матери-колдуни.

В озере, возле которого остановились всадники, вода бурлила и кипела. Чудища, жившие в нем, почуяв запах крови, отчаянно крутились в водоворотах, хлестали по поверхности мордами и хвостами.

Беовульф был в доспехах, в шлеме. На боку у него висел большой меч.

– Если я погибну, – сказал он Хротгару, – отошли подаренные тобой сокровища в страну гаутов с моими людьми. Пусть расскажут моему родственнику-королю о моей славе.

Хротгар не успел ничего ответить, как Беовульф повернулся к темной воде и нырнул в озеро.

Пена вскипела вокруг него, когда чудища ринулись за добычей со всех сторон, а старая колдунья вышла из своего логова, чтобы схватить героя. Беовульф боролся в полной темноте, отбиваясь ногами, потому что старуха держала его за руки. Кольчуга защищала грудь героя. Множество огромных чудовищ окрасили воду в красный цвет и всплыли на поверхность брюхом вверх.

Колдунья нырнула. Беовульф не сопротивлялся, чтобы не мешать ей, поскольку знал, что скоро либо поднимется из пучины, либо погибнет. Наконец она проплыла по подводному коридору и оказалась в пещере, где горел огонь, чье слабое мерцание замечали с берега пастухи.

Беовульф освободил руки, выхватил меч и замахнулся на старуху. Удар пришелся прямо в то место, где шея соединялась с плечами, но железная кожа ведьмы отразила его. Лезвие погнулось. Герой бросил оружие на землю и бросился на старуху, но та увернулась, и он полетел головой вперед. Колдунья бросилась на него и нанесла удар кинжалом. Кольчуга спасла Беовульфа. В следующее мгновение он оттолкнул ее в сторону, вскочил на ноги и огляделся по сторонам, в надежде найти большой камень. Его взгляд упал на огромный меч, висевший на стене. Ловкий, как кошка, герой бросился к оружию. Замахиваться времени у него не было, и он нанес колющий удар. Когда колдунья бросилась на Беовульфа, лезвие пронзило ее горло. Она упала, и схватка закончилась.

Герой оглядел пещеру, усыпанную костями – остатками омерзительных пиров. На грубой лавке в углу лежало искалеченное тело Гренделя. Беовульф посмотрел на мохнатую фиолетовую образину, налитые кровью глаза и оскаленные зубы, затем торжественно поднял меч и отсек чудовищу голову. Ядовитая кровь съела металл, словно кислота, и в руках героя осталась лишь рукоять.

Люди Хротгара в молчании сидели на берегу озера. Тела чудовищ какое-то время всплывали на поверхность воды, затем водовороты пропали, и вода стала гладкой. Через некоторое время на ней появилось еще пятно крови.

– Он погиб, – мрачно сказал Хротгар. – Все храбрецы гибнут на этой земле.

Его люди с молчаливым негодованием посмотрели на него, но никто не смог прыгнуть в страшную воду.

– Он действительно погиб, – ответил один старик. – Никто не может находиться под водой так долго.

Хротгар поднялся со скалы.

– Солнце уже низко, и нам пора возвращаться домой, – сказал он.

– Мы будем ждать нашего предводителя, – ответил один из гаутов, людей Беовульфа.

Король Хротгар медленно забрался на коня.

– Вам долго придется ждать, – произнес он.

– Беовульф не такой, как все люди, – возразил гаут. – Никакая колдунья в озере не может его утопить. Он вернется.

Солнце уже почти село, когда невредимый Беовульф всплыл на волнах, держа в руке голову Гренделя. Гауты громко закричали, повскакивали с мест и побежали встречать его. Они возвращались домой, распевая радостные песни.

Хротгар сидел на троне, и перед ним стоял нетронутый ужин. Кружка с элем тоже оставалась полной. Беовульф гордо вошел в зал со своими людьми, держа в руках украшенную драгоценностями рукоять волшебного меча и голову Гренделя. Король бросился ему навстречу, и балки, на которых держалась крыша дворца, задрожали от криков радости.

Беовульф отплыл в свою страну на корабле, украшенном драконом, с дорогими дарами и с заверениями Хротгара в вечной дружбе. На следующий вечер во дворце короля скальд сложил новую песнь. С тех пор песнь о Беовульфе звучала в Дании до самых последних дней королевства Хротгара.

Беовульф и огненный дракон

Много-много лет назад жил один старик, последний из королевского рода. Все его родственники пали в битве, поэтому он сидел в своем дворце один и пил эль из золотого кубка между длинными рядами пустых скамей. На стенах зала висели покрытые золотом шлемы, ржавые мечи с великолепными рукоятками, давно не чищенные кольчуги и другие

ценности. Сундуки короля были полны браслетов, брошей и колец из чистейшего золота. Все эти трофеи завоевали его предки своими великими делами, и теперь он бродил среди них день за днем, горюя о тех, кто ушел в мир иной.

Наконец король понял, что его жизнь тоже почти закончилась, и сказал себе: «Я не оставлю эти сокровища чужим людям, поскольку за них пролита кровь. Они являются символами нашей славы и никогда не перейдут к человеку, который будет расценивать их только как богатство». Медленно и старательно он собрал все ценности и по частям перенес их на мыс, где находились могильные холмы его родственников.

Под землей находились маленькие каменные склепы, в которые мертвые отправлялись на вечный покой со своими вещами. Вел туда узкий коридор с каменным потолком. Камни образовывали крышу, а сверху была положена земля. Старик открыл самый большой склеп и день за днем складывал туда свои сокровища рядом с прахом героя.

Однажды холодным осенним утром он забрался на холм с последней частью груза.

«Теперь все мои сокровища собраны в одном месте, – сказал себе старик. – Они могут спать вечно в компании с мертвыми, которые их собрали. Завтра я замурую склеп, и через год сверху все снова зарастет травой».

Король вернулся домой и лег на кровать у холодного очага. Он уснул, и его глаза закрылись навеки. Однажды в грозу дворец обрушился, раздавив его белые кости. Бревна сгнили и превратились в пыль. На них проросли кусты ежевики и тоненькие сосны. О короле и его роде забыли.

А на утесе холодный ветер свистел над склепом. Снег засыпал вход. В темном коридоре поселились волки. Через какое-то время крылатый дракон обнаружил тайник и завладел сокровищами. Три сотни лет он сторожил золото, только иногда выползая погреться на солнце. Темными вечерами дракон бродил по холмам и охотился на их обитателей, а утром возвращался в свое логово.

Однажды хозяин разозлился на своего работника и прогнал его. Тот убежал, опасаясь наказания, нашел черную дыру и заполз туда. Ложе дракона было пусто, но, когда человек зажег огонь, он увидел кругом множество следов его когтей и груды золота. Работник выбежал наружу, но прихватил с собой золотой кубок, украшенный драгоценными камнями. Он надеялся вернуться и купить у своего хозяина прощение.

Когда на рассвете дракон вернулся в склеп и обнаружил пропажу кубка, он бросился искать его, изрыгая огонь. Чудовище долго кружило по холмам в поисках следов вора, затем возвращалось, чтобы убедиться, что кража действительно произошла. Наконец дракон бросил искать и взлетел, чтобы свершить месть. Он повернулся к долине и стал выпускать длинные струи пламени.

Чудовище наносило удары, словно молния, по всем строениям и по дворцу короля Беовульфа. Сам Беовульф был в отъезде, и гонцы помчались к нему со страшной новостью.

Беовульф был стар, поскольку правил гаутами уже пятьдесят зим. Его волосы и борода поседели, но могучие плечи еще не согнулись. Он стоял и слушал своих гонцов.

– Ни одного дома не осталось в долине! – кричали они. – Земля почернела, а от деревьев остались лишь дымящиеся пни. Дым все еще поднимается над утесом, где должно находиться логово чудовища. Мы все твои слуги, о король, ты долго и хорошо защищал нас. Спаси нас и от этого ужаса, более страшного, чем война.

Он оглядел своих воинов, но никто не смог выдержать его взгляда.

– Моя жизнь все равно подходит к концу, – сказал наконец он. – Если вы сделаете мне металлический щит, я пойду и сражусь с драконом. Ведь ни один деревянный щит не спасет меня от языков пламени.

Двенадцать воинов, вооруженные до зубов, отправились с Беовульфом. Испуганный работник фермы неохотно согласился сопровождать их.

– Вон там находится тот склеп, – сказал он, остановившись у холма.

Беовульф повернулся к своим людям:

– Стойте здесь, пока я вас не позову.

Все покорно остановились. Дальше король пошел один. Он споткнулся о камни. Его оружие загрохотало. Из склепа в тот же момент вылетело пламя. Беовульф укрылся от него щитом. Обожженный и ослепленный, он все же успел разглядеть появившегося перед ним монстра. Король тут же поднял меч для смертельного удара.

Дракон попытался увернуться, но черная кровь все же хлынула из широкого пореза. Однако меч вошел не так глубоко, как хотелось герою. Чудовище пошатнулось, из его пасти вылетело новое пламя, которое докатилось до ног воинов Беовульфа. Они в панике бросились прочь, оставив своего короля один на один с ужасным врагом. Дракон повернулся к своему противнику, и Беовульф, в свою очередь, покачнувшись, борясь со страшным жаром. Наверное, он погиб бы, если бы не самый молодой из воинов его дружины Виглав, который бросился сквозь дым на помощь королю, громко призывая остальных последовать его примеру.

Молодой человек бросил перед Беовульфом свой деревянный щит, и тот в одно мгновение вспыхнул и сгорел. Ободренный неожиданной подмогой, Беовульф поднял меч и со всей силой обрушил его на голову дракона. Оружие с треском сломалось. Обломки лезвия разлетелись по сторонам. С ужасным ревом зверь бросился на короля и вонзил зубы ему в шею.

Виглав прорвался сквозь пламя, целясь дракону в грудь. Он вонзил свой меч в чудовище, хотя его обгоревшая рука почернела. Дракон вздрогнул и разжал пасть. Король кинжалом перерезал чудовищу горло.

Виглав прыгнул вперед и столкнул умирающего зверя со своего хозяина. Беовульф лежал у входа в склеп, а Виглав пытался очистить его рану от крови и яда.

– Дай мне взглянуть на соколовища, за которые я воевал, – попросил Беовульф.

Молодой человек принес золото и высыпал его перед королем.

– Это хорошая добыча, – произнес тот. – Она поможет моим людям преодолеть нужду. Я оставляю соколовища им, а тебе подарю эту золотую цепь, которую надела на меня много лет назад жена короля Хротгара. Возьми еще мой шлем, кольцо и доспехи. Я оставляю тебе королевство, и эти вещи помогут тебе охранять его.

Как только гауты увидели, что огонь потух, они вернулись к склепу и увидели, что Беовульф мертв. Виглав безуспешно пытался приподнять могучее тело короля. Тогда воины сделали из молодых стволов и ветвей носилки, положили на них Беовульфа и отнесли домой. Там они сложили большую гору бревен, повесили вокруг нее шлемы и щиты. На этом костре, как подобает герою, должно было сгореть тело короля.

Пожилые женщины оплакивали Беовульфа, а мужчины высекали в скале склеп, так чтобы его можно было видеть далеко с моря. Через узкий проход мужчины внесли соколовища дракона, положили их рядом с прахом короля, затем завалили вход камнями и землей. Через год трава покрыла склеп, и древние соколовища бесполезно лежали в течение многих веков, и о них уже никто не помнил.

Хагбард и Сигне

– Итак, – закончил германец, – я обещаю тебе все это и даже больше за руку твоей прекрасной дочери Сигне.

В огромном дворце короля Сигара клубился дым, и глаза хозяина покраснели. Однако даже он мог разглядеть, что стоявший перед ним проситель был очень красивым человеком, одежды его были красными, а плащ оторочен мехом. Свиные сыновья короля были потрясены богатством и связями юноши.

Альф, старший из братьев, наклонился, чтобы что-то сказать отцу, но старик смотрел в дальний конец зала, где сидела гордая Сигне. Каждый вечер она подносила ему в начале ужина рог. Поприветствовав отца, порадовав его своей редкой красотой, Сигне возвращалась на свое место, а король следил, как она исчезала, словно растворяясь в волшебной дымке факелов.

Сейчас он повернулся к дочери, чтобы узнать ее расположение духа, но, как ни вглядывался, никак не мог ничего разглядеть. На мгновение Сигар задумался, не уступить ли требованиям Альфа и не отдать ли германцу дочь. Хотя он имел на это право, как отец, но побаивался принять решение, поскольку у Сигне был еще более крутой нрав, чем у ее братьев. Тогда король оттолкнул Альфа, вновь повернулся к германцу и сказал:

– Это честное предложение, и я склонен согласиться. Но последнее слово за самой Сигне. Пусть она ответит тебе.

– Мой ответ будет коротким, – холодно произнесла его дочь, даже не поднявшись со скамьи. – Этот человек не для меня.

Король Сигар даже подпрыгнул на своем троне, услышав эти нелюбезные слова.

– Он благородный поклонник! – сердито крикнул Альф. – Не сомневаюсь, что сестра выбирает жениха в пику своим родственникам. Если бы это было не так, она вряд ли бы отклонила это предложение таким оскорбительным тоном.

– Если хочешь знать, я предпочитаю мужчину, – презрительно отозвалась Сигне, – с более величественной душой, даже если он намного безобразнее внешне. Ему не нужны румяных щек или шелковых кудрей, как у этого германца. Его глаза должны гореть. Он должен быть великим героем, которого все уважают и признают его силу, а не связи и богатство.

– Твой жених – наш враг, – крикнул Альф, – и ты не посмеешь назвать его! Думаешь, мы не видели, как ты говорила с Хагбардом, когда он приехал сюда во время перемирия? Ты опустила до того, что стала строить интриги с заговорщиком, с ничтожеством, с сыном главаря бандитов.

– Разве я назвала Хагбарда своим избранником? – спокойно ответила Сигне, но лицо ее вспыхнуло.

– Тогда назови его имя, – ехидно сказал ее брат.

– Назову! – крикнула Сигне. – Меня стоит только... – Несколько мгновений она подыскивала имя и с триумфом закончила: – Хакон!

Все ответы потонули в раскатах смеха, под грохот которого Сигне гордо вышла из зала. Хакону было пятьдесят лет. Он был дважды женат. После сотни битв на нем осталось множество шрамов. Хотя он и подходил под описание Сигне, все понимали, что девушка назвала его только для того, чтобы посмеяться над братом. Только ее поведение нельзя было назвать мудрым, поскольку Альф, теперь уже окончательно убежденный в том, кто является предметом ее любви, сильно разозлился. Молодой Хагбард побил его в схватке, и, хотя было установлено перемирие, Альф жаждал мести. Сейчас он о чем-то увлеченно говорил с молодым германцем, который остался в гостях у Сигара, надеясь на то, что Сигне можно еще убедить изменить свое решение. Она ни разу не взглянула на поклонника, а он даже и не попытался заговорить с ней, но все время беседовал с сыновьями короля.

Пришла весна, и воины начали чистить оружие. Казалось, планировалась необычная вылазка викингов, поскольку люди активно смолили корабли и забивали грузами трюмы. Германец тоже поспешно отплыл, словно и у него появилось неотложное дело. Обычно шумные и хвастливые, братья Сигне стали молчаливы с сестрой и шептались друг с другом по углам, стараясь не попадаться ей на глаза. Сигне не задавала никаких вопросов и, как обычно, выходила приветствовать отца, но не задерживалась долго в зале.

Началось длинное лето, и корабли подняли паруса. Какое-то время торговые суда привозили новости о флоте, но потом целый месяц о нем ничего не было слышно. Женщины начали тревожиться. Поползли слухи о несчастье. В начале зимы несколько воинов все же появились дома, но корабли и молодые принцы не вернулись. Вместе с германцем они напали на Хагбарда, но тот разбил их отряды.

Старый Сигар не устраивал траура по погибшим сыновьям, но его лицо стало мрачным, и он теперь злобно смотрел на бледные щеки дочери. Сигне без традиционного приветствия поднесла ему рог. Он молча взял его и проводил дочь тяжелым взглядом. Сигне удалилась в свои покои и, не говоря ни слова, принялась за вязание.

Так в бессонных ночах прошла зима, но, когда дороги оттаяли, приехал во дворец гонец, который сильно озадачил Сигара. Этим гонцом оказалась огромная женщина со щитом и в военных доспехах. Она была из свиты короля Хакона и принесла весть, касающуюся Сигне.

«Если дерзкий ответ моей дочери достиг ушей Хакона, – подумал Сигар, – у него могла возникнуть мысль о еще одной жене». Король не знал, как ему воспринимать это предложение, и решил, что лучше всего будет спросить саму Сигне. Он позвал рыжеволосую служанку, которая осталась в зале после ухода принцессы.

– Раз Хакон прислал нам деву, ты должна отвести ее к моей дочери, – сказал он. – Пусть Сигне выслушает сообщение и даст ответ.

Девушка кивнула, но с радостью передала бы эту обязанность какой-нибудь другой женщине, поскольку глаза гости напугали ее.

Король Сигар погрузился в глубокие раздумья, пока его люди накрывали столы для ужина.

– Интересно, почему Хакон прислал ко мне женщину? – пробормотал он.

Наконец ему подали рог. Только сейчас это сделала служанка.

– Сигне пригласила женщину к себе в комнату, чтобы выслушать сообщение без свидетелей. Кажется, послание очень длинное, – пояснила она.

– Хорошо, – ответил Сигар. – Моя дочь оказала уважение посланнице короля Хакона.

– Служанки вымыли ей ноги, – вдруг сказала женщина. – Вы бы их видели. Они покрыты волосами, как у мужчины, с грубой кожей и мозолями.

– И у тебя были бы такие же, – рассмеялся король, – если бы ты была воительницей, скакала в полном вооружении по горам или ходила по каменистым дорогам. Под грубой обувью и твои ноги стали бы грубыми и волосатыми.

– Так и она сказала. Но вы когда-нибудь видели, чтобы женщина держала иглу как кинжал и так вкалывала ее в вышивку?

– Никакая женщина, воюющая на стороне такого морского разбойника, как Хакон, никогда не сядет за веретено или шитье.

– Так и она сказала.

– Поддай мне рог, – нетерпеливо произнес король. – Ты слишком много говоришь.

Он взял рог и стал пить эль.

Тогда служанка сказала:

– Вы когда-нибудь видели женщину, которая заливала бы себе в рот одну кружку эля за другой? Мне кажется, так пьют только мужчины.

– Ты утомила меня своими глупыми разговорами, – сказал старый король. – Думаешь, я начну сомневаться в посланнице Хакона только потому, что она привыкла жить среди мужчин? Твое место возле хозяйки, а не здесь, в зале.

– Очень хорошо, – ответила служанка и гордо вскинула голову. – Я иду к Сигне и никому не расскажу о том, что увижу!

Она выбежала из зала, и король задумчиво посмотрел ей вслед.

В тот вечер ужин получился скучным, поскольку король сидел в молчании. Однако, когда наступила ночь, он не встал и не пошел спать на свою огромную кровать под балдахином. Слуги заменили сгоревшие факелы, а приближенные ждали указаний от короля, но тот сидел подперев голову рукой и не подавал никому никаких знаков. Наконец дерзкая служанка с очень важным видом снова вошла в зал.

– Я ждал тебя, – спокойно сказал Сигар, подняв голову. – Что ты видела на этот раз?

– За внутренней комнатой есть небольшой чуланчик, – сказала женщина, – откуда можно подслушивать, приложив ухо к стене.

– Полагаю, ты давно знаешь этот секрет, – мрачно проговорил король, неожиданно крепко схватив ее за запястье. – Продолжай. Что ты слышала?

– Я слышала, как Сигне сказала: «Доверься мне, потому что ты моя любовь, и я клянусь, если ты погибнешь, я уйду с тобой в тот же час».

– Это все? – резко спросил король и притянул служанку за руку на расстояние фуга от своих глаз. – Это все? – снова спросил он, сверля ее взглядом.

– Пустите меня! – громко крикнула служанка. – Я могла слышать только Сигне, потому что она сидела ближе к стене. Принцесса сказала: «Мои братья хотели убить тебя из-за меня, и мой отец ни разу не заговорил со мной после их гибели. Но мне безразличны и отец и братья, поскольку мое сердце обещано тебе!»

– Это Хагбард! – сказал король и так сильно дернул девушку за руку, что она упала на стол. – Люди! Хватайте мечи и бегите быстрее. Убивший моих сыновей Хагбард в покоях Сигне.

Люди вскочили на ноги и стали прыгать через столы. Заблестели мечи, кубки с элем полетели на пол. Некоторые схватили копья и топоры. Кто-то уже барабанил в дверь опочивальни Сигне. Раздался злобный крик, дверь распахнулась, и на пороге появился их огромный враг. Затем зазвенели мечи. Крики продолжались. Все длилось очень долго, потому что в узком проходе с Хагбардом одновременно могли сражаться только два воина. Многие попадали назад, получив раны, некоторые погибли под ногами сражавшихся. Но Хагбард по-прежнему сражался как лев, а Сигне держала в каждой руке по факелу, чтобы слепить противников любимого и освещать их для его ударов.

Наконец под натиском врагов Хагбард был вынужден отступить в маленькую комнату. Здесь на него бросилось так много людей, что уже невозможно было размахивать мечом. Двое схватили его за руку с оружием, один уцепился за пояс, и еще несколько человек напали со спины. В конце концов противники повалили Хагбарда на пол, связали по рукам и ногам и подняли, чтобы вынести. Он повернул голову и вопросительно посмотрел на Сигне. Та слегка улыбнулась и кивнула. Воины понесли Хагбарда к королю Сигару, но она не сказала ему на прощание ни слова. Те, кто прибежал сражаться или просто поглазеть на схватку, отправились вслед за ними. Сигне в это время взяла за руку мальчика-слугу, которого она особенно любила, и прошептала ему на ухо несколько слов.

– Луна еще высоко, – произнес король Сигар. – Постройте виселицу на вершине вон того холма. Повесьте Хагбарда до наступления зари. Вся страна должна увидеть мечь убийце моих сыновей.

Люди взяли топоры и вышли, а мальчик-слуга вернулся к Сигне.

Рассвет был ярко-алым, день обещал быть ветреным. Петля уже свисала с перекладины виселицы, когда Хагбард поднялся на холм в окружении стражи. Никто не заметил нерешительности в его походке или перемены в его обветренном лице. Он посмотрел вверх, на огромную виселицу, и оглянулся на долину, простиравшуюся внизу.

– Я буду висеть здесь, как знамя над полем битвы, – сказал Хагбард. – Берегись, как бы я не принес огонь и разрушение в твой дом, король.

– В чем дело? – мрачно спросил Сигар. – У меня нет других сыновей.

– Возможно, это не будет иметь значения. Во всяком случае, часы мои сочтены. Ты выполнишь мое последнее желание?

– Каково оно?

Хагбард медленно повернулся и посмотрел на горизонт:

– Чтобы умереть, есть еще много времени. День только начинается. Подними мой красный плащ на виселицу и дай мне посмотреть, как он развевается на ветру. Мне бы хотелось видеть, как я буду выглядеть на веревке на фоне неба. Дай мне взглянуть на эту картину и смириться с мыслями о смерти.

– Странная просьба, – сказал старый король. – Мне кажется, лучше уж не хвататься за жизнь и не тянуть последние минуты. Но раз ты попросил, ты их получишь. Ты умрешь, когда солнце поднимется над тем деревом. Люди, поднимите плащ.

Красный плащ заколыхался на ветру. Король, опершись обеими руками о посох, молча

стоял и ждал. Хагбард под виселицей непоколебимо смотрел вниз, на дворец Сигара, не обращая никакого внимания на плащ.

– Что ты думаешь о доверии женщинам, король? – спросил он, когда солнце стало светить сквозь ветви маленького дерева.

– Им нужно верить или очень мало, или вообще не верить.

– А Сигне, которая клялась мне в любви, была верна своему слову?

– О, Сигне, – гордо произнес старик. – Сигне не обычная девушка. Она не опустится до клятвопреступления.

– В страну мертвых путь долгий! – с торжеством крикнул Хагбард. – Мы поклялись, что наши души совершат это путешествие вместе. Я поверил клятве Сигне, но умирать молодым трудно, и я попросил тебя поднять плащ вместо меня, чтобы быть уверенным. Видишь, из окон Сигне идет дым? Как и обещала, она подожгла свою комнату и повесилась. А теперь торопись. Солнце уже поднимается над деревом, а я должен догнать ее. Я рад смерти, потому что где-то наши души будут вместе, наша любовь будет жить.

– Приведите мне моего коня! – крикнул Сигар. – Скачите, люди мои, скачите как ветер к Сигне. Стража, повесьте этого дикаря. Он погубил всех моих детей. Когда-то у меня были сыновья-воины и моя гордость – дочь. Скачите быстрее. Может, мы еще спасем Сигне даже против ее желания.

Копыта королевских коней застучали по склону холма. Впереди густой дым поднимался в небо, а позади на виселице висел человек. Он действительно был похож на знамя над полем битвы.

Часть четвертая Истории из северных саг⁵

История любви Возлюбленные Хельги

В Исландии стояли теплые весенние дни. Несколько глиняных хижин, где проводились ежегодные собрания, сохли на солнце. В его лучах от соломенных крыш поднимался пар.

⁵ Исландские саги – это истории древнейших родов и хроника норвежских королей. Они являются величайшими памятниками древней норвежской литературы. История «Гуннара с Речного Склона» взята из первой части самой знаменитой саги о Ньяле, или, как ее называют в английском переводе, «История сожжения Ньяля». Она датируется XII веком, на сто лет раньше, чем «Сага о Гуннлауге», из которой взята история «Возлюбленные Хельги». «Глупый Рой» входит в сочинение XIV века. Сама история позаимствована из арабских сказок «Тысяча и одна ночь», но автор так искусно изложил ее, что она дает великолепную картину скандинавской жизни. (Примеч. авт.)

Несколько всадников, прискакавших, чтобы приготовить хижину Торстейна к собранию, были заняты работой. Сам Торстейн вытер ладонью мокрый лоб, громко вздохнул и снова принялся чинить обвалившуюся земляную стену. Норвежец, подносящий ему дерн, остановился, тяжело дыша. Торстейн снова громко вздохнул и уступил место помощнику. Его беспокойство росло по мере того, как он распался. Этот норвежец был торговцем и остановился со своим кораблем в Исландии на зиму. Торстейн предоставил ему возможность отдохнуть три месяца и теперь считал, что имеет право требовать усердия в работе.

Работа завершилась к полудню. Все еще раздраженный, Торстейн отбросил лопату, резко отвернулся от своего гостя и направился в тень, где были привязаны лошади. Там он лег на спину и закрыл глаза, всем своим видом показывая, что не расположен к беседе. На самом деле Торстейн наблюдал за норвежцем. Ему не нравились его косые взгляды, землистый цвет лица и мышинного цвета волосы, которые только выцвели, а не поседели. Сам Торстейн был румяным, видным мужчиной. Его жена тоже была красивой. У них росли три прекрасных сына. К концу лета их должно было стать четыре. Веки Торстейна сомкнулись, мысли потекли медленно и приятно. Наконец он уснул.

Проснулся Торстейн с громким криком. Его незванный гость сидел и с удивлением смотрел на него.

– Твои сны тревожат тебя, – как обычно четко, произнес он. – Такие сны должны что-то означать.

– Ничего, – мрачно ответил Торстейн и повернулся, чтобы собрать инструменты.

Люди нагрузили лошадей и поскакали. Торстейн молчал и держался позади всех. Когда норвежец тоже приотстал от остальных, хозяин даже не взглянул на него и ничего не сказал, а только неосознанно приподнялся в седле и тяжело вздохнул. Когда он сделал это в третий раз, норвежец быстро сказал:

– У меня большой опыт в толковании снов.

– Очень хорошо! – раздраженно воскликнул Торстейн. – Я расскажу тебе свой сон, и ты поймешь, что он не имеет никакого значения. Мне приснился лебедь на крыше моего дома. Птица была необычайно красива и очень мне понравилась. Вдруг с гор прилетел огромный орел и стал ласкать ее, пока она не повернулась к нему. Ей нравилось внимание орла. В это время второй орел прилетел с юга и сел рядом с ней с другой стороны. Первый орел распушил перья. Затем с громкими криками хищники бросились друг на друга. В воздухе раздавался шум их битвы. Огромные крылья загорали солнцем. Наконец оба рухнули на землю мертвыми. Мой лебедь в изнеможении взлетел и вновь опустился на крышу. Мне было больно видеть его в таком состоянии. Вдруг с запада прилетел сокол, и моя птица улетела с ним. Я думал, что мое сердце разорвется от тоски.

– Гм! – Норвежец задумался, но ничего не сказал.

Неприязнь к этому человеку опять вспыхнула в сердце Торстейна.

– Ничего этот сон не значит, – уверенно произнес он. – Птицы, очевидно, снятся к сильному ветру.

– Вовсе нет, – спокойно возразил норвежец. – Птицы означают людей. У тебя скоро родится дочь, которая принесет много горя, когда вырастет. Два знатных человека будут сражаться за нее, и оба погибнут. Она же выйдет замуж за третьего, но не такого благородного человека.

В голосе норвежца звучало удовлетворение, поскольку он гордился своим умением толковать сны. Торстейн уловил его настроение и возмутился.

– Это злонамеренная выдумка, – пылко произнес он. – Лучше побереги свои предсказания несчастий для кого-нибудь другого, кто не станет обращаться с тобой так хорошо, как я.

– Мой корабль будет снаряжен до конца месяца, – сухо ответил норвежец. – После этого я больше не буду обременять тебя своим присутствием.

Весна сменилась летом. Подходило время великого собрания. Все главы семейств готовились к нему. Сюда приносили ходатайства, здесь разрешались споры, устраивались

состязания. В общем, решались все дела на текущий год. Торстейн надел свои лучшие одежды – красную тунуку, красный плащ и вышитый золотом пояс – и выглядел в них очень красивым. На его пальце блестело толстое золотое кольцо, на льняных волосах красовался золотой венец. На боку висел меч, но Торстейн в знак мира обвязал его кожаными лентами и спрятал в ножны. Пока один из слуг надевал на коня украшенное красным и золотым цветами седло, Торстейн зашел к жене и попрощался.

Йофрид сосредоточенно сидела за пряжей, и только когда муж приблизился к ней, она оглянулась. Тревоги Торстейна вконец измучили ее этой весной. Она чувствовала, что у мужа что-то на уме, но уже теряла терпение от его непонятной скрытности. Возможно, он ожидал неприятностей от собрания. В любом случае лучше бы ему уехать из дома. Йофрид раздраженно посмотрела на мужа.

Торстейн постоял несколько минут, но жена ничего не сказала и не отложила работу. Это его страшно разозлило, и он высказал то, что хотел сказать уже месяц.

– Йофрид, – хрипло произнес Торстейн, глядя себе под ноги, – если родится девочка, я не приму ее. Отнесешь ее в горы, слышишь?

Жена уронила руки и посмотрела на мужа.

– Это злое деяние, – наконец произнесла она, когда к ней вернулся дар речи. – Даже в семьях бедняков, где много ртов, которые трудно прокормить, это считается ужасным преступлением. Что скажут люди о состоятельном Торстейне, который живет как принц, принимает у себя чужеземцев и разрешает им жить у себя по полгода, если он оставит свою дочь в горах на голодную смерть?

– Это моя воля, – отрывисто ответил Торстейн, не в силах вступать в спор. – Сделай так, чтобы после возвращения с собрания я не нашел в своем доме девочку.

Он резко повернулся и вышел, не сказав больше ни слова.

Йофрид была деятельной и сильной женщиной, но понимала, что хозяин в доме муж. Когда у нее родилась прекрасная девочка, она не осмелилась оставить ее до возвращения Торстейна, но в то же время не собиралась нести ребенка в горы, как было приказано. Женщина подкупила одного из пастухов, чтобы тот отвез девочку к сестре Торстейна и попросил воспитать малышку вместе со своими детьми. Когда муж вернулся, Йофрид сказала ему, что девочка умерла, а один из пастухов сбежал.

Жизнь потекла своим чередом. Все оставалось по-прежнему. Только домашние стали замечать резкие нотки в голосе хозяйки, когда она обращалась к Торстейну. Сам же он больше, чем прежде, уделял сыновьям внимания.

Каждый год с наступлением весны Торстейн собирался поехать навестить сестру. И каждый год забота о землях, собрание и возражения жены срывали эту поездку. Наконец, шесть лет спустя, Йофрид согласилась отпустить мужа.

Муж сестры устроил Торстейну пышную встречу. Он проводил его на почетное резное кресло в центре огромного стола, а сам сел напротив. Сестра преподнесла брату мясо прямо с огня и полный рог эля. Наконец все места за столом были заняты мужчинами. Женщины прислуживали.

Когда пиршество подходило к концу, сестра подошла к Торстейну и присела рядом, чтобы поговорить с ним. Она показала ему трех девочек, сидевших на скамье напротив, и спросила, что он о них думает.

– Очень милые дети, – ответил Торстейн, – но та, что в центре, прелестнее остальных. Семья твоего мужа отличается красотой, наша тоже, но ни у них, ни у нас в роду не было столь прекрасного ребенка.

– Это не дочь моего мужа, – сказала сестра. – Это твой ребенок.

Она рассказала Торстейну всю историю, умоляя простить его жену и ее.

Огромный камень свалился с души Торстейна. Он радостно рассмеялся:

– Какой я был глупец, а вы обе покрывали мое безрассудство. Йофрид с тех пор ни разу мне не улыбнулась, и у нас нет другой дочери. Позволь мне взять ее домой. Как зовут девочку?

– Хельга, – ответила его сестра.

– Она будет Хельгой Прекрасной, – счастливо проговорил Торстейн, – поскольку я уверен, что во всей Исландии нет более красивого ребенка.

Иллуги Черный считался в той местности самым состоятельным человеком после Торстейна. Старший из его сыновей рос многообещающим юношей, усердным и здравомыслящим, а второй, Гуннлауг, постоянно расстраивал отца. Он был высоким малым с рыжими волосами, прекрасными карими глазищами, крупными волевыми чертами лица и обаятельной улыбкой. Но у юноши был острый язык, которым он пользовался в самые неподходящие моменты. Гуннлауга не интересовало мнение других. Он не мог подчиняться и занимался делом только до тех пор, пока оно доставляло ему удовольствие. Чем старше он становился, тем труднее было отцу жить с ним под одной крышей. Однако, когда Гуннлауг пришел к нему и попросил корабль с товарами, чтобы отправиться в другие страны торговать и посмотреть мир, это тоже не обрадовало Иллуги.

– Вряд ли ты добьешься успехов в других странах, если не можешь соблюдать порядок в собственном доме, – заметил он.

Гуннлауг ничего не сказал в ответ, но три дня спустя Иллуги проснулся от какого-то шума, встал, вышел из дому и увидел, что его амбар открыт и на дороге лежат несколько мешков с различной утварью. Он вошел в амбар и затаился в темноте. Через несколько минут Гуннлауг подвел к дверям четырех лошадей и стал нагружать их.

– Что ты тут делаешь? – резко спросил Иллуги, выйдя из тени.

Гуннлауг вздрогнул, но не тронулся с места.

– Грузу свои товары, – высокомерно ответил он. – Ведь это не так много для сына богатого отца.

– Убери руки от мешков! – взревел Иллуги. – Ты поедешь, *когда я* разрешу и *если я* разрешу. И вот еще что скажу тебе – я не разрешу ни сейчас, ни потом.

– О нет, отец, – насмешливо ответил Гуннлауг. – Может быть, для твоих рабов нужно разрешение, но я сам решаю, что мне делать.

С этими словами он повернул своего коня и ускакал прочь. Разозленный Иллуги отнес мешки обратно в амбар и с грохотом захлопнул двери.

Гуннлауг приехал к Торстейну и все ему рассказал. Тот уважал отца молодого человека, и потому рассказ не произвел на него большого впечатления. Тем не менее он велел Гуннлаугу остаться у него. Тот так и сделал под предлогом, что учился у Торстейна праву. Это позволило избежать ссоры с Иллуги, но было ясно, что Гуннлауга не очень интересовало обучение. Он предпочитал играть в шахматы с Хельгой Прекрасной.

Девушка была приблизительно его ровесницей и отличалась редкой красотой. Ее волосы были мягкими, как шелк, и блестящими, как чеканное золото. Когда она распускала их, они покрывали ее, словно плащ. Торстейн хотя и гордился красотой дочери, но считал, что ей еще рано выходить замуж. Он не обращал особого внимания на ее дружбу с Гуннлаугом, пока молодой человек однажды не обронил шутливую фразу:

– Могу сказать тебе, Торстейн, что одной вещи ты меня все-таки никогда не научишь. А именно: как мне обручиться с девой.

– О, это очень просто, – беззаботно ответил Торстейн и объяснил молодому человеку формы соглашения между отцом невесты и женихом при свидетелях.

– Теперь давай посмотрим, правильно ли я все понял, – со смехом сказал Гуннлауг. – Допустим, ты обручаешь нас с Хельгой, и здесь есть свидетели. Теперь я беру твою руку и говорю...

– Одну минуту, – тоже рассмеялся Торстейн. – Нам лучше сначала предупредить свидетелей, что все это шутка. Иначе ты можешь оказаться оседланным женой, даже не получив ее согласия.

– Да, конечно, – легко согласился Гуннлауг и слегка покраснел. – Итак, я беру твою руку и говорю...

– В шутку, – повторил Торстейн, – я говорю...

Он произнес нужные слова. Двое продолжали разыгрывать комедию, но Гуннлауг улыбался через силу.

Два дня спустя молодой человек прискакал домой к отцу. Они помирились, и Иллуги приказал снарядить для сына корабль. Через несколько недель Гуннлауг снова без предупреждения появился у Торстейна и заявил, что приехал попрощаться. Он остался на несколько дней и интересовался больше Хельгой, чем погрузкой корабля. Наконец однажды утром, когда скакал рядом с Торстейном, Гуннлауг попросил руки его дочери.

– Конечно нет, – ответил Торстейн.

– Почему? – вспыхнул Гуннлауг. – Сын Иллуги – отличная партия.

– Я не думаю, что ты стоишь моей дочери, – сказал Торстейн. – Прежде всего, ты еще не знаешь себя. По твоей просьбе отец снарядил тебе корабль для долгого плавания. А сейчас ты приходишь ко мне, говоришь, что хочешь жениться и осесть на месте. Это безрассудно.

– Но почему? – вскрикнул Гуннлауг и преградил путь Торстейну. Тот был вынужден смотреть ему в лицо. – Это не внезапное решение. Ведь я уже просил у тебя руки Хельги.

– И я отказал тебе, как ты помнишь.

– Ты сделал это без какой-либо причины, – горячо спорил Гуннлауг. – Тогда у меня не было и мысли о путешествии.

– Ты даже не посмел попросить открыто. Разве похоже, что я могу отдать Хельгу человеку, который не может найти себе никакого применения, который ссорится со своим отцом и у которого такой острый язык, что никто его не любит?

– Хельга любит меня.

– Довольно. Убирайся. – Торстейн оттолкнул молодого человека и поскакал дальше.

– Этим отказом ты оскорбляешь мою семью! – крикнул тот ему вслед. – Мой отец обидится на такое неуважение.

– Я уважаю твоего отца, – бросил через плечо Торстейн, – и не думаю, что он поддержит тебя.

Иллуги действительно не хотел помогать сыну, но постепенно поддался его мольбам и стал уговаривать Торстейна дать согласие. Тот понимал, что будет неразумно оскорблять Иллуги прямым отказом. Наконец был найден компромисс. Гуннлауг должен был уехать на три года. Хельга осталась ждать его. Если молодой человек не вернется или вернется таким же ненадежным, то за Торстейном останется право отдать Хельгу замуж за кого-то другого.

Гуннлауг отправился в Норвегию, оттуда в Швецию и, наконец, в Англию, где заслужил славу под знаменами короля Адальрада, воевавшего против вторгшихся на его территорию данов.

На третий год отсутствия Гуннлауга юноша по имени Храфн, сын богатого землевладельца с юга страны, вернулся из путешествия и стал ухаживать за Хельгой Прекрасной. Он сделал это, прежде всего, из желания насолить Гуннлаугу, чья непомерная гордость вызывала в нем ненависть. Храфн почти не думал о Хельге, кроме того, что она подходила ему как любая другая дочь состоятельного человека. Однако, увидев ее, он сразу влюбился и стал торопить Торстейна с ответом.

– У Гуннлауга, – говорил Храфн, – много возлюбленных в других странах, и вряд ли он вернется домой скоро.

Торстейну нравился Храфн. Юноша был выходцем из хорошей семьи, много путешествовал, считался смелым и здравомыслящим. Его смуглое красивое лицо и уверенные речи, казалось, были приятны молодой девушке, еще мало видевшей в жизни. Торстейн сожалел о своем обещании Гуннлаугу, но все же оставался человеком слова.

Тем временем Гуннлауг сообщил королю Адальраду о своем намерении вернуться в Исландию, но тот ожидал нового нападения со стороны данов и упрекнул молодого человека в том, что он в трудный час оставляет его одного. Только к концу четвертого лета Гуннлауг получил разрешение отплыть. Так юноша отправился домой с большим опозданием.

Только Гуннлауг сошел с корабля на берег, как случайно узнал неприятную новость:

его Хельга обещана Храфну. Юноша вскочил на коня и помчался домой.

Иллуги услышал стук копыт во дворе и радостный шум голосов. Он медленно вышел на порог, чтобы с достоинством встретить гостей, но вдруг в удивлении охнул и побежал навстречу высокому, широкоплечему, бородатому мужчине.

– Гуннлауг! – крикнул Иллуги. – Сын мой! Мы уже не ждали тебя в этом году. Что случилось? В чем дело? Ты ранен? Как ты вырос!

Иллуги скучал по своему непокорному сыну. Его дерзость и чудачества теперь казались отцу гораздо дороже скучной почтенности старшего сына. И теперь, когда он вернулся, изменившийся и возмужавший, слезы радости появились на глазах Иллуги. Его рука дрогнула, когда он взял Гуннлауга за локоть.

– Пусть кто-нибудь поможет мне войти в дом, отец. У меня болит нога. На берегу пришлось ввязаться в одну историю. Подрались, я вывихнул ногу.

Люди провели Гуннлауга и усадили на скамью. Он вытянул поврежденную ногу, а Иллуги торопливо послал слугу за кубком эля. Бледное лицо Гуннлауга немного порозовело.

– На самом деле все в порядке, – успокоил он отца. – Болит после скачки. Я сел на последний корабль, и нас задержали встречные ветры. Теперь говорят, будто Хельга обещана Храфну. Поэтому я и торопился домой.

– Но сын мой, – сказал ошеломленный Иллуги, – ты уже опоздал. Сегодня вечером в доме Торстейна состоится свадьба Храфна и Хельги Прекрасной.

– Тогда я должен ехать! – громко крикнул Гуннлауг и вскочил со скамьи, но нога подвела его, и он упал от боли, едва не потеряв сознание. Слуги подбежали к нему, подняли и отнесли на кровать.

Так Гуннлауг и не добрался до дома Торстейна, чтобы расстроить свадьбу. Но через несколько дней слухи о его возвращении и намерении приехать к Хельге распространились повсюду. Девушка залилась слезами, сказала мужу, что он обманул ее, и отказалась от него. Храфну пришлось отвезти ее обратно в дом Торстейна. Там супруги и остались. Хельга держалась возле матери. Она спускалась в зал, садилась за стол, но с Храфном не разговаривала. Он в свою очередь клялся, что не оставит жену, что любит ее и будет жить с ней до самой смерти.

В ту зиму играли еще одну большую свадьбу. Семьи Торстейна и Иллуги вынуждены были прийти как гости. Сначала Гуннлауг не хотел идти, но отец убедил его, что над ним станут смеяться, если он испугается встретиться лицом к лицу с Храфном и его женой. Тогда Гуннлауг надел свой самый пышный наряд, подаренный королем Ирландии, и отправился на свадебный пир.

Отец невесты встретил Иллуги и его сыновей и провел их на почетные места в центре зала. Напротив них сидел Торстейн, а рядом с ним темноглазый Храфн в голубых одеждах, подпоясанный серебристым ремнем. Наряд Гуннлауга был ярко-красным. Плащ украшала золотая вышивка. По краям он был оторочен дорогим мехом. Его плечи были шире, а рыжая голова выше всех в зале. Неудивительно, что прекрасная Хельга не спускала с него глаз, сидя рядом с невестой. На фоне ее сияющей красоты невеста казалась дурнушкой. Гуннлауг и Хельга сидели и смотрели друг на друга, гости начали шептаться между собой, и Храфн вспыхнул, наделав много шума. Даже молодожены были рады, когда закончился пир, и женщины поднялись, чтобы разойтись по домам.

Гуннлауг молча встал, подошел к Хельге, взял ее за руку и отвел в сторону.

– Ты не дождалась меня, – сказал он.

– Ты не приехал, – ответила девушка, – и мой отец поженил нас с Храфном. Только мало счастья принесла ему эта свадьба.

– Ты моя, – сказал Гуннлауг, – и всегда была моей. Ты еще выйдешь за меня замуж, а пока возьми этот плащ в подарок, как символ. Это дорогой королевский дар. Такие прекрасные вещи очень редки.

Хельга прижалась щекой к мягкому меху и ответила:

– Он вернется к тебе, когда я стану твоей.

Они расстались, каждый вернулся к себе домой. Закончилась зима, и пришло лето, а вместе с ним и собрание, на котором Гуннлауг неожиданно, соблюдая древние традиции, публично вызвал Храфна на поединок. Храфн достойно согласился, но собрание зашумело. Когда-то поединки были обычным делом, но от них уже давно отказались. Нельзя было назвать их противозаконными, но никто не хотел потакать безрассудству двух состоятельных людей, которые могли положить начало вражде их родов. Наконец все согласились на поединок, но при условии, что он не должен закончиться смертью. По установленным правилам, раненый или потерявший оружие признавался побежденным. Он должен был заплатить выкуп и отказаться от Хельги.

Через три дня после вызова бойцы вышли на площадку. Храфн держал серебристый щит с изображенной на нем черной птицей. У Гуннлауга же щит был красный, с сияющим золотом солнцем. Бойцы встали на шкуру черного быка, брошенную на траву. Решили, что первый, кто отступит под натиском противника и окажется двумя ногами на траве, – проиграет. Храфн, как получивший вызов, имел право первого удара.

Гуннлауг стоял улыбаясь, широко расставив ноги. Меч Храфна взмыл вверх, он стиснул зубы и изо всех сил рубанул по поднятому щиту. Раздался звон. Гуннлауг лишь немного покачнулся, а меч противника, будто заколдованный, разлетелся на куски. Лезвие пролетело совсем рядом с лицом рыжеволосого громилы. В руках у недоумевающего Храфна осталась одна рукоять. Гуннлауг, поддавшись воинскому азарту, ринулся на беззащитного врага. Несколько зрителей с криками подбежали и встали между сражающимися. Иллуги и отец Храфна повисли на руке разбушевавшегося дуэлянта, пытаясь уговорить его.

– Победа все же моя! – поддаваясь уговорам миротворцев, выкрикнул Гуннлауг. – Так уж и быть, я прощаю его. Он безоружен.

Храфн отбросил в сторону рукоять меча и громко засмеялся.

– Прощаешь меня? Хельга по-прежнему принадлежит мне, – возразил он. – Смотри! На тебе первая кровь!

Действительно, из крошечной царапины на щеке у того текла маленькая струйка крови.

– Это не поединок! – в ярости воскликнул взбесившийся Гуннлауг. – Храфн, я снова вызываю тебя. И до смерти.

– До смерти, – хладнокровно ответил Храфн, – и завтра.

При поддержке обеих семей на собрании в тот же день был проведен закон, запрещающий поединки. С тех самых пор в Исландии он никогда не нарушался. Негодующие молодые люди решили ехать драться в Норвегию, но слух о ссоре опередил их, и норвежский король запретил поединок и там. Жажда мести привела враждующих в Швецию. Там, в местечке Дингнесс, они решили поставить точку в своем споре, приказав своим проводникам ждать окончания их сражения на небольшой ровной поляне у берега моря.

Во время схватки взошло солнце. Оно коснулось верхушек мокрых деревьев, чуть обогреть их серебристыми лучами, но по земле продолжал стелиться туман, словно тяжелое дыхание воинов на морозном воздухе. На море был полный штиль. Не раздавалось ни единого звука, кроме стука мечей о щиты и треска тонкого льда болотистой почвы. Неприятель бросался вперед, уворачиваясь и скользя на влажной траве, неистовые удары молотили то по красному, то по серебристому щиту.

Солнце поднялось высоко, и туман наконец полностью растаял. Подняв меч, Храфн заморгал – солнечные лучи ослепили его, заставив отвернуться. Быстрый, как молния, Гуннлауг бросился вперед и нанес рубящий удар. Лезвие вонзилось глубоко в ногу Храфна. Он пошатнулся, ухватился за дерево и выронил щит. Гуннлауг опустил меч.

– Я не сражаюсь с искалеченными, – сказал он.

– Ты победил, – простонал Храфн. – Теперь из великодушия принеси воды, раз даруешь мне жизнь.

– Я принесу тебе полный шлем, – согласился его противник, – но сначала опусти меч.

– Он нужен мне, чтобы опираться, – мрачно отозвался Храфн. – Я не обману тебя.

Гуннлауг напился из ручья сам и затем наполнил шлем. Опираясь правой рукой на меч, Храфн протянул левую за водой. Когда противник подошел ближе, он резко выпрямился, его качнуло, но он успел изо всех сил ударить Гуннлауга мечом по незащищенной голове, а затем по стволу дерева медленно сполз на землю.

Наступила полная тишина. Наконец Гуннлауг произнес хриплым голосом:

– Это был предательский удар.

– Знаю, – согласился Храфн, – и мне стыдно. Просто я не мог вынести мысли о том, что моя Хельга будет в твоих объятиях.

– Вставай и сражайся, – сказал Гуннлауг, вскочив на ноги.

Храфн подался вперед, но не смог защититься щитом от смертельного удара. Гуннлауг прислонил окровавленный меч к стволу дерева и снова упал на траву. Подоспели испуганные проводники. Храфн был мертв. Люди принялись перевязывать рану Гуннлауга, он осмеивал их старания и говорил, что это бесполезно.

Солнце уже стояло в зените, когда в далекой Исландии Иллуги спал в своей постели. Последнее время долгий сон вошел у него в привычку. Тем утром ему снился сын, его мальчик стоял на траве у берега моря с мечом в руке. На голове его не было шлема, а по лицу текла кровь. Кровью была окрашена и трава вокруг. Гуннлауг прислонил меч к стволу дерева и хотел сесть, но вместо этого упал. Его глаза неподвижно смотрели в небо.

Иллуги проснулся, как от толчка, и понял, что его сын мертв.

Узнав о гибели Гуннлауга, Хельга Прекрасная не погрузилась в траур, но с тех пор больше никогда не улыбалась. Торстейн не мог выносить грустного лица дочери и выдал ее замуж за доброго, но ничем не примечательного человека. Хельга молча уехала с ним, став хорошей женой. И все-таки, когда домашние дела позволяли, она подходила к резному шкафу и доставала плащ Гуннлауга. Хельга не надевала его, но любила сидеть, положив плащ на колени, глядя золотую вышивку или мягкий мех.

Через несколько лет в тех местах свирепствовал мор. Хельга заразилась, но переносила болезнь на ногах. Однажды вечером она грелась у огня, положив голову на колени мужа, и вдруг тихо попросила служанку принести плащ Гуннлауга. Когда подарок прежнего возлюбленного положили рядом, женщина протянула к нему руку, но это движение отняло у нее последние силы. Хельга Прекрасная упала на грудь мужа и умерла.

История правосудия Глупый Рой

Черный торговый корабль шел к пристани, на которой его уже ждала толпа любопытствующих. Это был добротный корабль, с пятнадцатью веслами по каждой стороне, с высокими бортами, покрытыми свежей смолой. Собравшиеся знатоки оценили красивые очертания судна и крепкие металлические скобы на фальшбортах. По внешнему виду они догадались, что его построили в Дании. На высокой палубе стоял матрос с канатом в руках и высчитывал сокращающееся расстояние между ним, причалом и группой людей, глазевших на корабль.

Матрос торжественно поднял руку. Вдруг из-за его спины кто-то молниеносно соскочил на берег. Люди на пристани расступились. Незнакомец точно приземлился и успел ловко поймать канат, пока тот не соскользнул в воду.

Это был высокий стройный мужчина около тридцати лет, невероятно пышно одетый в красное платье и длинные белые чулки. Его плащ был сшит из неокрашенной шерсти, но покрыт красной и золотой вышивкой. На богатом поясе, перекинутом через плечо, висел щедро украшенный кинжал. Когда мужчина выпрямился, все увидели его мужественное и довольно приятное лицо, если бы не глаза, один из которых был голубым, а второй больше первого и черного цвета.

– Отличный прыжок для дана, – сказал один из стариков у стены. – Ты совладелец этого корабля, незнакомец?

– Владелец, – весело ответил мужчина. – Судно, груз и все прочее принадлежат мне.

Послышался шепот. На присутствующих чужеземец явно произвел впечатление.

– Хорошая собственность, – с завистью в голосе заметил кто-то.

Мужчина пожал плечами:

– Это все мое состояние. Сейчас меня зовут Рой Богатый, но жизнь моряка непредсказуема. Год за годом она приучила меня быть Никем, и кто знает, может быть, когда-нибудь я снова стану Никем.

– Если ты потеряешь этот корабль, – сказал остролицый человек из задних рядов

толпы, – то станешь Глупым Роем.

Этот человек, видимо, занимал высокое положение, поскольку передние ряды сразу с уважением расступились, чтобы дать ему пройти. Рой увидел перед собой высокого мужчину с неприятной улыбкой, жесткими рыжими волосами и маленькими глазками.

– Я Хельги, – сказал он, – подданный короля Эрика. Что у тебя за груз? Если он мне понравится, мы можем заключить сделку.

– У меня красная ткань и вышитые одежды, – ответил Рой. – Еще топоры, щиты и много других кузнечных изделий. Мне нужны дорогие меха, шерсть и кожа. Если у вас есть золотые пряжки или кольца, король Дании купит их у меня.

– Я купил часть меха из королевской дани с севера, – сказал Хельги, – и продам ее за те вещи, которые ты назвал. Еще у меня есть местная шерсть и овечьи шкуры. Поехали со мной. Заглянешь в мои кладовые. Если товары тебе подойдут, я возьму весь твой груз.

Рой отправился с Хельги через весь город, рассказывая ему по дороге про свои товары. Дом оказался большим, с просторным двором и служебными постройками.

– Все это будет твое, – сказал хозяин, направляясь к одной из таких построек, – а я возьму твой груз. Хорошая сделка?

Рой посмотрел на товары и решил, что они гораздо дороже, чем его собственные. Он чувствовал, что это парень с острыми чертами лица себе на уме. Но возможно, набег викингов повредили ценные вещи, или людям короля требовалось оружие в какое-нибудь плавание. Рой решил лучше ничего не спрашивать, раз ему сделали такое выгодное предложение.

– Но сначала ты должен привезти мои товары, – сказал он. – Мне же нужно разгрузить корабль, а у тебя есть свободные помещения.

– Завтра я приведу своих людей на пристань, – согласился Хельги. – А потом привезу свои товары, чтобы ты погрузил их. Сколько дней тебе потребуется?

– О, четыре или пять, – беззаботно ответил Рой. – Мы должны вымыть трюм и заготовить свежую провизию. Всегда нужно что-то отремонтировать, и, кроме того, моим людям нужен отдых. Лучше даже шесть дней.

– Четыре, – сказал Хельги. – По правде сказать, я купил много шерсти, и мне тоже нужны помещения.

– Очень хорошо, – согласился Рой, не желая срывать такую сделку. – Пусть четыре, хотя я не знаю, успею ли управиться.

Конечно, прошло шесть дней, когда все товары с корабля были перевезены, и Рой нашел время прийти к Хельги и сказать, что матросы придут за товарами завтра. Он был убежден, что хозяин ожидал этого, поскольку моряки никогда не считались пунктуальными, а назначенное время было уж слишком маленьким. Когда Рой вошел во двор Хельги, он вдруг обнаружил его пустым. Двери кладовых были распахнуты, и Рой вошел в одну из них. К его смущению, внутри оказалось совершенно пусто, кроме нескольких клочков грязной шерсти и пары тараканов как раз на том месте, где они недавно стояли с Хельги.

Рой осторожно наступил на одного из них и задумчиво проследил, как второй скрылся в щели пола. Наконец, не придумав ничего лучшего, он беспечно улыбнулся и вышел во двор. В задней части дома находилась маленькая комната, где Хельги сидел со своими друзьями или заключал сделки. Рой знал об этом и, насвистывая, направился туда.

В комнате с Хельги сидели четверо или пятеро человек. Рога были наполнены элем. Хозяин оторвался от своего и расхохотался.

– Привет, Рой Богатый, – насмешливо произнес он и посмотрел гостю прямо в глаза.

– Глупый Рой, – раздался голос откуда-то сзади, и все захохотали.

Рой продолжал улыбаться и молчал.

– Где мои товары? – спросил он наконец.

– Товары? – эхом отозвался Хельги. – У тебя есть корабль, а о товарах я ничего не слышал.

– Как это?

– Я вывез свои товары из кладовых в назначенный день, – пояснил Хельги. – С тех пор ты сюда не приходил, поэтому я сложил их на земле. Но мне не хотелось оставлять их там, чтобы все разворовали, поэтому я завез их обратно. Ну а раз ты не выполнил условия сделки, все товары мои.

– И королевский закон, несомненно, позволяет это? – с сарказмом спросил Рой. – Неудивительно, что ты богат.

– Не трогай короля, – огрызнулся Хельги. – Неприятности принес тебе закон. В Швеции человек должен защищать свои товары. Если он оставляет их без присмотра, соблазняя воров, мы называем это преступлением. Королевские суды переполнены штрафами, но я благородный человек и могу оплатить твой в обмен на прекрасный новый корабль.

– Благодарю, – ответил Рой. – Очень любезное предложение. Вижу, что вряд ли я разбогатею в Швеции.

С этими словами он, улыбаясь, ушел. На душе у него лежала огромная тяжесть. Рой решил, что его вызовут в суд через день или два. Если он выйдет в море вечером, ему удастся спасти корабль, но нельзя же было терять груз. Также неразумно для моряка было позволить облапошить себя королю Швеции. От дома Хельги за ним шли два человека, но Рой их не заметил. У него на поясе висел хороший кинжал, и кругом было полно свидетелей на случай, если произойдет нападение в центре города.

Вдруг Рой услышал позади топот и обернулся. Один человек исчез, а другой столкнулся с ним и схватил его за пояс.

– Стой, вор! – крикнул он. – Отдай мой нож!

Незнакомец отнял бы кинжал, если бы Рой не оттолкнул его. Человек отлетел назад, тяжело сел на ступени и даже не сделал попытки подняться, а только лежал в пыли и кричал. Вокруг начала собираться толпа.

– Держите этого человека! – кричал незнакомец, указывая на Роя, который стоял и молча смотрел на него.

Никто не прикоснулся к моряку, но люди обступили его. Противник поднялся и стал отряхивать со своей одежды пыль.

– Вы все знаете меня, – начал он. – Я Торгильс...

– Брат Хельги, – предположил Рой, обратив внимание на рыжие волосы и маленькие голубые глазки.

– Вы все знаете меня, – повторил Торгильс. – Этот злодей украл мой кинжал и пояс, который я купил в Англии пять лет назад. На следующий год в Нормандии его у меня украли. Но теперь я получу его обратно, а вора нужно осудить.

– Ты добьешься справедливости, – ответил Рой. – Это я пойду в суд. А мой кинжал останется у меня.

С этими словами он пошел дальше, а добившийся своего Торгильс отпустил его.

В глубокой задумчивости Рой двинулся вниз по улице, поскольку понимал, что его защита опирается лишь на его собственное слово. Торгильсу поверят скорее, чем чужеземцу, и он мог привести друзей, которые поклянутся, что узнали нож. Рой так глубоко погрузился в раздумья, что не заметил, как повернул за угол и столкнулся с еще одним рыжеволосым человеком. Оба на мгновение замерли и посмотрели друг на друга. Затем рыжеволосый бросился на Роя и схватил его за горло.

– Вор, грабитель! – громко завопил он. – Отдай мой глаз!

Незнакомец стал трясти моряка изо всех сил.

Когда Рой пришел в себя, вокруг снова собралась толпа, и рыжеволосый отпустил его.

– Вы все знаете меня, – начал он в свою очередь. – Я Торир, брат Торгильса, а этот человек украл мой глаз.

Рой взглянул на Торира. У него действительно был один глаз, и тоже голубой.

– Я встречал его раньше, – сказал рыжеволосый, указывая толпе на Роя. – Он приплыл торговать в Самсей из Дании и был одноглазым, а потом сговорился с какими-то колдунами,

чтобы лишить меня глаза. Видите, у него мой глаз. Он даже не подходит второму, черному.

Это было странное обвинение, но никто еще никогда не видел человека с разными глазами. Наступила тишина.

– Королевский суд решит, я думаю, – заметил Рой.

– Да, и очень скоро! – крикнул Торир. – Кара правосудия настигнет человека, укравшего мой глаз.

– Тяжелые обвинения летают сегодня в воздухе. – Рой пожал плечами и направился на свой корабль.

На следующее утро Роя, в красном платье, с золотой лентой в волосах, видели как ни в чем не бывало направлявшимся к городским воротам. Он здоровался со многими знакомыми, но те сухо отвечали ему и уходили. Пара мальчишек хихикала над ним, а когда моряк проходил мимо них, до его ушей донеслось слово «глупый». Рой не придавал этому значения, а про себя подумал: «Они не посмели бы, если бы не считали меня уже осужденным».

Так он подошел к городским воротам, а когда проходил через них, девушка, несущая воду, рассмеялась ему в лицо. У нее был широкий рот, вздернутый нос, и вообще она не отличалась красотой, несмотря на роскошные золотые волосы. Тем не менее на сердце у моряка полегчало, и он немедленно решил, что никогда еще не видел столь милой особы.

– Доброе утро, прекрасная дева, – произнес Рой, преградив ей путь.

– Доброе утро, Глупый Рой, – язвительно ответила девушка.

Моряк вздохнул.

– Возможно, это имя правильное, – признал он. – Но что ты знаешь о моем случае?

– Моего отца зовут Судьей. Он самый мудрый человек во всей округе. О тебе в городе ходят слухи. Говорят, что дела твои так же хороши, как у мертвеца.

– Разве тебе меня не жалко? – спросил моряк, подойдя ближе.

– Жалко, – согласилась девушка, все еще улыбаясь. – Но я слышала, что ты очень глуп.

– А твой мудрый отец может помочь глупцу?

– Не знаю. – Девушка вдруг стала серьезной. – Мой отец не любит этих трех братьев, но не больше, чем датчан. Сомневаюсь, что он станет говорить с тобой, если ты попросишь у него совета.

– Думаю, я должен попытаться, – сказал Рой.

– Нет, подожди. У меня есть идея получше. Ты можешь пойти за мной, но так, чтобы никто этого не заметил?

– Доверься мне.

– Тогда смотри, через полчаса мы подойдем к маленькой двери. Ты увидишь, как я войду внутрь. Потом я проведу тебя в свою комнату, она находится над большим залом, спущусь к отцу и задам ему несколько вопросов. А ты сможешь все услышать.

– Дева, – пылко произнес Рой, – тебе никто не говорил, как ты прекрасна?

– Нет. – Девушка вспыхнула, сказав чистую правду. Мужчины чаще называли ее умной.

Час спустя она не дыша от страха провела Роя в маленький коридор. Моряк бесшумно последовал за ней, понимая, как сильно она рисковала.

Комната девушки в небольшой мансарде была заставлена парой ткацких станков и шкафами. На полу лежала куча шерсти. Очевидно, у хозяйки было много домашней работы. Рой, спрятавшийся за шкафом, подумал, изобрела ли девушка способ так же незаметно выводить посторонних из дома. «Она очень сообразительная, – успокаивал он себя, – и все придумает». Моряк гнал от себя тревожные мысли и вслушивался в разговор, который доносился снизу.

– Итак, ты встретила Роя, – произнес густой бас.

– Да, и он мне понравился.

– Но он глуп, – сказал мужчина.

– Не думаю, – ответила девушка. – Его случай очень трудный, и даже ты, папа, на его месте не выпутался бы.

– Глупости! – сердито ответил ее отец. – Хельги пытается обмануть Роя с товарами. Это совершенно ясно, даже если он имеет ряд преимуществ с точки зрения закона. Рою не трудно было бы повернуть дело в свою сторону и отобрать у обманщика и товары и честь. Хельги понимает это и потому высылает двух братьев с обвинениями, которые моряк не сможет опровергнуть.

– В этом-то и беда, – согласилась девушка. – Что Рой может сделать с человеком, который утверждает, будто он украл у него глаз? К тому же я часто слышала от тебя, что король благоволит к братьям. Значит, он скорее поверит им. Такое отношение не поможет Рою отвести от себя их обвинения.

– Нет, – сказал ее отец. – Ему это никогда не удастся. Но я скажу тебе, как ему нужно отвечать...

Видимо, девушка говорила с отцом о Рое и после его ухода. Моряк встретил Судью на следующее утро у городских ворот в окружении большой компании. Хотя старик был довольно угрюм, но все-таки позволил Рою ехать вместе с ним и появился на собрании на стороне моряка. Когда король сел на трон, отец девушки занял место напротив и вызвал трех братьев, чтобы они предъявили Рою свои обвинения.

Сначала поднялся Хельги и изложил королю свой случай. Он выразил притязания на все товары и даже стал утверждать, что сам король имеет обвинение против чужеземца.

Слушая эту историю, монарх нахмурился, стал поигрывать своим золотым перстнем и наконец сказал:

– Совершенно ясно, что это трюк, Хельги, но, похоже, закон на твоей стороне. Думаю, ты можешь хорошо заработать, если дела так пойдут и дальше. Это правда, Рой?

Моряк поднялся со скамьи и вышел вперед.

– Правда, – сказал он, как всегда улыбаясь. – Но не вся. Хельги сам нарушил наше соглашение, которое заключалось, как вы сейчас от него слышали, в том, что он должен был вывезти абсолютно все содержимое своих кладовых для меня. Теперь я и забираю все, включая моль, червяков или тараканов и любую другую ползающую тварь. Их он из кладовых не вынес, значит, сделка уже недействительна. Более того, Хельги сам находился в кладовой, когда заключал со мной сделку, а значит, тоже принадлежит мне. Правда, он недорого стоит, – насмешливо сказал Рой, указывая на своего противника. – Но я могу заставить его работать или продать мои товары на каком-нибудь базаре. Это требование, король, и я прошу у тебя справедливости.

– Думаю, – король с мрачной улыбкой повернулся к Хельги, – Рой не такой уж глупец, каким все его считают.

– Он хорошо защищается, – заметил Судья, – но мы должны послушать, что он скажет на обвинение Торгильса.

– Верно, – согласился король и вызвал второго истца, который поклялся под присягой, что у него украли кинжал в Нормандии, а также обвинил в этом Роя.

– Обвинение серьезное, – произнес король, поворачиваясь к моряку. – Торгильсу мы доверяем. Что ты ответишь ему?

– Только то, что эта история – совершенная правда, – ответил Рой. – Он потерял свой кинжал в Нормандии, и вот как это произошло. Я родился в Дании, как вы знаете, и у меня был младший брат, очень способный мальчик, которого я взял с собой в Нормандию, когда ему было всего двенадцать лет. Ему нравилось торговать, и я поручал ему небольшие дела, потому что надеялся со временем сделать его своим помощником. Однажды, отправившись выполнять мое поручение, он шел через лес и встретил большого мужчину с прямыми волосами. Они стали торговаться. Мальчик имел неосторожность показать кошелек. Так или иначе, но человек сбил его с ног, взял деньги и убежал. Люди видели, как парень торопливо выбежал из леса, но когда вошли туда, то нашли моего мертвого брата. Деньги пропали, но этот кинжал и пояс он сжимал в своих руках. Так Торгильс и потерял его в Нормандии. Теперь я, в свою очередь, требую суда над убийцей моего брата и грабителем.

– Наказанием за такие страшные преступления является смерть, – на всякий случай

заметил Судья.

– Подождите! – подпрыгнул на месте Торир. – Этот грабитель заслуживает не такого суда. А как насчет моего глаза?

Он рассказал свою историю и закончил так:

– Король, хотя этот случай выглядит странным, я рассчитываю, что ты веришь мне. Мы с братьями давно служим тебе и много раз оказывали тебе услуги. Мое слово, конечно, стоит дороже, чем слово этого чужеземца, который к тому же может оказаться грабителем.

– Да, странная история, – сказал король, – но я слышал вещи и более удивительные. Рой, что ты ответишь на это?

– Ничего не могу ответить, – сказал Рой, – кроме того, что он совершенно верно говорит. Его слово весит гораздо больше, чем мое, и под присягой мне негоже обвинять его во лжи. Но я сделаю ему предложение, и оно откроет правду.

– Какое? – спросил король.

– Пусть люди выколуют мой глаз и глаз Торира, положат их на весы. Если выяснится, что их вес равен, то глаз принадлежит Ториру. Если же нет, то, значит, он мой.

– Я не согласен! – крикнул Торир и в ужасе представил, что может лишиться единственного глаза.

– Значит, ты лжешь, – сказал Судья, поднимаясь. – Итак, к чему мы пришли? Вы, братья, сговорились разорить Роя и выставить его всем на посмешище. Вы лгали и обманывали слишком часто, и теперь король не может доверять вам. Мое мнение такое: приговор вам вынесет Рой.

Король молча кивнул.

Тогда Рой сказал:

– Я приговариваю Торгильса и Торира к смерти, потому что они хотели этого для меня. Хельги я приговариваю к изгнанию со смертельной болью в душе. Его товары я забираю себе за те раны, которые он мне нанес.

– Да будет так, – произнес король и покинул трон, чтобы не видеть, как арестовывают его бывших любимцев. А Рой поскакал домой вместе с Судьей и по дороге попросил руки его дочери.

– Я вижу, что ты должен жениться на ней, – согласился тот, – или я никогда не узнаю, как ты воспользовался советом, который я дал ей вчера утром.

История кровной вражды Гуннар с Речного Склона

Халльгерда

На десятой неделе лета в Исландии на площади собраний царило радостное оживление. Землевладельцы прибыли из своих местностей, одевшись в парадные одежды, в сопровождении многочисленных родственников. Узкая дорога к площади была запружена людьми. По ней ехал Гуннар с Речного Склона. Он направлялся к своему родственнику Рангриверу, который остановился лагерем у озера. Слуги, лениво мывшие лошадей или чистившие упряжь, стали дергать друг друга за рукава, указывая на высокую фигуру в ярко-красных одеждах.

– Видите его? Это Гуннар с Речного Склона, самый красивый мужчина на севере.

Женщины выглядывали из шалашей или сплетничали, сидя на покрытом травой берегу. Многие мужчины везли с собой жен и даже дочерей, поскольку на собрании можно было сладить хорошие свадьбы. Девушки радостно улыбались Гуннару, восхищаясь его свежей кожей и светлыми волосами. «Он лучший стрелок из лука в Исландии, – говорили они друг другу. – Он может прыгнуть выше своей головы в доспехах, и никто не может сравниться с ним в состязаниях. У него самая милая улыбка и самое благородное сердце».

Девушки печально вздыхали, когда Гуннар проезжал мимо них, поскольку он их

совсем не замечал.

Гуннар медленно ехал, здороваясь с многочисленными знакомыми, наслаждаясь солнечной погодой и радуясь возвращению домой. Когда он проезжал мимо хижин людей из Мосфелля, с ним заговорила женщина:

– Добрый день, Гуннар с Речного Склона.

– Я вижу, ты знаешь мое имя, – ответил Гуннар, остановившись.

Женщина была очень красива. Густые локоны потоком ниспадали на ее красное платье и вились золотыми кольцами у талии.

– Я спрашивала про тебя, потому что искала новостей из Норвегии. А ты приехал издалека.

– Новости из Норвегии? – поразился Гуннар.

– Расскажи мне о новом короле Хаконе. Кто теперь его любимцы и что стало с людьми Харальда? Действительно ли король несправедлив, как про него говорят, или просто жесток с врагами, как и подобает великому властителю? Как живут в Норвегии землевладельцы, подчиняются ли королю?

– Почему тебя так интересуют короли? – удивленно спросил Гуннар. – Ни одна женщина не задумывается о таких вещах.

– Гуннхильда, последняя королева-мать, правила Норвегией за своего сына. Если она могла думать о таких вещах, почему я не могу о них подумать?

– Из тебя бы тоже получилась великая королева, – в восхищении сказал Гуннар, пораженный статью женщины и яркой красотой ее лица.

– Получилась бы, – согласилась она, – если бы злая судьба не сделала меня дочерью землевладельца в Исландии, где люди предпочитают беспорядок королям. Я уже дважды вдова, но так и не встретила подходящего человека. Могу удовлетворять свое любопытство только разговорами с путешественниками, как сейчас.

– Давай посидим у реки. Там мы сможем поговорить подольше, – продолжил Гуннар, восхищаясь незнакомкой все больше и больше.

В течение дня их беседа перекинулась от Норвегии к Дании и вернулась к домашним делам в Исландии. Гуннар был восхищен знаниями женщины, точности ее замечаний. Больше всего его потрясла ее ошеломляющая красота. Непомерная гордость женщины была украшением к пышному платью и смягчалась в глазах Гуннара ее обхождением.

– Как тебя зовут? – спросил он наконец, когда в разговоре наступила пауза.

– Халльгерда, дочь Хёскульда, – ответила женщина.

– Я не король, – произнес Гуннар, – но богат и не уступлю ни одному мужчине в Исландии в беге, стрельбе и плавании, а если понадобится, и в бою. Если я попрошу твоей руки, согласишься ли ты? Ведь Хёскульд, твой отец, может отказать мне, потому что я долгое время был в ссоре с твоим дядей Хрутом.

– Хрут не друг мне, – со злобой ответила Халльгерда. – Когда ты услышишь, что он говорит обо мне, возможно, и ты изменишь свое мнение.

– Нет, если я получу твое согласие.

– Ты его уже имеешь, – ответила женщина.

Хижина Хёскульда оказалась длинным низким строением с земляными стенами и с крышей, покрытой свежей сосновой корой. В ней стояли грубо сколоченные скамьи вдоль стен. Хёскульд и Хрут были худыми людьми с заостренными чертами лица, очень похожие друг на друга, несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте. У седовласого и светлоглазого Хёскульда движения были неуверенными, как у человека со слабым зрением. Младший брат Хрут был энергичнее, он мог бы казаться красивым, если бы не темная кожа.

Братья вежливо, но без особого удовольствия поздоровались с Гуннаром. Пока Хёскульд говорил о погоде и делах в собрании, принесли эль. Хрут отделялся скупыми короткими фразами. Гуннар с трудом сдерживал себя, не отвечая на дурное обращение.

– Что бы ты подумал обо мне, если бы я попросил у тебя руки Халльгерды? – вдруг спросил он Хёскульда.

Отец Халльгерды поставил кубок с элем на край стола и несколько секунд колебался, пытаясь справиться с растерянностью.

– Я бы подумал... ну... об этом, – с сомнением в голосе пробормотал он. – Что скажешь, родственник?

– Он нам не подходит, – сразу отозвался Хрут и сделал резкий жест, чуть не плеснув элем в сторону гостя.

Гуннар вспыхнул от негодования.

– Не думаю, что ты хочешь возобновить наш старый спор, – дрожащим от ярости голосом сказал он.

– Мой брат только имеет в виду... – начал было Хёскульд.

– Я имею в виду, – решительно перебил его Хрут, – что Гуннар – человек безупречной репутации, чего не скажешь про Халльгерду.

– Ты должен объясниться, – заявил Гуннар, обеспокоенный таким поворотом дела.

– Пожалуйста. Во-первых, у Халльгерды отвратительный характер.

– Она очень отважная женщина, – сказал ее отец.

– Я заметил, – проговорил Гуннар. – И это все?

– Первый муж был убит ее старым преданным слугой, – злорадно продолжил Хрут. – Говорили, это она подговорила его.

– Серьезное обвинение, – пробормотал Гуннар. – А какова правда?

– Халльгерда была сумасбродкой и не выносила критики в свой адрес. Произошла ссора, и муж ударил ее. Слуга, видевший эту сцену, на следующий день убил его.

– Почему же обвиняли Халльгерду? – удивился Гуннар, который всегда считал Хрута грубым и опасным малым и не придавал особого значения его мнению.

– Ты не знаешь Халльгерду. К тому же потом она защищала слугу.

– Как могло быть иначе? Ведь он убил ради нее.

– Но и это еще не все, – злорадно сказал Хрут, наклоняясь к гостю. – Все повторилось снова.

– Ты хочешь сказать?.. – Голос Гуннара оборвался.

– Я хочу сказать, что она снова вышла замуж и ее второй муж был убит тем же слугой, хотя на этот раз Халльгерда разозлилась и позволила казнить убийцу.

Гуннар был по-настоящему озадачен. На такое он не рассчитывал и теперь в смущении молча смотрел на торжествующего Хрута.

– Этот слуга воспитал ее и был как отец Халльгерде, – не поднимая глаз, торопливо вступил в разговор Хёскульд. – Когда он постарел, его характер стал таким ужасным, что никто не мог вытерпеть старика в доме. Только Халльгерда находила с ним общий язык. Поэтому он и не одобрял ее замужеств. Я уверен, дочь любила второго мужа и не виновна в его смерти.

– С ней невозможно жить, – прошипел Хрут. – Она ужасна. Даже когда Халльгерда была маленькой девочкой, я видел, как она воровала у своих подружек прямо на моих глазах.

– Неправда! – взвизгнул Хёскульд.

– Правда, братец. – Хрут ударил кулаком по столу. – Мы спорили с тобой пятнадцать лет, и уверяю тебя, я все видел своими глазами.

– Зачем вспоминать старое? – устало вмешался в разговор Гуннар. Он питал одинаковое отвращение и к слабости отца, и к ненависти дяди. – Верно, Халльгерда вам непонятна. Я богат и могу выносить ее капризы. Мне нравится ее независимая гордость. Она женщина с характером, но, если это вызывает между вами ссору, думаю, мы с ней ссориться не станем.

– Послушай моего совета, брат, – сказал Хрут. – Откажи ему.

– Вы оба давно затаили на меня злость! – горячо воскликнул Гуннар. – И хотите отплатить мне отказом на основании этих преувеличенных историй.

– Нет-нет, – быстро ответил Хёскульд. – Мы не держим на тебя зла. Если Халльгерда согласна, то я тоже.

– Ничего хорошего из этого не получится, – самодовольно заявил Хрут. – Я говорю это тебе по доброй воле.

– Постараюсь так думать, – холодно ответил Гуннар, поднимаясь со своего места.

Воровство

Через несколько лет после женитьбы Гуннара и Халльгерды в Исландии ничего не уродилось, затем последовали суровая зима и дождливое лето. Все сено погнило. Задолго до окончания новой зимы во многих домах стали кончаться продукты и корм для скота. Мелкие землевладельцы стали обращаться за помощью к крупным. Самым состоятельным из них был Гуннар с Речного Склона. Сам он был добрым человеком, и его щедрость как нельзя кстати подходила гордости Халльгерды. Но постепенно Гуннар сам стал нуждаться и, в свою очередь, обратился к хозяевам, которые оказались более бережливыми.

Откель из Церковного Двора, к которому он пришел первым, был грубоватый парень, который давно с ревностью относился к славе Гуннара.

– Тебе нужны мясо и сено? – усмехнулся он. – Жаль, что ты напрасно приехал. Для продажи у меня ничего нет.

Гуннар уже думал уехать назад.

– Извини, сосед. Трудные времена настали для нас. Я слышал, что у тебя есть запасы, а иначе не стал бы тебя тревожить, – продолжил он.

– У меня есть запасы, – подтвердил Откель, – их больше чем достаточно, но я не хочу их продавать.

– Тогда дай мне их взаймы, если тебе так больше нравится, – легко сказал Гуннар. – Уверю тебя, ты внакладе не останешься.

– Я ничего не даю попрошайкам, – резко ответил Откель, встав на пороге. – У меня хозяйство меньше, чем у некоторых, но я знаю, как им управлять, чтобы не становиться должником соседей.

– Оно сослужит тебе хорошую службу, – сказал один из людей, стоявших за спиной Гуннара, – если мы заберем твои продукты силой и оставим тебе деньги.

– Оставьте лучше меня в покое! – закричал Откель и отступил, когда толпа сделала шаг к двери. – У меня хорошие связи с Моссфеллем, который знает, как защитить меня от грабителей.

– Оставьте его, – твердо сказал Гуннар. – Человек имеет право на свои товары и на дурную славу, которую он зарабатывает своим поведением. Раз он отказывается продавать, мы можем возвращаться домой.

– Кто сказал, что я ничего не продам? – возмутился Откель. Его самообладание вернулось к нему, поскольку он увидел, что Гуннар не причинит ему вреда. – Как я могу отказать великому правителю Речного Склона? Можешь даже купить этого раба, если хочешь. Дешево. – Откель указал на неуклюжее существо, которое в нерешительности переминалось с ноги на ногу за сложенными в зале бревнами.

– Кто это? – спросил Гуннар, пораженный жалостью к бедняге.

– Мелкольв, ирландский мальчик, которого я купил у своего брата. Мы заставляем его работать, но он глуп, и ты можешь забирать его. Маленькие люди, как мы, должны экономить, в то время как еще один рот в твоём доме не будет иметь особого значения. – Откель радостно захихикал.

– Я куплю этого человека, – заявил Гуннар, которому было жаль оставлять раба такому хозяину. – Позови его, и я уеду.

– Это не по-дружески, – возразил Откель, снова ухмыляясь. – Разве ты не войдешь и не поделишь мой скромный обед? У меня есть мясо, масло, сыр, хотя у таких состоятельных людей, наверное, всего этого полно и дома.

Гуннар бросил деньги за раба на снег под ноги Откелю и уехал.

– Оставьте его в покое, – сказал он своим спутникам. – Это маленький человек, а такие

люди иногда обладают скверной душой.

Гуннар прискакал домой в Речной Склон и раздобыл продукты. Но история о поведении Откеля облетела округу, и о ней пошло много разговоров.

– Ты должен убить его, – с негодованием сказала мужу Халльгерда. – Я всегда считала тебя малодушным глупцом, но никогда не думала, что ты спокойно воспримешь такое оскорбление.

– Жена, – сказал Гуннар, – ты говоришь слишком много об убийстве. К счастью, ты ссорилась с моими друзьями, а не с такими людьми, как Откель, у которого, похоже, большие связи. Ругайся со мной дома, но позволь мне управлять внешними делами.

– О, с тобой нет смысла говорить! – воскликнула она. – У тебя нет чувства собственного достоинства.

Гуннар пожал плечами и вышел. Такие сцены давно стали обычными, и если он не мог сдерживать Халльгерду, то, по крайней мере, избегал открытой войны.

– Хрут был прав насчет ее характера, – бормотал он себе под нос. – И все-таки я не вижу, чтобы она могла причинить какой-то вред.

Пришло лето, а с ним и надежда на хороший урожай. На пастбищах появилась трава, а потом и мясо, хотя кладовые по-прежнему пустовали. Гуннар поехал на собрание, обещав привезти с собой компанию друзей. Как только он скрылся из виду, Халльгерда послала за рабом Мелкольвом.

– Ты хорошо знаешь дом Откеля. Где у него кладовая? – спросила она.

– Во дворе рядом с кухней, – пробормотал раб.

– Отлично, – сказала Халльгерда. – Теперь слушай меня. Я дам тебе двух коней. Ты поскачешь к Откелю и с наступлением темноты нагрузишь их. Разбросай при этом вещи, а когда будешь уходить, подожги все. В суматохе никто и не заметит пропажу.

– Я не вор! – с достоинством крикнул Мелкольв. – Не хочу выполнять такое поручение.

– Я убила мужчин получше тебя, – огрызнулась Халльгерда. – Никто не станет искать тебя, кроме мужа, но он будет рад, что я убила своего раба, а не соседского.

– Я пойду, хозяйка, – торопливо согласился раб.

В тот вечер он поскакал на Церковный Двор. Рано утром мальчик вернулся со свертками масла и сыра, которые Халльгерда спрятала в свою пустую кладовую.

– Ты поджег постройку? – спросила она.

– Да, хозяйка, все хорошо загорелось. Я видел отблески огня от реки, где остановился, чтобы починить обувь. Пламя взвилось высоко, а вокруг бегали люди. Я слышал их крики. Думаю, кухня тоже сгорела.

– Очень хорошо, – сказала Халльгерда. – Вижу, ты полезный человек. Ну, теперь Откель из Церковного Двора получил по заслугам.

Откель был потрясен потерей своих кладовых. Он посчитал, что пожар возник случайно, от искры, вылетевшей из кухни и попавшей в один из амбаров. Но днем к нему с пастбища пришел человек, сообщил о следах копыт у реки и принес кинжал и пояс Мелкольва, которые раб оставил, когда чинил обувь.

– Я узнаю этот нож! – вскрикнул Откель. – Он принадлежит Мелкольву, которого я продал Гуннару... Гуннару... Почему единственный человек Гуннара, который знает, где находятся мои кладовые, появился здесь в ночь пожара?

Он бросился на пепелище и стал бегать вокруг него. Строения были полностью разрушены, и хозяин не мог найти многого, но убедил себя и без доказательств.

– Кладовую сначала обокрали, а потом подожгли, – заявил Откель.

– Если мы сможем свалить это на Гуннара, – сказал его друг Скамкель, – то ославим его на всю Исландию, как вора.

– Для этого нам нужны доказательства, – ответил Откель, выпрямляясь и потирая брови испачканной пеплом рукой. – Все случившееся понятно, но для суда у нас ничего нет.

– Слушайте меня, – сказал Скамкель, – и скоро у нас будут все необходимые доказательства. Я знаю людей Гуннара. Они любят поиграть в великодушные, раздавая еду

прямо у дверей дома. Пошли туда бродяг и воров, чтобы они принесли оттуда что-нибудь. Если хорошо сделать дело, можно будет выгнать Гуннара из страны.

Через несколько дней Гуннар вернулся домой с собрания с большой компанией. Халльгерда не могла удержаться и выставила на стол лучшие продукты.

– Где ты взяла масло и сыр? – удивленно спросил муж, поскольку знал, что ничего подобного в доме давно не было.

– Занимайся своими делами и оставь домашние заботы мне, – ответила Халльгерда, так как была уверена, что он не станет ссориться с ней в присутствии гостей.

– Где ты взяла эту еду? – громко крикнул Гуннар. Странные слухи о пожаре у Откеля уже распространились по округе, и, хотя никаких имен не упоминалось, ходили слухи, что соседские кладовые могут оказаться полными.

Халльгерда ничего не ответила, но Гуннар заметил на ее лице виноватое выражение. Он сделал два быстрых шага и ударил жену по щеке.

Халльгерда отпрянула назад, споткнулась о табурет и неуклюже шлепнулась на пол на глазах у гостей. Звук пощечины раздался в полной тишине. В этой же тишине женщина поднялась и отряхнула пыль со своего ярко-синего платья.

– Два человека умерли за меньшее, чем пощечина, – четко проговорила она. – Можешь быть уверен, я припомню этот удар, даже если ждать придется двадцать лет.

– Уберите эту еду со стола! – крикнул Гуннар слугам, повернувшись спиной к жене. – Наши гости извинят меня за скудное угощение, о котором я предупреждал их по дороге.

Масло и сыр унесли со стола. Их заменило копченое мясо, которого у Гуннара было в достатке.

– Принесите эля, – приказал хозяин. После этой команды языки развязались, и мужчины начали громко разговаривать обо всем на свете, кроме еды.

На следующий день Откель и Скамкель сидели на сыроварне и укладывали сыр в формы, которые Откель позаимствовал у жены. Халльгерда продолжала строить из себя благородную леди, и бродяги принесли необходимые доказательства.

– Он наш! – крикнул Скамкель. – Этот сыр точно подходит под нашу форму, и совершенно ясно, что его сделали в ней.

– Надо за это выпить, – с радостью ответил Откель. – Я пожертвую дюжину таких кладовых, чтобы насолить этому гордецу Гуннару. Его славе великого в нашей округе будет положен конец.

В сыроварню вошел слуга:

– Гуннар с Речного Склона во дворе, хозяин. С ним толпа людей. Он только что слез с коня.

Откель отбросил форму для сыра в сторону и вскочил.

– Спокойно, спокойно, – сказал его друг. – Не надо торопиться. Уже точно доказано, что Гуннар вор и должен ждать, когда ты выйдешь к нему.

– Верно, – согласился Откель. – Скажи ему, что я сейчас приду.

Когда он наконец появился во дворе, его встревожило то, что слуги провели Гуннара в дом и теперь ему придется выпивать с гостем. Но Гуннар не заставил хозяина долго ждать объяснений.

– Сосед Откель, – начал он, – я узнал, что моя жена обокрала тебя с помощью ирландского мальчика. Прошу тебя, поверь, что я ничего не знал об этом, и Расскажи людям о том, что я принес тебе извинения.

– Прекрасное предложение, – сказал Скамкель через плечо друга. – Все в округе твои друзья, а не Откеля. Ты все хорошо рассчитал.

– Хорошо, – спокойно произнес Гуннар, но немного покраснел. – Могу я возместить твои убытки в двойном размере?

Скамкель пошептался с Откелем, и тот наконец сказал:

– Это честный поступок – возместить убытки, но я позволил бы сделать это только благородным людям.

– Мне нет дела до твоего советчика. – Гуннар холодно взглянул на Скамкеля. – Но если хочешь, можешь возместить свои убытки сам.

– Ничего подобного! – воскликнул Откель. – Я хотел бы сначала посоветоваться со своими двоюродными братьями Гейром и Гицуром, которые помогут мне довести это дело до суда.

– Если речь идет о суде, – сказал Гуннар, – ты можешь вспомнить, что у меня тоже есть друзья. Ты отказываешься от честного предложения, и если выдвинешь обвинение, то у меня найдутся свидетели, которые в состоянии доказать, что тобой движет только зависть. Не думаю, что тебе от этого будет большая польза.

На следующий год на тинге до того, как дело дошло до председателя, события стали развиваться, как и предсказывал Гуннар. Гейр и Гицур возмутились поведением Откеля и стали настаивать, чтобы спор был решен в пользу Гуннара. Тот открыто изложил факты, и Откелю самому пришлось возмещать потери от пожара да еще заплатить Гуннару за свою клевету. Обвиняемый поменялся местами с обвинителем. Гейр и Гицур потребовали от своего родственника, чтобы впредь он не смел мстить. Откель и Скамкель уныло побрели домой, и никто бы уже не вспомнил это дело, если бы не случай.

Убийство

Случилось так, что следующей весной Откель и Скамкель со своими шестью родственниками ехали в гости. Небольшая часть их пути лежала через земли Гуннара. Мужчины скакали рядом, и вдруг конь Откеля чего-то испугался и галопом понесся по пашне.

На другой стороне маленького холма Гуннар косил овес и, низко согнувшись над землей, просеивал зерна через сито. Он услышал стук копыт, но не понял, что кто-то сбился с дороги. Откель же, в свою очередь, не знал, что впереди кто-то есть, когда перемахнул через холм и увидел на своем пути Гуннара. Избежать столкновения было уже невозможно. Конь ударил Гуннара в плечо и повалил на землю, а шпора всадника порезала мочку уха и почти оторвала ее.

Откель в смятении остановился, а за ним прискакали его спутники, чтобы посмотреть, что случилось. Гуннар с достоинством встретил их. По его шее текла кровь.

– Сначала ты вызвал меня на суд, – сказал он, – а теперь сбил с ног на моей же земле. Скажи спасибо, что я мирный человек, хотя ты и пролил кровь. Это дает мне право убить тебя в любое время, если ты не принесешь извинения. Предупреждаю на будущее, держись от меня подальше.

– Смотрите, Гуннар дрожит от злости! – выкрикнул Скамкель, встав перед другом, который действительно был смущен происшествием и уже готовился извиниться.

– Действительно отличное зрелище! – воскликнул Откель, поддерживая приятеля.

– Убирайтесь, – сказал Гуннар, – вам повезло, что я не вооружен.

– О, мы уезжаем, сосед! – насмешливо проговорил Скамкель.

Он потянул за собой Откеля, и восемь всадников со смехом удалились.

Гуннар спокойно вернулся домой и перевязал рану. Сначала он не хотел никому ничего рассказывать, но потом решил, что лучше бы о происшествии стало известно во избежание дальнейших неприятностей. Тогда Гуннар обо всем рассказал, и многие возмутились поступком Откеля. Он ранил соседа и даже не извинился.

– Если бы это был кто-то другой, а не Гуннар, – говорили люди, – можно было бы подумать, что он испугался Откеля.

Через несколько недель Гуннар вышел со двора и увидел скачущего к нему галопом пастуха.

– Я видел восемь человек, подъехавших к броду через реку! – выкрикнул мальчик, натягивая поводья рядом с хозяином. – Четверо из них были в ярких одеждах, а другие в неокрашенных домотканых.

– Это Откель и Скамкель возвращаются со своими друзьями, – ответил Гуннар. – Спасибо за предупреждение. Я не забуду твою преданность.

– Это еще не все! – крикнул мальчик. – Скамкель и Откель рассказывают всем, как ранили тебя. По их словам, ты плакал от боли, как девчонка. Скамкель даже сложил песню об этом.

– Ну, это уж слишком! – в ярости воскликнул Гуннар. – Иди отдыхай. Ты выполнил свою работу. А теперь я займусь этим делом.

Гуннар оседлал коня и пошел в дом за оружием. Он взял щит, меч и копье, которое задрожало в его руке. В злобе Гуннар сильно ударил им в стену. Из комнаты вышла его мать.

– Что случилось, сын мой? – спросила она, с тревогой провожая Гуннара до двери.

Он оперся копьем о землю, вскочил на коня и стремительно поскакал вниз по склону холма.

Мать Гуннара вернулась в дом.

– Ты слышал удар копья? – спросила она. – Он ускакал с оружием и в доспехах. Боюсь, быть беде.

– Я поскачу за ним, – сказал брат Гуннара Кельслегг.

– Пришла пора Гуннару доказать свое мужество, – заявила Халльгерда.

Гуннар спустился к броду, как раз когда Откель со своими спутниками добрались до противоположного берега. Три женщины доили коров у реки. Две из них встали и увидели, как Гуннар привязал коня к дереву. Третья быстро сообразила, в чем тут дело, и побежала за помощью, чтобы остановить убийство.

Гуннар направился по дорожке, вымощенной плоскими камнями, которая вела к броду.

– Я здесь! – крикнул он Откелю. – Теперь мы проверим, может ли вся ваша компания заставить меня пролить хотя бы одну слезу.

Восемь человек спешили и бросились на Гуннара.

– Стой! – приказал он первому из них. – С тобой я не ссорился, но не пожалею никого, если мне придется сражаться за свою жизнь.

– Я не могу стоять в стороне, когда ты сражаешься насмерть со Скамкелем, – ответил другой и бросил в Гуннара большое копье.

Удар был таким сильным, что оружие пробило щит. Гуннар яростно отбросил его в сторону и бросился вперед, так размахивая своим мечом, что глаз не мог разглядеть лезвия. Меч пришелся нападавшему по запястью. Человек со стоном повалился на дорогу, под ноги остальным.

Там, где стоял Гуннар, дорога была узкой и земля по обочинам – неровной. Атаковать отсюда было трудно, но Скамкель забежал за спину противнику и поднял топор. Гуннар заметил это маневр, развернулся, поднял копье и подставил его под удар. Древко отразило удар топора. Тот вылетел из рук нападавшего и упал в реку. Мгновенно выпрямившись, Гуннар вонзил в Скамкеля копье, поднял врага над землей и бросил на дорогу. Люди оттащили умирающего Скамкеля в сторону. Тогда Аудольв из Эстерлинга бросил свое копье в Гуннара. Тот поднял руку, поймал его за древко и нанес ответный удар. Острие пробило щит Аудольва и вошло ему в грудь.

Когда Эстерлинг упал, Откель бросился вперед, нагнувшись, чтобы ударить Гуннара по коленям. У Гуннара не было времени отступить, он подпрыгнул и пронзил Откеля копьем сверху.

Позади Гуннара раздался громкий крик. Это его брат налетел словно ветер на одного из врагов.

– Отличный бой, брат! – крикнул Кельслегг. – Это пятый. Осталось еще трое!

Братья объединились против оставшихся троих врагов, которые были прижаты к реке. В это время женщина, которая убежала за помощью, добралась до двора ближайшего жителя и позвала его. Это был друг Откеля.

– Помоги, сосед Мёрд. Твой родственник Гуннар пришел сражаться с Откелем и его друзьями возле брода.

– Мне наплевать на тех, кто убивает и кого убивают, – мрачно ответил Мёрд, который ненавидел Гуннара и водил дружбу с Откелем и Скамкелем только ему назло. – Пусть дерутся.

Он повернулся спиной к женщине и вошел в дом, оставив ее во дворе.

Она отдышалась, стала выкрикивать проклятия в его адрес и снова звать на помощь. Мёрд закрыл ставни на окнах, чтобы не слышать ее криков. Все его люди в это время находились на работе, и он это прекрасно знал. Женщина чуть не задохнулась от крика, но никто на помощь так и не пришел.

А у брода схватка уже закончилась. Братья вымылись в реке и направились к коням, оставив на поле битвы мертвых. Гуннар вскочил в седло и поскакал домой. Кёльслегг следовал за ним более осторожно.

– Хорошая скачка, брат, – сказал он, когда Гуннар спустился по крутому склону и слез с коня, потому что дорога стала очень каменистой.

– Так сказал Скамкель, когда Откель сбил меня с ног, – тихо ответил Гуннар. – Они смеялись надо мной.

– Счет оплачен, – удовлетворенно сказал Кёльслегг.

Гуннар вздохнул.

– Брат, – произнес он, – почему об убийстве я думаю больше остальных?

Когда Гейр и Гицур узнали о гибели Откеля, Скамкеля и их шести друзей у брода, они не стали терять время и сразу обратились в суд. На тинге дело было решено в пользу Гуннара. Месть Откелю и остальным за рану, нанесенную шпорой, и насмешки была признана справедливой. Но все согласились, что Скамкель был ни в чем не виновен. Гуннар и его враги формально примирились, но многие предупреждали его, что они так это дело не оставят.

– Сын Откеля будет мстить, – сказал друг Гуннара. – Твой родственник Мёрд, который ненавидит тебя, окажет ему помощь. Многие поддержат его, поскольку помнят, что твоя жена обокрала Откеля. Тебе лучше жить тихо и избегать врагов, которые завидуют твоему богатству и славе.

– Из-за них я не изменю свои привычки, – возразил Гуннар. – Но если смогу, то буду избегать сына Откеля.

Последняя битва

Только три года спустя сын Откеля в открытую стал выражать свою ненависть к Гуннару. Хотя Гуннар процветал, как прежде, он понимал, что многие родственники убитых им людей хотят, чтобы у него появилось побольше врагов. Говорили, что Гуннара съедает его собственная гордость, а Халльгерда чересчур заносчива. Мужчины склонны быстро превращать споры в ссоры, и Гуннар, каким бы миролюбивым он ни был, никогда не отступал, когда считал себя правым. Когда сын Откеля решил, что пришло время для мести, ему не составило большого труда собрать единомышленников и организовать заговор.

На этот раз суд приговорил Гуннара к крупному штрафу и трехлетнему изгнанию.

Обвиняемый согласился с решением без единого слова протеста.

– Это правильный приговор, – сказал его управляющий, возвращаясь с ним после суда. – За три года страсти утихнут. А ты и раньше уезжал на такое долгое время.

– Тогда я был моложе, – грустно ответил Гуннар. – Ты присматривал за моим хозяйством, и оно процветало. Сейчас мои сыновья слишком маленькие, чтобы управлять Халльгердой, и горе грозит моим слугам, если она сможет навязать им свою волю.

– Этого можно избежать, – сказал его друг. – Будь уверен, я сделаю все, что в моих силах.

– Я оставлю тебе все необходимые бумаги, – вздохнул Гуннар, – но это очень тяжелая работа.

Он больше не стал обсуждать эту тему и спокойно поскакал домой вместе с Кёльсеггом, который сражался рядом с ним и тоже был приговорен к изгнанию.

Братья спокойно обсудили хозяйственные дела. Гуннар объехал множество отдаленных мыз, повидался с их владельцами и поблагодарил за верную службу. Из каждой поездки он возвращался с тяжелым сердцем, но на следующий день снова отправлялся в путь, потому что у него было много друзей, с которыми он должен был попрощаться перед отъездом.

Наконец наступил день, когда Гуннар отправлялся в изгнание. Его люди вышли во двор. Он на прощание обнялся с каждым, затем резко повернулся, вскочил на коня и не оглядываясь галопом поскакал за Кёльсеггом.

Когда братья грустно ехали вдоль берега реки, конь Гуннара споткнулся и сбросил хозяина. Кёльсегг остановился и тревожно посмотрел на брата. Гуннар медленно поднялся и повернулся к Речному Склону.

– На моих полях зреет урожай, – тихо сказал он. – Сено сохнет на лужайках вокруг моего дома. Скот пасется у маленького ручья, а ивы на его берегах серебрятся в лучах солнца. Всю свою жизнь я любил Речной Склон, но никогда он не казался мне таким далеким. Я никуда не поеду, Кёльсегг.

– Мы должны ехать, – сказал его брат. – В противном случае на тинге следующим летом Гейр и Гицур объявят тебя преступником. Когда тебя можно будет убить, не боясь наказания, твои враги соберутся вместе и нападут.

– Я не поеду, – повторил Гуннар. – У меня большое хозяйство. Слуги меня любят. Никто не посмеет напасть на мой дом. Если же они убьют меня, я, по крайней мере, буду знать, что должен был погибнуть в изгнании, но этого не случилось. Это подсказывает мне сердце, когда я оглядываюсь назад, на свои поля.

– Тогда я должен ехать один, – сказал Кёльсегг, – потому что поклялся сделать это и не нарушу свою клятву. Но, брат, я не уверен, что вернусь, поскольку предчувствую, что ты погибнешь.

Гуннар повернул своего коня обратно, а Кёльсегг поскакал к берегу, но оба ехали медленно, так как знали, что больше никогда не увидятся.

Гейр и Гицур были уважаемыми людьми и не испытывали личной ненависти к Гуннару. Однако, когда Гуннар не подчинился приговору, они решили, что должны покончить с враждой навсегда. Они объявили Гуннара нарушителем закона и собрали его врагов, всего сорок человек, которые намеревались напасть на него при первой возможности. Мёрд оказался доносчиком. Как ближайший сосед, он следил за Гуннаром и его приближенными.

Наконец, это было следующей осенью, он сказал, что пришла пора, потому что люди Гуннара разъехались по своим островам. Там накопилось очень много сена, и для его уборки требовались рабочие руки. Гуннар, видимо посчитав себя в безопасности в собственном доме, остался. Он думал, что об этом никто не узнает, но Мёрд все узнал с помощью некоторых слуг.

– Итак, – сказал он, – если убрать сторожевую собаку, можно окружить дом Гуннара и напасть на него.

Незадолго до рассвета банда убийц остановилась на размытой дороге, ведущей в Речной Склон.

– Ступай, Торкелль, – прошептал Мёрд, – схвати собаку и приведи ее сюда. Твоя жизнь зависит от того, залает она или нет.

Торкелль был мелкий землевладелец, который дружил с Гуннаром. Он часто приезжал к нему в гости. Мёрд с сообщниками взяли его с собой, чтобы Торкелль убрал хозяйскую собаку. Он подчинился, опасаясь за свою жизнь, и пошел по дороге, хрипло окликавая пса,

который спал во дворе:

– Эй, Сэм. Добрый Сэм.

Торкелль услышал рычание собаки и позвал ее снова. Животное потянулось, зевнуло и, узнав друга, пошло ему навстречу. Торкелль попятился, испуганно оглядываясь по сторонам.

Они вышли на дорогу, когда кто-то закашлял. Пес остановился и зарычал.

– Эй, добрый Сэм! – снова сказал Торкелль, ожидая в любую секунду получить удар копьём в спину. Со злобным рыком пес бросился на предателя и вцепился ему в горло.

Торкелль споткнулся и упал, но подбежавший на помощь человек зарубил животное топором. Пес упал на землю со страшным воем. Люди переглянулись.

– Быстро! К дому! – крикнул Гицур. – Если Гуннар слышал вой, он мог убежать.

Дом Гуннара представлял собой большой зал с колоннами. Над залом располагалась мансарда с узкими окнами, где спали Гуннар, его мать и Халльгерда.

Гуннар проснулся от странного воя и сразу понял, что его собака погибла. Он быстро поднялся, взял лук, копьё и встал в ожидании у окна.

Убийцы окружили дом, но держались на расстоянии, чтобы оставаться незамеченными. Они ждали, но все было тихо. Один человек подошел к Мёрду, стоявшему рядом с Гицуrom, и прошептал:

– Двери закрыты решетками, но в доме, кажется, пусто. Ты уверен, что Гуннар дома?

– Откуда я знаю? – резко ответил Мёрд. – Может, он передумал и поехал на острова со своими людьми.

– Позволь мне забраться на крышу пристройки, – мягко предложил человек. – Если мне удастся добраться до верхнего окна, я смогу заглянуть внутрь.

Остальные сели на землю, а доброволец осторожно отправился вперед и начал карабкаться на низкую крышу, на которую падала густая тень.

Гуннар услышал приглушенный звук, когда человек добрался до края и ухватился за балку над головой. Красный плащ дюйм за дюймом приближался к окну. Гуннар выбрал время и изо всех сил нанес удар. Человек с тихим всхлипом отпустил балку и рухнул вниз.

Сидевшие на земле, плохо видевшие разведчика в темноте, решили, что он просто потерял равновесие. Они смотрели, как человек поднялся и поковылял обратно к Гицуру.

– Ну, дома Гуннар? – спросил тот.

– Его копьё... дома, – выдохнул разведчик. – Остальное выясните... сами.

Он прижал руки к груди и упал на землю. Люди повскакивали с мест, подбежали к нему и в смятении обнаружили, что он мертв.

С яростными криками банда бросилась через двор к дому. Первый почти сразу упал, сраженный стрелой, а двое или трое споткнулись о его тело. Другой нападавший был ранен в плечо, еще один в руку, так что вся группа разбежалась по амбарам и пристройкам, чтобы найти под их крышами укрытие от стрел лучшего стрелка на севере.

Некоторые попытались предпринять второй штурм, даже произвели несколько выстрелов по узким окнам, но обе попытки провалились. Нападавшие не могли добраться даже до стены коридора, где могли скрыться от глаз Гуннара под низкой крышей. Никто не мог послать стрелу точно в узкое окно с такого расстояния. Но как только кто-нибудь из них высовывался из укрытия, его тут же поражал Гуннар.

– Мы должны сжечь дом! – крикнул Мёрд.

– Никогда! – возразил Гицур. – Это трусливый поступок для сорока мужчин, вышедших сражаться против одного.

– Тогда нам не остается ничего другого, как атаковать снова, – заметил Мёрд.

После этого наступила тишина.

– Смотрите! – вдруг крикнул Гицур. – Видите? Рука с золотым кольцом высунулась из окна и подобрала одну из наших стрел на крыше. У него кончаются стрелы, иначе Гуннар никогда бы не вышел из укрытия. Бежим к стене. Ему нечем стрелять.

Мужчины с громкими криками выскочили из сараев и пристроек. На этот раз они добрались до стены и укрылись от стрел, но по-прежнему не могли приблизиться к Гуннару,

поскольку защищавшая их крыша скрывала и его. Выйти же на нее означало верную смерть.

– Дайте мне подняться! – крикнул наконец человек по имени Торбранд.

Он прислонил к стене доску, быстро взбежал по ней и оказался на крыше.левой рукой Торбранд ухватился за стену для равновесия, а правой, в которой был меч, слепо ударил в окно, за которым стоял Гуннар. Тетива на луке Гуннара лопнула. Он бросил бесполезное теперь оружие, схватил копье и пронзил им противника. Тот упал с крыши.

Когда Торбранд упал, его брат Асбранд взбежал по доске и прыгнул на покатую крышу. Гуннар тоже встретил противника копьем, но у того был щит, которым он отразил удар и вцепился в балку. Копье все же пробило щит и попало в грудь Асбранду. Он упал на своего брата, и некоторое время под стеной царила тишина.

Гуннар на мгновение отвернулся от окна и оглядел комнату. Его мать лежала на кровати в углу, а Халльгерда застыла у стены. Гуннар был ранен в руку и бок, но двигался свободно. Стрелы лежали перед ним, а лук с порванной тетивой валялся там, где его бросил хозяин.

– Халльгерда, – произнес Гуннар, подумав даже в этот напряженный момент о красоте ее голубых глаз и длинных локонов, спадавших на колени. – Халльгерда, дай две пряди своих волос и помоги матери сплести из них тетиву.

Пожилая женщина быстро встала с кровати, но Халльгерда смотрела молча и не двигалась.

– От этого что-то зависит? – спросила она.

– От этого зависит моя жизнь, – уверенно ответил Гуннар. – Если я смогу удержать их, то спасусь, но, если они начнут наступать по двое или по трое с крыши, рано или поздно мне придет конец. Их больше тридцати против меня одного.

Халльгерда встала.

– Ты дал мне пощечину перед слугами и гостями, – напонила она. – Помнишь, как я тебе тогда сказала, что два человека умерли за меньшее оскорбление? Помнишь, я обещала отплатить тебе, даже если придется ждать двадцать лет? Теперь пришло мое время, и я с удовольствием говорю тебе, что мне нет дела, долго ты продержишься против врагов или нет.

– Ты демон! – крикнула пожилая женщина. – Все беды Гуннара начались после твоего воровства в Церковном Дворе.

– Оставь ее, мама, – спокойно сказал Гуннар. – Я мог бы взять волосы, если бы хотел, но у каждого есть своя гордость. У меня тоже. Даже если это необходимо, я не возьму того, в чем мне так решительно отказали.

– Посмотри в окно, сын! – воскликнула его мать.

Три человека показались в оконном проеме. Двое были вооружены копьями, а третий бил топором по раме, чтобы расширить окно. Гуннару нужно было бы отбить остальных, но он повернулся к человеку с топором, который отскочил назад. На его место прыгнули еще трое. На этот раз Гуннар сбросил их, но окно было таким широким, что он не посмел встать около него, словно цель для вражеских стрел.

Гуннар отступил в сторону и ждал, когда на крыше раздадутся шаги. В проеме появился противник. Гуннар ударил, но человек упал вперед, и копьё прошло над ним. Пока Гуннар вытаскивал его, в комнату запрыгнул другой враг, а через мгновение за ним и третий. Гуннар отступил к стене и выхватил меч. Какое-то время он отражал натиск нападавших, но очень скоро их набилось так много, что у защищавшегося уже не было шансов спастись, несмотря на всю его силу и мастерство.

Гуннар погиб как герой.

Мужчины подняли мечи и молча смотрели на убитого.

– Перед нами лежит великий человек, – произнес наконец Гицур. – Слава о его последней битве будет жить до тех пор, пока на этой земле живут люди.

Мать Гуннара не обращала внимания ни на Гицура, ни на остальных. Она повернулась к Халльгерде:

– Убирайся из этого дома. Если ты останешься в Речном Склоне, люди Гуннара, вернувшиеся с островов, убьют тебя, – только и сказала бедная старая женщина.

Халльгерда уехала в тот же вечер, оставив мать скорбеть над телом сына.

Героя похоронили с подобающими почестями. Лунными ночами пастухи и пастушки слышали над высоким могильным холмом веселый голос Гуннара. Каждую ночь слышались его песни. Его друзья и близкие говорили, что Гуннар счастлив в ином мире.

Пантеон богов Северной Европы

Один – отец всего мира, одноглазый небесный бог с длинной седой бородой, в голубом плаще и серых одеждах. Он жил в Асгарде, ездил по облакам на восьминогом коне и со своего престола обозревал весь мир. Два ворона, Мысль и Память, облетали каждое утро землю и, вернувшись, шепотом рассказывали ему обо всем увиденном. Преданные Одину, воинственные девы Валькирии летали над полями битв и приносили души умерших героев в его небесный дворец Вальхаллу (Вальгаллу).

Фригг – жена Одина.

Тор – сын Одина, рыжебородый и голубоглазый, с огромным боевым молотом Мьёлльнифом. Грохот его колесницы, запряженной двумя козлами, вызывал гром.

Ньёрд – бог ветра. Отец Фрейра и Фрейи.

Фрейр – бог плодородия и урожая, властелин эльфов, помогающих зреть зерну и плодам. Золотой вепрь ему служил конем. Также Фрейр имел корабль, который он сворачивал и убирал в карман. А огненный меч и солнечную лошадь он отдал за свою невесту.

Фрейя – богиня любви и красоты. Она носила алмазное ожерелье и ездила в колеснице, запряженной белыми котами.

Герд – жена Фрейра. Дочь великана холода, символ застывшей земли, оттаивающей под лучами солнца.

Идуни – молодая богиня, хозяйка яблок, благодаря которым боги не старели.

Тюр – храбрый бог, пожертвовавший своей правой рукой, чтобы спасти богов от Фенрира-волка.

Хеймдалль – страж богов, живущий возле моста-радуги, соединяющего землю с небесами. Он мог слышать, как растет трава, и видеть сквозь камни.

Бальдр – прекраснейший и самый лучший из богов. Он был убит слепым богом Хёдом с помощью хитрости Локи.

Локи – самый хитроумный из богов. Он был прекрасен, но зол.

Хель – богиня Хель, хозяйка земли мертвых, которая находилась под землей. Эта богиня была полуженщиной-полутрупом. Столом ей служил Голод, Тревога – постелью.

Норны – низшие женские божества, определявшие судьбы людей при рождении и жившие рядом с судным престолом богов возле Фонтана Мудрости.

Великаны – духи холода. Океан омывал со всех сторон землю, а за ней лежала темная и холодная страна великанов.

Дварфы – рудокопы и ремесленники, живущие под землей.

Монстры и демоны – демоны огня обитали между небом и землей. Однажды они перейдут через мост-радугу, чтобы в Судный день вступить в схватку с богами. Фенрир-волк сидит на цепи, но перед концом света вырвется и проглотит Одина, а «волки тьмы» будут преследовать Солнце и Луну. Змей Мира Ёрмунганд кольцами опоясывает землю, лежа на дне океана. В Судный день он попытается убить Тора, но сам погибнет в схватке.